
Светлана
Багрянцева
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
ЛОМАЯ
ТИШИНУ

Светлана Багрянцева

Ломая тишину

«Автор»
2026

Багрянцева С.

Ломая тишину / С. Багрянцева — «Автор», 2026

По просьбе друга я пришла на день рождения к его одногруппнику мажору и проиграла ему в карты. Долг — поход в таинственный клуб на закрытую вечеринку. Снова игра, но уже в лотерею. Я досталась лоту под номером три. Мужчина в маске уводит в комнату, но у меня начинается паника. Тогда он вывозит из клуба на машине, и отпускает на автобусной остановке. Через неделю мы столкнулись в лифте офисного центра, я узнала этого человека по татуировке на руке. Загадочным незнакомцем оказался владелец компании, в которой я работаю. Он тоже меня узнал и в этот же день вызвал к себе в кабинет, а потом...

© Багрянцева С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	37
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	48
Глава 16	51
Глава 17	54
Глава 18	57
Глава 19	61
Глава 20	63
Глава 21	66
Глава 22	68
Глава 23	70
Глава 24	73
Глава 25	76
Глава 26	78
Глава 27	81
Глава 28	83
Глава 29	86
Глава 30	90
Глава 31	92
Глава 32	95
Глава 33	98
Глава 34	101
Глава 35	104
Глава 36	105
Глава 37	109
Глава 38	113
Глава 39	116
Глава 40	119
Глава 41	121
Глава 42	125
Эпилог	128

Светлана Багрянцева
Ломая тишину

Глава 1

Утро, как всегда, начиналось с того, что не хотелось вылезать из-под пледа. Я с удовольствием осталась бы дома, в тишине своей квартиры, но на работу идти нужно. Меня никто не кормил, кроме меня самой, а на еду необходимо деньги заработать.

Я свернулась калачиком под пледом, будто замёрзла и прикрыла глаза. Ещё одна минута тишины и покоя, всего одна, а дальше я возьму себя в руки и отправлюсь в офис.

И всё же пришлось вставать. Я втиснулась в меховые тапки, поправила пижамную рубашку и пошла в уборную. Санузел в моей небольшой квартире, предоставленной государством, был совмещённый. Везде был минимальный ремонт от строительной фирмы, но я ничего не хотела менять.

Первым делом была зона туалета, затем я пошла умываться. Из зеркала над раковиной на меня глядела уродка с тусклыми волосами и бледной кожей. Это ужасно расстраивало.

— Кому нужна такая уродина, как я? Никому, — шепнула я себе под нос.

Мозг снова грозил утопить меня в самобичевании, что я никчёмное существо, которое только всем мешает. Внезапно о ногу потёрся кот, и это спасло от падения в очередную бездну.

— Вася, ты проголодался? Сейчас, мой хороший, я умоюсь и накормлю тебя, — я улыбнулась и погладила питомца.

«Самое любимое существо в жизни — кот. Он меня не осудит. Не станет смеяться, потому что я неуклюжая. Любит меня такой, какая я есть», — так я думала всегда.

Ваську я подобрала на улице, когда получила квартиру в новостройке. Малыш бегал по двору и жалобно мяукал. Было видно, что он очень худой и не выбежал из квартиры кого-то из жильцов дома. Я взяла его к себе, отмыла, накормила, стала заботиться. Кот ответил благодарностью: обои не драл, быстро приучился к лотку и когтеточке, по утрам не будил, ждал, пока хозяйка сама проснётся.

Утром у меня давно был заведён ритуал: сначала умыться, потом накормить Васю, а уже дальше кофе и бутерброды. У любимца всегда стояла в миске сухой корм, но по утрам я давала ему желе.

Вот и сегодня так же: я поставила на пол мисочку с влажным кормом, Вася с благодарностью потёрся о мою руку. Это прикосновение не вызвало страха или отвращения, наоборот, было приятно, что меня тоже кто-то любит.

Я включила чайник, и пока он закипал, сделала себе парочку бутербродов с ветчиной и сыром. Потом села у окна: в этом месте шторка всегда была задвинута, с улицы меня не было видно, зато я в открытую часть с тоской наблюдала за двором.

Соседи спешили на работу, женщина из соседнего подъезда вела ребёнка в детский сад. Все жили своей жизнью: у кого-то уже была семья, кто-то пока ещё встречался. Я тоже хотела отношений, но не могла на это решиться. Подойти и познакомиться с парнем казалось подвигом, равносильным подъёму на гору Эверест. Мне всё время чудилось, что надо мной только посмеются, а дружить не станут.

— Я на работу, Вася. Квартира остаётся на тебя, — я погладила кота, который залез на соседний стул.

Ещё один ритуал: не уйти, не помыв кружку. Потом я направилась одеваться. Тёмно-синие простые джинсы, которые не облегали тело, но и не были мешковатыми, никакой укороченной талии — только классика. Тёмно-серая рубашка с длинным рукавом даже летом. Тело

максимально закрытое, одежда простая, но не из разряда самой дешёвой, которая расползётся по швам через пару недель. В дополнение ко всему — чёрные кроссовки и такого же цвета женский рюкзачок, куда поместились ключи от квартиры, контейнер с обедом и телефон.

В прихожей послышался шум: кто-то из соседей вышел из квартиры и громко хлопнул дверью. Пришлось переждать, пока человек зайдёт в лифт, и только потом выйти. Я закрыла дверь на ключ, несколько раз проверила, заперта или нет, и уже тогда нажала кнопку лифта. Вздохнула с облегчением, радуясь, что никто из соседей не вышел в этот момент. Я ехала в лифте одна, и это вселяло некоторую уверенность, что день не будет сегодня настолько паршивым, как обычно.

Офис встретил тишиной. Сегодня повезло: я не попала в пробку, не пришлось бежать от остановки как спринтеру. Я любила приходить в числе первых, но опять же только из-за того, чтобы никто не подумал, что я растяпа и даже на работу вовремя явиться не могу.

Я вежливо поздоровалась с охраной на входе, взяла под подпись ключи от кабинета, а потом пошла к лифтам. Их тут было два: грузовой и пассажирский. Я зашла в кабинку, нажала пальцем на десятый этаж и вздохнула с облегчением, когда двери закрылись.

Офис компании, в которой я работала, занимал четыре больших этажа. «Вир-компани» была большой строительной компанией, я работала там одним из сисадминов. Нас было трое: я, Витя Назаренко и Миша Данилов.

Миша в основном следил, чтобы хорошо работал корпоративный мессенджер и система слежения в кабинетах и на стройках. Он давал задание, и мы с Витей вовремя убирали баги, как только что-то начинало ломаться. Витя ходил по этажам, чинил там аппаратуру, если понадобится, менял картриджи в принтерах.

Я радовалась, что меня взяли на работу и не гоняют по кабинетам, я бы не выдержала. Гораздо проще целый день сидеть в углу за своим столом и выполнять задания начальства.

— Привет, Олеся. Как прошли выходные?

В кабинет зашёл Миша, это был симпатичный мужчина средних лет.

Я поздоровалась и лихорадочно соображала, что ответить: «Лежала, смотрела сериал? Прозвучит как „у меня нет жизни“. Гуляла? Ложь, может спросить, где».

— Нормально, Михаил Дмитриевич. Ничего особенного, — наконец выдавила я из себя.

— Ну, это тоже результат! — начальник дружески хлопнул меня по плечу.

Прикосновение словно обожгло, я вздрогнула и едва не отшатнулась. Он заметил, улыбка стала натянутой.

«Всё, теперь Данилов будет меня сторониться. Он понял, что я какая-то ненормальная», — тут же мелькнуло у меня в голове.

— Сегодня работы много, охрана мне сейчас сообщила, что у них в программе что-то сломалось. Нужно выяснить причину и устранить, — заявил начальник, присаживаясь за свой стол.

— Хорошо, я сейчас же начну смотреть, что там могло произойти, — я спешила включить компьютер.

В офисном центре была постоянная охрана, которая дежурила днём и ночью, сменяя друг друга. Они просматривали камеры в коридорах на всех этажах. В нашей строительной фирме имелась своя служба безопасности. Ребята следили за кабинетами, смотрели, чтобы какие-то документы не улетели налево. Всё там было построено чётко владельцем с самого начала.

Я никогда не видела этого мужчину в лицо. Кроме начальников отделов, он ни с кем не общался. На объекты выезжал редко, это была обязанность его заместителя. И всё же у владельца везде свои глаза и уши. Он зорко следил за подчинёнными через свою помощницу. Недавно уволили одну девушку из отдела снабжения. Прошёл слух, что хозяин фирмы увольняет без сожаления за малейшую ошибку. При этом сам он на работу не нанимал, собеседование не проводил, за него всё делал отдел кадров.

Я вздохнула и принялась работать. С чего я вообще начала думать о человеке, с которым меня столкнёт судьба в том случае, если небо на землю рухнет.

Глава 2

Я проснулся в пять тридцать, за минуту до будильника. Привычка, выработанная годами. Я не любил торопиться и потом быстро собираться на работу. Позволил будильнику прозвенеть один раз и выключил. Затем несколько минут абсолютной неподвижности. Я просто лежал и анализировал своё состояние. Ничего не болело, усталости не было, я выспался.

Я быстро встал, не привык нежиться в постели. Электронные шторы подчинились нажатию кнопки, и комнату залило яркое утреннее солнце, оно падало на светлое постельное бельё на большой кровати. В спальне была только она и две прикроватные тумбы. Иногда я думал, зачем мне вторая, всё равно сплю один. Сердце на миг пронзила боль. Одиночество осточертело, но я не нашёл здесь подходящую девушку.

Потащился в уборную голым. Слуг сейчас нет в доме, и я не рисковал быть застигнутым в пикантной ситуации.

Когда я встал в душевую кабину, вода обожгла кожу холодом. Я не поморщился, привык по утрам принимать только контрастный душ, даже зимой. Сейчас лето, и по прогнозам погоды, сегодня будет тридцать градусов. Для человека, выросшего в Индии, это не критично.

После душа я почистил зубы и натянул боксёры и халат. Пошёл в комнату для молитвы и медитации. Казалось, что маленькая фигурка Рамы на столе смотрела на меня пристально. Я зажёг благовония и лампадку, опустился на циновку. Спина прямая, пальцы привычно перебирали самшитовые чётки из ста восьми бусин.

— Шри Рам Джай Рам Джай Джай Рам…

Я должен прочитать мантру сто восемь раз, перебирая чётки. Голос отдавался вибрацией в груди. Там не было суеты, внутри этой комнаты я сын своей земли. За её пределами всё подругому, потому что я научился жить в России.

Когда я прочитал мантру, какое-то время ушёл в себя. Мысли улетучились, в голове образовалась пустота. Этими ритуалами я пытался на миг вернуться на родину и, возможно, спасти себя от грехопадения, хотя уже было поздно.

В столовой меня ждал чёрный кофе и овсянка с семенами годжи. Дивья готовила рано, оставляла всё на столе и уходила в гостевой домик. Я не выносил лишних звуков, поэтому прибирать в доме женщина приходила, когда я был на работе. Её муж, Кедар, молчал за рулём, пока я не заговаривал первым. Меня это устраивало.

Четыре года назад я привёз их с собой из Индии. Кедар попал в трудную ситуацию, его подставили, и он загремел в тюрьму. Дивья в то время работала служанкой в нашем доме и попросила помочь. Хороший адвокат, нанятый мной за приличную сумму, доказал невиновность Кедара. Потом они в благодарность согласились уехать со мной.

Однажды Дивья сказала, что в доме нужна хозяйка, но я никогда не впускал в этот дом женщин. Секс для меня был такой же потребностью, как еда или сон. Поэтому я всегда приводил любовниц в номер гостиницы. Мой дом не для посторонних, я не позволю девушке передвинуть здесь даже чашку, не говоря уже о том, чтобы пустить её полностью в свою жизнь.

Мне тридцать пять. Я говорил это себе не с тревогой, как те мужчины, что дотошно ищут морщины в зеркале каждое утро. Для меня это просто факт. И всё же на душе иногда разливалась тоска. Я не нашёл ту девушку, с которой хотелось бы остаться навсегда вместе.

Где-то в Мумбаи рос мой сын, ему семь лет. Он жил с матерью. Да, я был женат, но развод три года назад не оказался чем-то катастрофическим. Никаких криков, никаких сцен, просто осознание того, что пазл больше не складывался.

Оставил посуду на столе и пошёл в гардеробную.

Дивья уже всё приготовила и повесила на спинку стула. Белоснежная рубашка, светло-серый костюм, галстук. Золотая булавка вошла в ткань с тихим, почти интимным щелчком.

Я надел дорогие часы, их подарила мне мама на день рождения. Некоторые говорили, что дарить такое нельзя — это к расставанию. Я на себе убедился, что иногда работает. Мы жили в разных странах, и когда я надевал эти часы, чувствовал, как скучаю по ней.

Пару секунд я посмотрел на себя в зеркало, знал, что женщины смотрят на меня, когда я вхожу в комнату, видел, что их пальцы непроизвольно тянутся поправить волосы. Меня это не тешило. Красота мужчины ничтожна, когда нет той самой, единственной женщины.

Я вышел из дома, Кедар ждал у машины. Чёрный костюм, идеальная осанка. Он был не только моим водителем, но и телохранителем. Можно нанять охрану из фирмы, но я не хотел.

— Намасте, сахиб, — мужчина сложил ладони, едва заметно склонив голову.

— Намасте, — я ответил тем же жестом, но никогда не кланялся первым.

Это не было гордыней, я уважал его как человека, но мы не равны по статусу.

Сел на заднее сиденье. Рядом лёг кожаный кейс. Я никогда не сидел впереди, мне нравилось наблюдать за миром сквозь тонированное боковое стекло.

Когда мы тронулись в путь, достал планшет, принялся просматривать планы на день, которые уже прислала помощница по корпоративному мессенджеру, потом глянул биржевые сводки. Мы стали подъезжать к офису, я положил планшет в сумку и прикрыл глаза, сосредоточиваясь на работе и новом дне.

***

Быстрым шагом зашёл в приёмную. Ирина Александровна уже здесь, она всегда приходила раньше меня за редким исключением. Ей сорок лет, у неё был безупречный вид и взгляд, который не выражал ничего, кроме готовности действовать. В России редко встретишь женщину, которая так мастерски умеет молчать и угадывать твои пожелания с полуслова.

— Доброе утро, господин Ратхор.

— Доброе утро. Начальника закупок ко мне. Закажите столик в ресторане на час дня. Я буду не один.

Женщина уже набирала номер отдела закупок, пока я проходил мимо. Я поймал себя на мысли, что ни за что не променяю Ирину на сексапильную молодую секретаршу.

Я дал миллион на операцию её дочери четыре года назад, сказал ей, что это в помощь. Сотрудники узнали об этом и возвысили меня в ранг благотворителя. Они не знали всей правды. Я спас её дочь от смерти не просто так, банально купил преданность Ирины.

Кедар, Дивья, Ирина — просто фигуры на шахматной доске. Каждый стоял ровно там, где он нужен. Я строил вокруг себя структуру, которая не шаталась, но я был не просто игроком, а тем, кто придумал правила.

Сел в кресло и достал телефон. Пальцы быстро двигались по стеклу.

«Нужна девушка. Рост от ста шестидесяти. Высокий болевой порог. Тема: тишина и статика. В шесть вечера буду у вас».

Ответ прилетел через сорок секунд: «Машина будет у „Колоса“ в семнадцать сорок пять».

Заблокировал экран и отложил телефон. Тема была закрыта до вечера. Стоило отбросить ненужные мысли и начать работать.

***

День прошёл идеально. Отчёты, цифры, сроки. На обеде партнёр потел и нервно постукивал пальцем по краю стола. Он думал, я не замечаю. Глупец, я замечал всё: как расширялись его зрачки, когда я называл цену, как дрожал голос. Нервозность — это либо слабость, либо блеф. В его случае — капитуляция.

Я дал ему подписать контракт на моих условиях. Даже позволил ему верить, что мы на равных. Иногда хищнику выгодно притвориться сытым, пока жертва ещё не дошла до капкана.

В пять вечера я вышел из офиса. Кедар уже ждал у машины, как всегда, осматривал периметр, потом открыл мне двери.

— К «Колосу», Кедар-джи. Я вернусь не позже чем через час. Подожди меня у торгового центра.

— Хорошо, сахиб.

Никаких лишних слов и многозначительных взглядов в зеркало. Кедар знал: я плачу ему не за понимание, а за то, чтобы он был моей тенью.

Пока мы ползли сквозь небольшие пробки, прошлое внезапно накрыло меня. Я снова вспомнил свою семью.

В моём кругу брак был не союзом двух сердец, это слияние капиталов. Я женился на женщине из богатой семьи, которую к тому же одобрил астролог. Чушь всё это, с некоторых пор я не верил в это. Я был честен с женой, не изменял, хотя и не любил. Думал, жена хотя бы уважает меня, но это было не так.

Заметил слишком долгий взгляд в телефон, едва уловимое изменение в её поведении. Она с кем-то переписывалась в мессенджере, потом говорила, что идёт гулять с подругой. Большинство мужей слепы, я видел мир в режиме сверхчёткости. Это было моё проклятие.

Я нанял детектива, и тот принёс мне снимки через неделю. На них моя жена заходила в номер отеля. Открыл ей молодой мужчина. Ещё снимки: они неосторожно мелькнули у окна, стояли в обнимку и целовались. Я смотрел на эти фото без ярости. У меня не было желания крушить мебель, только холодная пустота внутри. Гипотеза подтвердилась. Следом пришла боль, но не оттого, что я любил, а она изменила мне. Скорее это было чувство собственничества, которое неожиданно растоптали.

Я решил развестись, но семья давила. Отец кричал о традициях и стыде. Я выслушал его и просто пошёл дальше. У нас принято наказать по-тихому, но развод — позор.

И всё же я решился на это. Суд отдал сына матери, я не стал за него воевать, чем ещё раз вызвал гнев отца, тот откуда-то о моих увлечениях узнал ко всему прочему. Папа отрёкся от меня и лишил наследства.

После развода я уехал в Россию, где когда-то учился экономике. Дедушка оставил мне после смерти крупную сумму, мне удалось недорого купить загнивающую строительную компанию. Я построил здесь прибыльный бизнес за четыре года и остался.

Бизнес отца отошёл младшему брату. Пускай. Чужое наследство — чужие правила, я признавал только свои.

Мы подъехали к «Колосу», я пересел в другую машину и вскоре оказался у высокого забора элитного клуба.

В холле меня встретила администратор Алиса. Ей было сорок лет, и она из тех женщин, которые понимают: молчание — гарантия твоей жизни. Впрочем, никто из работающих здесь людей язык распускать не будет, о шантаже вообще речи не шло.

На Алисе были строгая юбка и блузка, волосы собраны в идеальный узел. Она выглядела как топ-менеджер банка, а не администратор закрытого клуба. Мне это нравилось.

— Алиса.

— Мастер Раджа, — она склонила голову. Никаких дежурных улыбок, только уважение. — Добро пожаловать. Оставьте телефон в сейфе.

— Я его не взял с собой, — ответил ей спокойно.

Охранник провёл прибором вдоль моего тела, чтобы проверить на камеры и прослушки. Я не шевельнулся, не выдал себя ни единым вдохом. Люди, которым есть что скрывать, всегда выдают себя телом: сбитый ритм дыхания, бегающий взгляд, лишнее движение. Мне скрывать было нечего.

— Идёмте. Всё готово по вашему запросу, — Алиса пошла впереди.

Я следовал за ней, особо не осматриваясь, всё уже было знакомо. Отделка стен в тёмных тонах, диванчики в зале из натуральной кожи, на столах бордовая скатерть. Приглушённый

свет, температура на грани комфорта. Прохлада держала сознание в тонусе, не давала расслабиться раньше времени.

Переговорная встретила меня ароматом старого дуба, из которого была сделана мебель. На столе лежал договор. Я сел и прочёл его.

Многие думают, что такие бумаги — формальность, но это не совсем так. Я вернул листы на стол и скрестил руки. Ждать я умел лучше, чем большинство людей дышат.

Алиса вернулась через пять минут, с ней была девушка. Я оценил её за те секунды, что она шла к столу. Высокая, крепкая, с той особой силой в плечах, которая появляется после долгих лет изнурительных тренировок. Чёрные брюки, серая футболка. Никакого желания впечатлить.

Её карие глаза встретились с моими. Секунда. Другая. Она не отвела взгляд в испуге, просто вежливо опустила его чуть позже, из уважения к протоколу.

— Подойди. Сядь.

Она опустилась в кресло без лишней вальяжности. Руки на коленях, прямой взгляд.

Я молчал, давя на неё своим присутствием. Проверял на прочность. Большинство начинают ёрзать под моим взглядом, пытаются поправить волосы или сглотнуть. Её дыхание осталось ровным, плечи не дрогнули.

— Расскажи об опыте. Что для тебя значит подчинение?

Голос у неё оказался низким, с приятной плотностью.

— Три года практики. Подчинение — возможность стать точным инструментом для кого-то.

— Хорошо.

Она не расцвела от похвалы, просто приняла мои слова как факт.

— Табу?

Она начала перечислять без лишних эмоций. Секс — нет. Травмы — нет. Оскорбления — нет. Это был не список страхов, а условия контракта. Мои условия на переговорах звучали точно так же.

Маша подписала договоры, а когда она пошла на выход, я смотрел ей вслед, потом отвернулся. Тема была закрыта до завтрашнего вечера, теперь стоило выпить кофе. Возможно, владелец клуба был сегодня здесь.

Я занял свободный столик, сделал заказ. Костя сел напротив, единственный человек в этом городе, которого я называл другом. Я угадал: сегодня он пришёл сюда, хотя основной его бизнес — оптовые поставки стройматериалов. Мы с ним были ещё и партнёрами по бизнесу.

— Это полнолуние выпадает на субботу. Хочу устроить праздник луны. Ты придёшь?

— В прошлый раз я пропустил, был в командировке, но в этот раз буду, — я улыбнулся кончиками губ.

Официант принёс нам кофе. Я оглядел зал: посетителей было достаточно, все из высшего общества. Мелькнул сын Кости, и я нахмурился.

— Опять Артём здесь. Не пойми меня неправильно, это я не к тому, что мне не нравится твой сын, но он слишком наглый и непредсказуемый. Впрочем, решать тебе.

Костя едва заметно напрягся. Я замечал такие вещи на автомате.

— Я уверен, Артём не будет болтать об этом месте. Тогда его карманные исчезнут, как вода в пустыне, — ответил Костя спокойно.

— Он непредсказуем, хотя решать тебе.

Парню было двадцать два года. Он слишком самоуверен, но под этим не было ничего, кроме отцовских денег. Худший вид слепоты. Такие люди либо учатся через боль, либо не учатся никогда. Сейчас это меня не касалось. Я взял чашку. Кофе был действительно хорошим.

Глава 3

Мне снился сон, я лежу на кровати, а меня ласкают, мужские ладони. Лица любовника не видно, оно будто в тумане. Я стонала и просила ещё. Руки мужчины прочертили дорожку от груди до трусиков, вызывая приятную дрожь по всему телу.

Во сне мне не было стыдно, это пугало больше всего. Я не пыталась уйти, лежала и позволяла этим рукам делать со мной всё что угодно. Было слишком хорошо.

Руки были большими. Они двигались медленно, со знанием дела, будто в запасе была целая вечность и тратить её собирались именно так. Пальцы снова прочертили дорожку от груди вниз, к животу.

— Скажи, чего ты хочешь, Олеся. Произнеси вслух, — голос был низкий и спокойный.

— Я… я…

Слова застряли. Горло сдавило, будто тело включило самоцензуру, не позволяя признать очевидное. То, что было написано на мне от макушки до пят: мне нравится. Хочу больше. Умоляю.

Руки снова скользнули вверх, и я опять начала:

— Я…

Проснулась и несколько секунд лежала неподвижно, уставившись в потолок. Пыталась дышать, но воздух шёл с трудом, словно кто-то тяжёлый сел на грудь и не собирался уходить.

Это случалось редко, но метко — предательство собственного тела. Оргазм, который не просила и не могла контролировать. Наяву я никогда не позволяла себе подобного. Даже коснуться себя лишний раз было страшно и стыдно — внутренний критик тут же брался за работу. Во сне плоть брала своё без разрешения.

Вскочила рывком. Выхватила из шкафа чистую пижаму и бельё. Побежала в уборную и залезла в ванну. Выкрутила кран до предела. Встала под струи настолько горячие, насколько выдерживала кожа, и зажмурилась.

Не помогло.

Стыд не смывается водой. Проверено. Он стоит рядом под душем, прислонившись к кафелю, и ждёт. Наблюдает, пока закончишь отмываться, чтобы высказать всё методично, без пауз и возможности перебить.

Это неправильно. У нормальных людей всё иначе. Им снятся нормальные сны, а мне руки мужчины и собственная мольба, будто нет ни капли достоинства. Будто плевать, кто это, лишь бы он не останавливался.

Стояла под водой и слушала обвинения. Возразить было нечем.

— Почему так? — спросил стыд, меняя тактику. — Где романтика в отношениях? Ты думаешь только о сексе как в порно?

— Я извращенка. Кому нужна грязная извращенка? Никому. Я не могу больше одна. Я устал в этом аду, — прошептала он тихо стене.

Горячий пар оседал на плитке, вода барабанила по плечам. Шёпот утонул в шуме, но слова уже прозвучали. Они обрели плоть.

— Кому ты нужна такая? Никому.

Последнее — совсем тихо. Почти про себя. Просто чтобы не задохнуться от мыслей.

Через несколько минут я вышла из ванной полностью одетой. Снова в своей старой заношенной и застиранной фланелевой пижаме. Я спилю в ней даже летом, это мой щит, моя броня, мой кокон. Способ заявить собственному телу: ты закрыто, ты под защитой. Никто не доберётся.

Я добралась до кровати и посмотрела на часы, висевшие на стене. Стрелки показывали пять утра. Ещё рано, можно немного поспать, тем более что на работу не надо. Сегодня четверг,

но я взяла отгул, потому должны проверять газ в квартире, у меня некому остаться и дождаться специалистов.

Почему-то не спалось. Я встала и поплелась на кухню. Начала отдраивать плиту, хотя она не была грязной. Казалось, что придёт газовщик и будет ругаться, что я неряха и загадила всё.

Плита блестела. Мыла её на прошлой неделе, и с тех пор ничего не проливалось, но выдавила средство на губку и снова принялась тереть.

Руки работали, а мозг параллельно крутил сценарий, что это недостаточно чисто.

Поверхность сверкала, но я не останавливалась, тревога требует действия, любого, лишь бы не сидеть в тишине. Лишь бы занять пальцы и переключиться с «кому я нужна», на «здесь осталось пятно». Это не уборка, а способ выжить.

Я драила плиту и думала о руках из сна. О том, что не могу это ни принять, ни отпустить. О газовщике, который ещё не пришёл, но уже напугал. О том, как я чертовски устала от собственной головы.

Моя квартира никогда не бывает идеальной. Я с этим свыклась. Одно дело — знать это самой, и совсем другое — когда в десять утра сюда войдёт чужой человек.

Оглядела комнату его глазами. Мужчина, которого я в глаза не видела, уже ощущался здесь. Его взгляд скользил по стопке книг на полу, по джемперу на спинке стула, по съехавшей подушке.

Бедлам, первое, что придёт ему в голову. Любой нормальный человек не заметил бы ничего особенного, но он заметит.

Принялась убираться в квартире, чтобы заглушить статический шум в голове. Он становился громче, если я долго стояла без движения. Книги — на полку. Джемпер — в шкаф. Подушку — на место. Стёрла пыль там, где её не было. Выровняла коврик у порога с точностью до миллиметра.

Умом понимала: он даже не заглянет в комнату. Пройдёт на кухню, проверит трубы и уйдёт. Десять минут, и всё. Ему плевать на мои полки и мою жизнь.

Но он пройдёт мимо. Бросит случайный взгляд. Одной секунды достаточно, чтобы составить мнение. Людям всегда хватает мгновения, чтобы решить, кто ты такая.

Вася получил завтрак первым. Кот тёрся о ноги с той спокойной благодарностью, которая не требует ничего взамен. Несколько секунд просто смотрела, как он ест. Мой маленький рыжий якорь, единственное, что не давало окончательно утонуть в собственной тревоге.

Потом я села завтракать сама. У окна — штора всегда задёрнута так, чтобы оставалась лишь щель. Видеть двор, но оставаться невидимой.

Скоро придёт Юра.

Вздохнула, чувствуя одновременно и облегчение, и то странное напряжение, которое возникает только рядом с близкими. Потому что они видят тебя по-настоящему.

С Юрой Батуриным мы выросли в одном детдоме, получили квартиры в одном доме. Пока я пробиралась по жизни боком, вжимаясь в стены, Юра шёл прямо. Спорт, армия. Сейчас у него девушка, которая смотрит на него так, как никогда не смотрели на меня.

Никогда ему не завидовала. Просто думала: вот как выглядит тот, кто справился. Кого жизнь не сломала.

Меня она медленно согнула, сантиметр за сантиметром. И теперь я хожу под углом, давно забыв, каково это — стоять прямо.

Однажды я хотела стать волонтёром в хосписе. Нужное дело, где я могла бы отдавать, не требуя ничего взамен. Думала, что справлюсь, но не получилось.

Предстояло пройти медкомиссию, и раздеваться перед врачами стало первым кругом ада. Помню, как бледнела, руки начали ходить ходуном ещё в коридоре. Один из врачей оказался мужчина, он коснулся меня во время осмотра. Рутинное движение, а меня затрясло так, что не

остановить, не скрыть за фальшивой улыбкой и дежурным «всё в порядке, просто нервничаю». Паника накрыла с головой. Кто-то вывел меня из кабинета, всучил стакан воды.

Потом была консультация психиатра.

Тревожное расстройство личности, вот как это называется официально. Не «стеснительность», не «интроверсия», а диагноз в карточке. Приговор: к работе с тяжелобольными не рекомендована.

Врач советовала психолога. Я глянула на ценники в интернете и тут же закрыла вкладку.

Бесплатная очередь? Полгода ожидания, а потом — сесть перед чужим человеком и выложить всё на стол как краплёные карты. Вот она, я. Вот мои сны. Вот страх, у которого слишком много имён. Ни за что не соглашусь.

В детдоме никто не водил меня к специалистам. Никто не спрашивал, нужна ли помощь. Я сторонилась людей, забивалась в углы, избегала касаний, всех это устраивало. Не обижают, и ладно.

Поначалу пытались издеваться: «двойная подкидышка» любимое прозвище, ядовитое и точное. Родня отказалась, приёмная семья вернула. Дважды ненужная.

Потом появился Юра, просто сел рядом однажды и предложил дружбу, будто так и должно быть. Его побаивались, и меня перестали трогать.

После школы мне пришлось учиться два года в колледже. Я бы не выдержала пять лет в институте. Профессию выбрала такую, чтобы не особо светиться на людях.

Юра пришёл через полчаса после газовщика.

Тот, к слову, оказался пожилым и усталым. Посмотрел на плиту три секунды, черкнул что-то в бумагах и ушёл, даже не заметив идеальной чистоты. Всё напряжение, которое накручивала в себе с пяти утра, лопнуло, как пустой пузырь.

Смешно или обидно? Так и не решила.

Юра принёс конфеты. Его способ сказать: «я помню о тебе». Я давно выучила этот язык.

Тут же засуетилась. Это происходит само собой, даже с ним. Руки начинают двигаться, создавая видимость дела. Поставила чайник, переставила кружки. Спросила — чай или кофе? — хотя знала ответ наизусть.

Движение — это защита. Когда заняты руки, они меньше трясутся.

Юра сел за стол и посмотрел на меня тем самым взглядом, который я читаю не хуже конфетных обёрток. Взглядом человека, который твёрдо решил что-то сказать, и моё мнение его не остановит.

— К психологу так и не сходила?

Медленно поставила перед ним кружку, выигрывая секунду.

— Нет. Это дорого, сам знаешь.

Пауза затянулась.

— Да и вообще, — села на своё место, сцепив пальцы вокруг горячей керамики. Мой маленький тёплый якорь. — Не верю в них. Даже в бесплатных.

Юра молчал. Он умеет молчать так, что тишина весит больше любых слов.

Смотрела в кружку.

Что я скажу врачу? Что просыпаюсь в слезах и стыде? Что меня колотит от случайного касания? Что драю чистую плиту на рассвете, потому что не знаю, куда деть панику?

Это история человека, которому нужна помощь. Я это знаю. Просто ещё не готова стать тем, кто её принимает.

— Понимаешь, что так нельзя?

Не вопрос, констатация факта. Юра всегда так — не спрашивает, а выносит вердикт. Он знает меня слишком долго, чтобы тратить время на вежливость.

Медленно, стараясь не выдать дрожь в пальцах, развернула конфету. Шуршание целлофана стало моим спасением, хоть какое-то дело для рук, и повод не смотреть ему в глаза.

— Окончательно себя доведёшь. Нужно вылезать из скорлупы. — Юра подался вперёд, в голосе проступила забота, от которой хочется сжаться ещё сильнее. — Что ты делаешь после работы? Сидишь дома как сыч. Продукты — доставкой, чтобы лишний раз за порог не выходить.

Каждое слово — в цель. Внутри будто выкачали воздух, оставив пустую, звенящую грудную клетку.

— Что предлагаешь? — голос прозвучал резче, чем хотелось бы. — Быть третьей лишней в ваших прогулках с Верой?

— Завтра у Артёма день рождения. Тусовка у него дома. Будем мы с Верой. Катя и Ваня из нашего детдома, они же вместе со мной учатся. Сказал Тёмке, что приду с ещё одной подругой. Он не против.

Открыла было рот, чтобы отказаться, но Юра перебил:

— Только не говори, что никого там не знаешь. Я только что назвал имена.

Я представила, как сижу за столом с фальшивой улыбкой, которую натягиваю каждый раз в незнакомом месте.

— Юр, мне неловко идти к незнакомому человеку без подарка.

— Он богатый, ему ничего не нужно. — Юра на секунду задумался. — Подари свою картину, она в сто раз лучше того постера, что у него висит.

Рисование — это личное. Альбомы на полке — мой тайный мир, куда нет входа никому. У меня есть одна картина, написанная маслом, размытый синий пейзаж. Когда шум в голове становится невыносимым, рисование — мой способ не сойти с ума.

Отдать картину чужаку? Не думай об этом. Это просто вещь.

— Олеся, — голос друга стал тише. — Пожалуйста, ради меня. Я не для того помогал тебе в детстве, чтобы ты замуровала себя в этой норе.

Тишина заполнила кухню. Я взяла ещё одну конфету.

— Неправда. На работу я всё-таки хожу.

Юра посмотрел на меня с той смесью усталости и нежности, которую я не заслуживала.

И тут пришло осознание. Страх, который за три секунды вырос из крошечного укола в ледяную глыбу: он устанет. Рано или поздно ему надоест возиться с таким никчёмным человеком. У него есть Вера, друзья, нормальная жизнь. А я? Обуза по привычке? Жалость?

Я не могла его потерять. Юра единственный, кто до сих пор приносит конфеты. Если уйдёт он, останется только пустота.

— Хорошо. Пойду.

Слово вылетело само. Юра улыбнулся так широко и искренне, что на мгновение ужас внутри отступил.

— Обещай, — быстро добавила я. — Придём вместе и уйдём вместе. Не оставляй меня там одну.

— Сестрёнка, когда я тебя бросал? Всё будет нормально.

Я кивнула, снова терзая фантик.

— Может, познакомишься с кем-то, — бросил он как бы между прочим. — Неприлично в двадцать два года оставаться девственницей.

Лицо обожгло. Уставилась в стол, чувствуя, как жар ползёт от шеи к щекам.

Он прав. Я сама это знала. Затянула, превратила норму в аномалию. Понимать и мочь — разные вещи.

Стоило представить, как я раздеваюсь перед парнем и лёгкие отказывались качать воздух. Ладони становились влажными, а в ушах включался статический шум.

Что, если я не справлюсь? Если парень увидит, какая я деревянная, и рассмеётся? Или, что хуже, вежливо промолчит, а завтра расскажет друзьям? Клеймо «фригидная» приклеится так же намертво, как «подкидышка» в детстве.

Я хотела близости. Правда хотела. Не той, о которой снимают кино. Мне нужно было, чтобы меня вели, жёстко, уверенно. Чтобы кто-то принимал решения, когда мой мозг превращается в кашу.

Боялась признать это даже себе. Потому что признать, значит, стать в собственных глазах размазнёй, извращенкой, тряпкой.

Юра ушёл, ещё раз взяв с меня обещание. Я вымыла кружки. Вытерла стол до блеска. В комнате рухнула на кровать прямо в одежде. Натянула плед до самого подбородка — мой кокон, моя защита.

Завтра будет чужая квартира. Люди, которые умеют дышать, смеяться и касаться друг друга без паники.

Но я уже обещала. Логика бессильна, когда тревога уже расставила в твоей голове свою мебель.

Я свернулась калачиком, уткнувшись носом в подушку.

«Просто один вечер», — шепнула себе. — «Один вечер, и вернёшься в норку».

Ложь. Наглая, необходимая ложь.

Я поверила в неё ровно настолько, чтобы, наконец, уснуть.

Глава 4

Комната без окон

Я зашёл последним. Это не просто привычка. Тот, кто закрывает дверь, становится хозяином пространства. Всё, что осталось снаружи, переставало существовать. Там царила абсолютная тишина, вакуум, который заполнялся только тем, что я привносил сам.

Тёмно-серый ковёр, стальные крепления на стенах — ничего лишнего. Эта комната не притворялась уютной, и именно это в ней притягивало.

Обувь осталась за порогом. Чёрная рубашка, чёрные брюки, сегодня не я был не бизнесменом. Только воля и точность.

Замок щёлкнул с сухим стуком. Маша не шелохнулась. Я несколько секунд смотрел на неё не двигаясь. Звук замка — инстинктивный триггер, на который тело обычно реагирует само: вздрагивают плечи, напрягается шея. Она не выдала ничего.

Маша сидела на коленях спиной ко мне, но тело наклонилось так, что лоб коснулся ковра. Руки были вытянуты вперёд. На теле ни одного клочка одежды.

Я обошёл девушку по кругу: её поза была идеально выверенной, видно, что она не первый год работает в этом клубе.

Я подошёл к столику у стены, поставил длинный футляр, который принёс, открыл его. Затем снял часы, надел тонкую кожаную перчатку и подошёл к девушке.

— Поднимись, но не вставай с колен. Смотри в стену перед собой.

Она подчинилась плавно, будто разворачиваясь изнутри.

— Помнишь стоп-слово?

— Красный.

Голос был ровным, не нарочито спокойным, а по-настоящему живым.

— Если не сможешь говорить?

— Три шумных вдоха носом.

Я вынул из футляра моток джутовой верёвки, встал за спиной Маши. Рука в перчатке легла на её подбородок, мягко, но властно. Поправил наклон её головы, чувствуя, как она отдаёт управление, не сопротивляясь и не пытаясь помочь. Ладонь скользнула между лопаток. Сквозь тонкую кожу перчатки пробивалось её тепло.

— Сведи лопатки. Глубокий вдох. На выдохе опусти плечи.

Плечи опустились, спина выпрямилась, открывая мне её шею и ключицы. Теперь она была полностью беззащитна. Послушная глина. Это чувство удовлетворения сложно объяснить, оно похоже на момент, когда сложнейший отчёт сходится до копейки. Порядок, возникший из хаоса.

— Замри.

Я присел на корточки. Джут скользнул под мышки, фиксируя и лишая её возможности даже повести плечом. Вёл верёвку, чувствуя предсказуемое сопротивление. Крест-накрест на груди. Каждый узел я затягивал с той точностью, которая приходит только с годами практики. Это не было насилием. Это была инженерия человеческой позы.

Проверил каждое крепление, давление, пульс, реакцию кожи. Всё в норме. Теперь она не могла изменить позу сама. Не потому, что была сломлена, а потому, что добровольно передала контроль.

В Индии есть понятие — нияма. Дисциплина как форма уважения. Большинство видит здесь плен, я же видел форму, которая освобождает.

Маша молчала, дышала ровно. Оставалось только ждать. Терпение — самая тихая и самая абсолютная форма власти.

Процесс поглотил меня целиком. Здесь петля, там натяжение, симметрия должна была быть безупречной. Мир сузился до тела перед глазами и джута в руках. Никаких бирж, контрактов или шума города за стенами. Только узел. Только расстояние между витками. Только точность.

Это была моя йога. Личная мантра. В этом сосредоточилось странное, почти пугающее спокойствие.

Закончив с торсом, я спустился ниже. Верёвка зафиксировала локти за спиной в позиции, которую легко назвать беспомощной. Она не дрогнула, ни единого лишнего движения, ни попытки поправить позу по своей воле. Только подчинение, чистое, как математика.

— Теперь зрение.

Я достал из футляра шёлковую повязку. Тёмная ткань, никакой отделки. Завязал сзади плотно, без зазоров. Пальцы работали привычно, не совершая лишних действий.

Когда глаза закрыты, обостряется всё остальное. Кожа начинает буквально слышать. Это знает любой, кто хоть раз оказывался в темноте без права выбора. Без зрения слух обостряется до предела. Шуршание ткани, приглушённые шаги, тяжёлое молчание, всё это обрело вес.

Передо мной сейчас была живая статуя: связанная, ослеплённая, превратившаяся в одно сплошное внимание.

Я снова вернулся к футляру. Ротанговая трость легла в руку, провёл концом вдоль её позвоночника, от шеи до копчика. Медленно, едва касаясь, просто обозначил маршрут. Мышцы под кожей дёрнулись. Рефлекс, физиология, а не слабость.

— Дыхание ровное, — произнёс я тихо. — Думай только о нём, Маша. Всё остальное сейчас не существует.

Первый удар.

Называть это «ударами» в обычном смысле было не совсем верно. Трость опускалась на спину ритмично, с интервалом в десять секунд. Лопатки. Бёдра. Снова спина. Метроном из ротанга. Цель не причинить боль, а нарушить стабильность. Проверить, способно ли тело сохранять форму под внешним воздействием, которое невозможно предсказать.

Внутри меня поднималось то, что не назовёшь радостью: это холодная, чистая сила, торжество исполнения, без садизма и злобы. Я был дирижёром, тело — послушным оркестром. В этой власти не было ярости, только ледяная ясность. Моя настоящая медитация.

— Сядь на пятки. Спину выпрями.

Она перетекла в позу без рывков. Японское сидение: голени под собой, спина вертикально. Поза была жёсткой — давила на стопы, растягивала бёдра. Неподготовленный человек сдаётся через две минуты, но Маша держалась.

Я взял с полки металлический цилиндр, тяжёлый, обжигающий холодом. Установил на голову, точно по центру.

— Если упадёт — накажу.

Без угроз, просто условие.

Песочные часы перевёрнуты. Десять минут тишины. Я просто стоял и ждал, наблюдая за тем, как напрягаются мышцы вдоль её позвоночника. Я видел эти микроскопические движения — тело само боролось за равновесие, пытаясь удержать форму. Оно работало на пределе. И я знал: она старалась не для того, чтобы угодить мне. Она искала ту точку, где дисциплина переходит в нечто большее.

Последняя песчинка упала. Я снял цилиндр и убрал в сторону.

— Медленно веди ладонями по ногам. Спускайся на пол — как ртуть. Дыши ровнее.

Маша опустила лоб на ковёр. Снова десять минут. Я отсчитал их по внутреннему секундомеру, который никогда не подводит. Медленно обошёл её по кругу, считывая всё: угол локтей, натяжение вдоль позвоночника, положение ступней. Контроль абсолютный.

опустил трость на ягодицы, легко, едва касаясь. Простой вопрос, на который тело должно было ответить.

Маша не шелохнулась ни на миллиметр. Мышцы зафиксировали позу раньше, чем мозг успел что-то решить. Это было не просто послушание, рефлекс, вбитый в плоть годами практики. Идеально.

— Назад. Спину выровняй.

Она подчинилась мгновенно.

— Прогнись. Сильнее.

Прогиб — самая честная поза, в ней невозможно притвориться. Через пару минут дрожь в ногах стала явной, а дыхание едва заметно сбилось, но я поймал этот сбой ритма. Предел был близко.

Отложил трость. Наклонился к самому уху, почти касаясь кожи губами.

— Ты сейчас одна. В темноте. Вся твоя вселенная — это моя воля. Почувствуй это. Твоё настоящее место здесь.

Рука в перчатке легла на её затылок, просто фиксируя голову. Тело продолжало мелко дрожать. На лице проступило то самое выражение «когда уже всё», его не спутать ни с чем. Это была не жалоба — финишная прямая.

— Достаточно. Поднимайся.

Я методично развязал узлы. Джут упал на ковёр безжизненной грудой. Снял повязку и подал ей руку.

Она оперлась, встала.

— Садись, — указал я на низкую скамью.

Маша начала растирать запястья, бессознательный жест, чтобы вернуть чувствительность. Я подал стакан воды с лимоном.

— Дыши. Восстанови пульс.

Она быстро пришла в себя. Психика была устойчивой, тело тренированным. Игра прошла без единого сбоя.

— Где было сложнее всего? — спросил я её без лишних эмоций, просто собирая данные.

— Когда заговорили на ухо, мышцы уже горели.

— Понятно. Иди.

Дистанция между нами вернулась мгновенно. Воздух в комнате всё ещё казался плотным от пережитого напряжения, но Маша уже в другом состоянии.

— Благодарю за игру, — произнесла она спокойно.

Короткий кивок, и дверь за ней закрылась.

Я остался один. Снял перчатку, прислонился спиной к холодной стене и закрыл глаза. Адреналин схлынул, как вода в песок. Триумф власти испарился, оставив после себя только привычную ледяную тишину и пустоту, ту самую, которую я пытался заполнить полтора часа, но она вернулась на место, как будто никуда и не уходила.

Маша была отличным материалом. Профессионал. Умела подчиняться красиво и технично, но в её глазах не было того самого отклика. Она выполняла работу, хорошо, качественно, но без нужды в этом. Между «выполнять задачу» и «нуждаться в подчинении» была пропасть. Мне нужна была не глина, а девушка, которая под чужой волей наконец-то обретает себя.

Я чувствовал эту разницу сразу. Маша пришла за деньгами. Это честно, но не то.

Мне хотелось бы найти чистую блондинку. Северный тип, который редко встречается в подобных местах. Здесь таких не было.

Я оттолкнулся от стены, убрал перчатку в футляр. Через несколько дней праздник у Кости. Возможно, там повезёт больше.

Глава 5

Если честно, идти на этот праздник жизни мне совсем не хотелось. Свой день рождения я никогда не справляла, а тут — чужой. Давило обещание, которое дала Юре; отказаться сейчас значило подвести его, а я не могла себе этого позволить. В качестве подарка я взяла свою акварель. Просто несла её в руках и надеялась, что имениннику она хотя бы не помешает.

Мы решили не толкаться в автобусах и в складчину вызвали такси. Машина затормозила у элитной восемнадцатиэтажки. Забор, шикарная детская площадка во дворе — всё здесь буквально кричало о деньгах, которых у меня никогда не было.

Домофон пискнул, калитка открылась, впуская нас в чужой мир. Артём жил на двух последних этажах. Пять комнат. Двухуровневое пространство, которое в моей голове просто не укладывалось.

Хозяин встретил нас в просторной прихожей. Из мебели там была только стойка для одежды и зеркало в полный рост, в котором я мельком увидела свою неуверенность. Юра нас познакомил. Я протянула картину — даже не удосужилась её упаковать, так и держала в руках, чувствуя себя ужасно глупо.

— Круто. Повешу в гостиной. Спасибо, — Артём широко улыбнулся. Голос звучал искренне, но мне легче не стало.

— А это от нас с Викой, — Юра передал пакет.

— Спасибо. Проходите, друзья, все уже в сборе. Юр, ты здесь не впервые, покажи тут всё Олесе, а я — к гостям.

Я быстро сбросила туфли и ушла в ванную, чтобы помыть руки, а заодно хоть на минуту спрятаться. Внутри всё сжималось от липкого, неуютного чувства: это была не моя жизнь. Такие девушки, как я, не приходят в гости к людям с пятикомнатными квартирами. Мы просто существуем в разных измерениях.

Юра устроил мне быструю экскурсию. На первом уровне — кухня, столовая и гостиная. На втором — три спальни. Мы зашли в столовую: длинный овальный стол, стулья с высокими спинками. Вместо штор здесь были причудливые жалюзи, которые хозяин зачем-то наглухо закрыл.

Артём жил в этих хоромах один. Юра шепнул, что жильё купили «на вырост» — с прицелом на будущую семью и детей. Я смотрела на пустые углы и думала, как странно планировать счастье квадратными метрами.

Нас представили гостям. Среди присутствующих я действительно заметила пару знакомых лиц, но это не успокаивало. В голове крутилось недоумение: зачем этому мажору, окружённому такими же баловнями судьбы, понадобились нищие детдомовцы? Он хочет казаться благодетелем или просто коллекционирует контрасты?

Я уставилась в пустую тарелку, не решаясь положить себе еды. Блюда пахли изумительно, некоторые деликатесы я видела только на картинках, но страх был сильнее голода. Мне казалось, что стоит только потянуться за салатом, как я обязательно уроню ложку или капну соусом на эту ослепительно-белую скатерть. Позор был бы мгновенным.

Меня выручил Юра. Он сидел между мной и Викой и, закончив ухаживать за своей девушкой, друг наполнил мою тарелку.

Вокруг было шумно. Все переговаривались, смеялись, обменивались шутками, смысла которых не улавливала. Я инстинктивно съёжилась, стараясь жевать как можно незаметнее. Вступать в разговор боялась — одно лишнее слово, и все поймут, насколько я здесь лишняя. Сочтут глупой. Или что ещё хуже, жалкой.

— Артём, желаю тебе сбычи мечт! — один из парней поднял тяжёлый стакан с янтарной жидкостью. Виски или коньяк — для меня это не имело значения.

Девушкам разлили вино. Бокал передо мной тоже наполнился.

— Эй, а чего новенькая не пьёт? — бросил кто-то из компании.

— Ребят, не надо её спаивать, — решительно отрезал Юра, пытаясь меня защитить.

— Я выпью, — пискнула я.

Голос прозвучал жалко, но я боялась, что если откажусь, то стану ещё более белой вороной. Спиртное обожгло горло так, будто я глотнула жидкий огонь. Я никогда раньше не пробовала алкоголь и тут же зашлась в кашле. Юра моментально подпихнул мне стакан с соком. К счастью, никто не стал в открытую ёрничать, но я была уверена: про себя они надо мной потешаются. Мне двадцать два, а я даже пить не умею.

В голове быстро зашумело. Юра тихо посоветовал мне закусывать, чтобы совсем не развезло. В теле появилась странная расслабленность, но она была поверхностной. Глубоко внутри всё равно продолжала думать о том, какая я здесь лишняя.

Смех и шутки не стихали, вино в бокале снова обновили.

Кто-то произнёс очередной тост, кажется, девушка, но я не разобрала, кто именно, потому что старалась ни на кого не смотреть. Внезапно ко мне подошёл Артём и бесцеремонно обнял за шею. Я вздрогнула и инстинктивно дёрнулась в сторону.

— Подруга, я пригласил тебя не для того, чтобы ты тут в углу пряталась. Пей за моё здоровье. Или тебе в падлу поздравить именинника? — прошептал он мне на ухо.

— Артём, оставь её, — вмешался Юра.

— Чего оставить? Я же в неё силой не вливаю. Раз пришла, пусть веселится. Мы потом ещё в карты пойдём играть, — Артём, наконец, отстранился и по-хозяйски хлопнул меня по плечу.

Я выпила, едва сдерживая подступающую панику.

— Я в покер не умею, — голос прозвучал тише, чем хотелось бы. — Только в «дурака» раньше играла.

— Так и мы не в покер собрались! «Дурак» — это же весело. Мы на желания играем. Ну, там, прокукарекать или мяукнуть, — он захохотал и вернулся на своё место.

После второго бокала я захмелела окончательно. Другие были ещё пьянее, потому что начали гораздо раньше меня. Я твёрдо решила, что на этом всё. Кто знает, как поведёт себя мой организм под градусом? Контроль — это единственное, что у меня оставалось, потерять его здесь было равносильно смерти.

— Идёмте в зал! — крикнул Артём. — Потом ещё накатим, а пока — музыка, танцы и карты!

Все гурьбой повалили в другую комнату. Я плелась в хвосте, рассматривая гостей. Здесь было несколько парней и девушек, чья одежда так явно кричала о брендах и деньгах, что мне хотелось стать невидимкой.

Зал оказался ещё просторнее столовой. Огромный диван буквой «П», журнальный столик и несколько глубоких кресел. На стене — тонкая плазма размером с окно.

Артём врубил музыку на полную. Кто-то сразу пошёл танцевать, кто-то повалился на диван. Я забилась в кресло в самом углу. Смотрела, как двигаются Юра и Вика, и понимала: я бы так ни за что не смогла. Слишком много внимания, слишком много свободы.

— Ты чего тут застряла? — Артём возник прямо передо мной, перекрывая обзор. — Не хочешь танцевать — пошли играть в карты. Ты обещала.

Артём не стал слушать возражений. Сначала усадил меня на диван, а сам занял второе кресло, пододвинутое к столику.

— Правила все помнят? — бросил Артём остальным.

Гости закивали. Из-за дурацкой стеснительности я так и не решилась уточнить детали. Впрочем, Артём уже говорил: играем на желания. Я просто молилась про себя, чтобы мне везло, чтобы карты ложились правильно.

Когда кто-то проигрывал, я видела, как Артём раскладывает на столе карточки с заданиями. Проигравший вытягивал один прямоугольник, читал вслух свой «приговор», и карточка исчезала под столом, чтобы не повториться.

С тяжёлым сердцем я осознала, что в этот круг втянулись только бедные гости. Юра с Викой продолжали танцевать, а мы сидели здесь, под прицелом хозяйского взгляда. Задания не были сложными, но от них несло унижением. Встать на четвереньки и трижды пролаять, что ты «блохастая псина». Похлопать себя по заду с криком «кукареку». Повторить пять раз: «я ничтожество».

Внутри всё похолодело. Я ненавидела себя за то, что ввязалась в это. Артём, казалось, обладал феноменальной памятью — он чётко знал, какие карты вышли из игры, и ни разу не проиграл.

— Я больше не хочу, — мой голос дрогнул и сорвался.

— В последний раз, — Артём захохотал, обводя нас взглядом. — И идём танцевать. Никто не уходит из-за стола, пока я ни разу не проиграл. Поднажмите, ребята, завалите меня!

— Олеся, ты не имеешь права уходить, — встряла Катя, с которой мы вместе выросли в детдоме. — Оставайся, надо его проучить.

Я осталась. Сдалась под общим давлением, хотя всё внутри кричало: «Беги». Конечно, мне не повезло. Я проиграла. Не кому-то из ребят, а самому имениннику.

Артём медленно выложил на стол три последние карточки. Я чувствовала, как дрожат пальцы, когда переворачивала одну из них.

— Секретное задание, — прочитала я вслух, голос едва слушался.

— Завтра в восемь вечера встречаемся у торгового центра «Колос», — Артём произнёс это буднично, будто планировал поход в кино. — Я отвезу тебя в одно место, и там ты выполнишь задание.

— Я не поеду с тобой в незнакомое место, — я попыталась защититься, но голос прозвучал слишком слабо.

Артём подался вперёд. Гнев в его глазах вспыхнул так мгновенно, что я отпрянула.

— Милая, ты правила забыла? Ах да, ты же здесь впервые. От задания можно отказаться, — он сделал паузу, и его улыбка стала хищной. — Но тогда завтра ты принесёшь мне в клювике двести тысяч рублей. Карточный долг — это святое. Либо выполняешь задание, либо платишь.

Я подскочила как ошпаренная и бросилась прочь из зала. Сердце колотилось где-то в горле, руки ходили ходуном. В столовой я схватила первый попавшийся графин и начала жадно пить сок, едва не захлёбываясь.

Дверь за моей спиной закрылась с сухим щелчком. Я обернулась. Артём стоял у порога, отрезая мне путь к выходу.

— Знаешь, зачем вся эта беднота таскается на мои вечеринки? — спросил он, не подходя ближе. — Чтобы пожрать деликатесы, на которые у них никогда не хватит денег, и хоть бочком прикоснуться к элите. Девчонки мечтают подцепить здесь богатого парня. Один Юра для меня почти друг — он помогает мне с учёбой, и только поэтому здесь.

Теперь я окончательно поняла, зачем Артём приглашает к себе таких, как мы. Ему нужно легальное поле для издевательств. Юра, скорее всего, даже не догадывался об этом — он-то считал, что помогает мне «развеяться», вытаскивая из четырёх стен.

Как я узнала позже, Артёму просто стало скучно. Его вечеринки превратились в день сурка с одними и теми же лицами. Его богатые друзья не садились за карточный стол — они предпочитали стоять в стороне и ржать над тем, как нищеброды унижаются ради куска деликатеса. Когда Юра предложил привести меня, Артём, наверное, едва сдержал хохот. Я была для него идеальной жертвой: настолько запуганная, что одно моё присутствие среди этих «монстров» уже выглядело как комедия.

В игре мне катастрофически не везло. Я выбывала первой, а в решающем раунде проиграла именно хозяину дома. Артём с каким-то особенным изяществом достал с полки три карточки, которые ещё не мелькали на столе. Он решил сыграть по-крупному. Я тогда не знала, что на всех трёх карточках было написано одно и то же: «секретное задание». У меня изначально не было выбора, только иллюзия.

Когда я попыталась заартачиться и убежала в столовую, он пошёл следом. Артём знал, что никто из его «друзей» не рискнёт вмешаться. Он закрыл дверь, отрезая меня от мира, и выплеснул всю свою желчь по поводу бедняков, которые ходят сюда кормиться.

Затем он подошёл вплотную. Прежде чем я успела отшатнуться, его рука вцепилась в мои волосы. Рывок был резким — голова запрокинулась, в шее что-то хрустнуло, и я невольно ойкнула от боли.

Артём наклонился так низко, что я чувствовала его горячее, пахнущее алкоголем дыхание. Его лицо исказилось от гнева.

— Значит так, милая, — прошипел он мне в губы. — Либо ты выполняешь моё задание, либо завтра приносишь к «Колосу» двести тысяч. Не будет денег — поставлю на счётчик. Каждый день плюс десятка. Если через неделю не расплатишься, к тебе домой ввалится толпа мужиков. Тебя будут иметь до тех пор, пока из твоей задницы кровь фонтаном не польётся. Что выбираешь, сладкая блондинка?

— Я выполню задание. У меня нет таких денег, мне никогда не дадут такой кредит, это слишком много, — пролепетала я, чувствуя, как внутри всё разлетается на куски.

Паника накрыла с головой, тело начало бить в крупной дрожи. Артём разжал пальцы, и я просто рухнула на паркет. Колени ударились о жёсткое дерево, но я почти не почувствовала боли — страх был сильнее.

— Вздумаешь Юрке пожаловаться — и твою задницу порвут просто так, для острастки. Чтобы язык, где не надо, не высовывала. Поняла?

— Поняла, — прохрипела я, не поднимая глаз.

Он ушёл, чеканя шаги, а через несколько секунд в столовую ворвался Юра. Его лицо было перекошено от беспокойства.

— Что случилось? Артём сказал, тебе плохо? На, пей сок, маленькими глотками, давай.

— Мне… мне просто внезапно стало нехорошо, — соврала я, с трудом сглатывая ком в горле. — Тут слишком шумно, Юр. Я вызову такси и поеду домой.

Я сделала пару глотков, а потом начала незаметно кусать губы и щипать себя за запястья — любая физическая боль помогала не сорваться в истерику прямо здесь. Нужно было прийти в норму, хотя бы внешне.

— Хорошо, я провожу тебя, — Юра виновато опустил плечи. — Прости, я не думал, что этот шум на тебя так подействует.

Я смогла выдохнуть только в машине. Когда такси тронулось, я забилась в угол сиденья, глядя на проносящиеся огни города, который вдруг стал враждебным.

Дома я первым делом бросилась в душ. Включила горячую воду — почти кипяток. Почему-то казалось, что если я хорошенько протру кожу мочалкой, то смогу смыть с себя этот вечер, этот страх и само присутствие Артёма в моей жизни.

Слёзы хлынули неожиданно, смешиваясь с тяжёлыми каплями душа. Я тёрла себя до красноты, а в голове стучал один и тот же вопрос: что ждёт меня завтра? Я знала, что не смогу не прийти. Глядя в его безумные глаза, я поняла: этот мажор не шутил насчёт расправы.

Глава 6

Весь день прошёл в липком тумане. Я трижды ставила чайник и трижды забывала про него, вспоминая только тогда, когда он начинал исходить свистом на всю кухню. Подходила к окну, замирала, глядя на прохожих, но не видела лиц — только мелькающие тени. В голове был один сплошной шум.

Я не могла заставить себя сесть. Стоило опуститься на диван, как внутри всё начинало зудеть, выталкивая меня обратно. Мерила шагами квартиру: кухня, коридор, спальня. По кругу. Ходила почти бесшумно, на цыпочках, будто в соседней комнате затаилось нечто страшное, что нельзя было тревожить. Хотя я понимала: это «страшное» уже давно живёт у меня в голове.

Позвонить Юре? Я остановилась посреди комнаты, глядя в пустоту. И что он сделает? Мы оба — никто. У него нет ни связей, ни денег. Он надёжный, он единственный, кто у меня есть, но против Артёма он безоружен. Иногда доброты слишком мало, чтобы спастись.

Полиция? Я представила, как пишу заявление на человека, чей отец купил ему свободу от армии, даже не моргнув глазом, и мне стало почти смешно. Если они могут так легко ломать систему, то мой листок с жалобой просто выбросят в корзину, даже не дочитав.

К торговому центру я ехала на автобусе. Смотрела в окно на дома и светофоры, и всё вокруг казалось фальшивым, будто город превратился в картонные декорации. Ладони то и дело становились влажными, я вытирала их о джинсы. Во рту пересохло так, что язык прилипал к нёбу.

На стоянке у торгового центра я нашла машину Артёма. Села на сиденье, стараясь не дышать слишком громко.

— Привет, — выдавила я.

Артём не обернулся. Лишь едва заметно кивнул, продолжая смотреть в лобовое стекло. Я поняла: легко он меня не отпустит.

— Артём, я... я отдам деньги. Все двести тысяч, — мой голос сорвался. — Я могу выплачивать по десять тысяч в месяц, сразу, как буду получать зарплату, клянусь.

Парень резко развернулся. В его взгляде не было ярости, только ледяное пренебрежение, от которого захотелось исчезнуть.

— Ты издеваешься? — прошипел он. — Два года? Ты серьёзно думаешь, что я буду ждать свои копейки два года? Я сказал: либо всё сразу, либо счётчик. Ты сама выбрала.

— Что я должна сделать? — прошептала я, паника сдавила горло так, что слова выходили с трудом.

— Сегодня у «избранных» лотерея. Наденешь плащ с капюшоном, чтобы лица не было видно. Выйдешь в зал к барабану и нажмёшь красную кнопку. Когда выпадет шар, покажешь номер людям в белых балахонах. К тебе подойдёт тот, чей номер совпал. Уйдёшь с ним и сделаешь всё, что он тебе прикажет.

Мир вокруг поплыл. Это не было глупым заданием «на слабо». Это был приговор. Я смотрела на него и не узнавала человека, с которым сидела за одним столом ещё вчера.

— Не бойся, — он равнодушно похлопал меня по плечу, и от этого жеста меня едва не стошнило. — Там будут серьёзные мужчины. Тебе может даже повезти.

— Не поеду, — выдохнула я.

Сразу услышала, как предательски дрогнул голос. Ненавижу это.

Артём ничего не ответил. Он достал телефон — спокойно, без спешки. Так действует человек, который заранее знает финал. Несколько секунд парень копался в нём, а потом поднёс экран прямо к моему лицу.

На видео насиловали девушку и требовали отдать Артёму карточный долг. Одного взгляда хватило, чтобы я отвернулась. Желудок мгновенно скрутило в узел.

Попыталась выровнять дыхание, получалось паршиво. Парень вцепился в мои волосы, подтянул к себе. У меня перехватило дыхание от страха, и я начала трястись.

— Так же хочется? — его голос звучал у самого уха. — Мне им позвонить?

Я не могла вымолвить ни слова. Горло перекрыло, будто кто-то нажал на невидимую кнопку. Внутри воцарилась тишина — мёртвая, сосущая. Та самая секунда между тем, как ты оступаешься, и тем, как летишь в пропасть.

— Всё сделаю, — наконец выдавила я. — Не надо.

Он разжал пальцы и убрал телефон в карман.

— Успокойся, — в этом слове не было ни капли заботы, только техническое указание. — Выдашь себя хоть одним движением — и с тобой будет то же самое, что и с той девкой.

Я кивнула.

Тело сделало это само, без участия мозга и моего разрешения. Просто механический жест человека, который уже сломлен, но ещё не успел этого осознать.

Я увидела на лице Артёма едва заметную улыбку хищника, который получил именно то, чего хотел. Для него это было удовольствием. Тогда меня накрыло по-настоящему. Это был не страх — его я чувствовала весь день. Пришло понимание того, что я для него не человек. Я — материал, из которого можно лепить всё что угодно, потому что Артём мастерски выбирает тех, кому некуда идти.

Он не ошибся. Мне действительно было некуда идти.

Дрожащими руками я натянула плащ, который он мне подал. Застёгивала пуговицы — одну, вторую, третью — и считала их, чтобы не упасть раньше времени.

Мы поехали и вскоре затормозили у высокого забора без вывески. Глядя сквозь стекло на этот бетонный склеп, я думала только об одном: никто на всём свете не знает, что я здесь.

Удивительно, но машину пропустили прямо в гараж. Оказалось, он подземный и очень большой. Вышли из салона, и Артём повёл меня в здание, не выходя на улицу.

— Запомни. Не выдай себя ничем, — строго сказал парень.

Я промолчала, слова закончились, исчезли все до единого. Остался только этот бесконечный подземный коридор, тяжесть чужой руки на лопатке и тошнотворное чувство, что ноги больше мне не принадлежат.

Коридор казался вечным. Свет вспыхивал порциями, автоматически отслеживая наши шаги. Казалось, даже само здание не хотело показывать всё сразу, выдавая реальность короткими, холодными фрагментами.

Артём открыл дверь и почти небрежно подтолкнул меня внутрь. Так открывают клетку. Потом он вывел меня к залу и поставил в конец очереди у входа со шторкой.

— Удачи, Олеся, — выдохнул он в затылок.

Впереди были лишь тени в широких балахонах. Ни лиц, ни имён. Безликие, взаимозаменяемые фигуры.

«Возьми себя в руки», — я повторяла это как мантру, которая могла меня спасти.

— Напоминаю, — раздался впереди чей-то властный голос. — Сегодня лоты позволяют делать с собой почти всё, кроме увечий. Секс не возбраняется.

Внутри всё оборвалось. Трясло так, что это было почти физически больно. Дрожь поднималась из самого живота к плечам, растекаясь до кончиков пальцев. Я сжала кулаки в карманах плаща так, что ногти впились в ладони. Считала. Один. Два. Три. Просто цифры. Единственный способ заставить голову делать хоть что-то, кроме как кричать.

Очередь двигалась. Один силуэт вышел в зал, затем второй, пока передо мной не осталась чья-то широкая спина в плаще — ни пола, ни возраста, просто кусок ткани в темноте.

— Ещё один лот выберет себе партнёра на эту ночь.

Человек впереди шагнул за шторку и пропал. Теперь моя очередь. Я обернулась, Артём смотрел на меня пристально. Стало ясно, что он будет наблюдать, прячась за шторкой. Мне не сбежать. Когда объявили, кто выиграл лот, я вышла.

Зал тонул в полумраке. В самом центре — напольные подсвечники с живым огнём, а в круге света — барабан. На стульях сидели человек пять в белом балахоне и маске, остальные места уже пустовали. Это выглядело как сцена из дурного сна, который происходит не со мной. Такие девушки, как я, не стоят в круге из свечей, ожидая, пока их судьбу решит случайный шар, но я стояла.

Мужчина в балахоне начал было говорить, но внезапно запнулся. Удивился, увидев меня, но не сказал, что я здесь чужая.

— У нас последний лот, — в его голосе проснулся интерес. — Кто останется без пары, Алиса подберёт девушку вне лотереи.

Лот.

Раньше это слово ассоциировалось с аукционами, вазами или старой мебелью. Теперь оно означало меня.

Я шла к барабану, не чувствуя пола под ногами. Каждый шаг требовал колоссального усилия — не физического, а волевого. Усилия просто продолжать существовать в этой комнате, в этой роли, которую мне навязали.

Я нажала красную кнопку, дрожащими пальцами. Шарик выкатился в лунку — маленький, белый. Я взяла его, раскрутила. Цифра три, показала её ведущему

— Отлично, — радостно сказал мужчина. — Лот уходит с номером три.

Я сжимала холодный пластик в ладони и знала: Артём там, за шторой, сейчас доволен. И это было самым страшным. Я стала идеальным товаром.

Мужчина под номером три встал, прошёл мимо, не глянув на меня. Он сделал несколько шагов — и остановился. Обернулся. Увидел, что я не иду следом. Секунда и он вернулся, взял меня за руку и пошёл вперёд.

Я потянула руку назад. Хватка незнакомца не была жёсткой, но он всё равно не отпустил. Тогда во мне что-то сломалось, не постепенно — сразу. Паника пришла как волна, которую не успеваешь увидеть раньше, чем она тебя накрывает. Перед глазами всё слегка поплыло. Мысли перестали быть связными — остались только обрывки, острые и хаотичные: «Куда? Что? Нельзя калечить, но остальное можно? Что значит остальное? Что они здесь делают с девушками?»

Коридор. Дверь. Комната. Я тащилась за мужчиной и тряслась ещё больше.

Он закрыл дверь за нами, и я огляделась — быстро, судорожно, как оглядываются люди, которые ищут выход и заранее знают, что не найдут. Скобы на стене, назначение которых я не понимала и от которых хотела немедленно отвести взгляд. Массивное кресло. Столик с графином.

Меня трясло по-настоящему, крупной дрожью, которую невозможно было скрыть или проконтролировать. Мужчина подошёл и откинул капюшон с моей головы, потом снял свой. Лицо под ним скрывала чёрная маска, только губы открыты, больше ничего.

— Не надо, — услышала я свой голос, он был чужим, слишком тонким. — Пожалуйста. Я не хотела сюда приходить. Я хочу уйти. Пожалуйста, отпустите меня. Пожалуйста, не делайте ничего. Пожалуйста.

Слёзы текли по лицу, я их не почувствовала раньше, чем они добрались до подбородка. Я не плакала намеренно, тело просто решило за меня.

— Блядь, — тихо сказал мужчина, гневно, но негромко. — Только этого не хватало. — Сядь в кресло.

Я не пошевелилась, даже присесть в этой комнате было жутко.

— Сядь в кресло!

Это было сказано иначе — резко, холодно, как команда, которую не обсуждают. Что-то в этом тоне на секунду выдернуло меня из паники. Как щелчок. Как резкий свет в тёмной комнате.

Я села, мужчина взял со столика стакан, налил воды и протянул мне.

Я невольно уставилась на его руку. На тыльной стороне ладони была татуировка — цветная, детальная: какой-то цветок, а в центре — глаз.

— Пей маленькими глотками, — сказал он. — Давай. Дыши глубже. Вдох. Выдох. Пей воду. Медленнее. Вдох-выдох. Вот так. Повторяй.

Я не понимала, почему слушалась его. Казалось, от этих приказов становилось легче.

— Вдох. Глоток. Выдох. Ещё глоток.

Голос звучал ровно. В нём не было ни капли тепла или мягкости, только холодная размеренность. Но именно за эту интонацию я и зацепилась. Она стала моим поручнем в темноте: не согревала, не внушала доверия, но была чем-то твёрдым и надёжным в мире, который только что ушёл у меня из-под ног.

Дрожь стала тише. Потом ещё тише. Мир перестал крениться.

— Сколько тебе лет, — спросил мужчина строго. — Говори правду.

— Двадцать два, — сказала я и зачем-то добавила: — Господин.

Я сама не поняла, откуда это взялось. Слово вырвалось раньше, чем я успела его остановить — как будто какая-то часть меня уже решила, что в этой комнате, с этим человеком, лучше соблюдать правила, которых я не знала, чем нарушать их случайно.

Он забрал пустой стакан. Я смотрела на его губы — единственное, что было открыто на его лице, пыталась понять хоть что-нибудь. Возраст. Намерение. Есть ли там что-то, что отличает его от Артёма?

Мужчина снова что-то произнёс — и я вдруг поняла, что в его речи есть акцент, лёгкий, но отчётливый. Иностранец?

Я не знала, что с этим делать.

Я не знала вообще ничего — только то, что дрожь почти прошла, стакан был пустым и где-то за дверью этой комнаты существовал Артём, который ждал, что всё пойдёт по его плану.

Глава 7

Балахон сидел плохо.

Дело не в размере, а в самом ощущении — я терпеть не могу чужую ткань на коже и анонимность, которую не я контролирую. Правила есть правила, и раз я решил в это играть, буду их соблюдать. Поправил чёрную маску, закрыв лицо до губ.

Перчатки.

Только в этот момент я вспомнил, что они остались дома, на полке в гардеробе. Замер на секунду, переваривая эту оплошность, но тут же отпустил ситуацию. Возвращаться поздно.

Зал наполнялся медленно и методично. Костя предупреждал: участников двадцать, лотов — пятнадцать. Те, кому не повезёт, могут попросить Алису привести кого-то для игры, но меня это мало заботило.

Я сел и начал считать. Один. Два. Пять. Одиннадцать.

Привычка, а не тревога, когда давно перестаёшь доверять случаю, это становится твоей второй натурой.

Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать.

Ведущий запнулся. Это была секундная заминка, почти незаметная, но я её поймал. Он объявил о внеплановом шестнадцатом лоте и двинулся дальше по сценарию.

Как только шестнадцатый лот появился из-за шторы, я сразу понял: что-то не так. Большинство людей этого не замечают, потому что смотрят поверхностно. Средний рост, около метра шестидесяти. Плотная ткань балахона скрывала фигуру, но я видел посадку плеч, пропорции, то, как она держала руки. Капюшон скрывал лицо, но её тело кричало само за себя.

Когда она пошла к барабану, я увидел это отчётливо. Тонкая дрожь — не от азарта или предвкушения. Это была судорога человека, который из последних сил пытается не рассыпаться прямо на глазах у всех. Это не был профессиональный трепет перед игрой. В ней было что-то другое, и я это почувствовал, потому что читаю тела так же легко, как балансовые отчёты.

Барабан прокрутился. Шарик выпал в лунку. Ведущий объявил номер три. Мой номер.

Я поднялся и пошёл к своей комнате, не оборачиваясь. Она должна была следовать за мной на расстоянии шага, но за спиной было тихо. Слишком тихо.

Я остановился и обернулся. Девушка застыла на месте. Теперь она тряслась уже не скрываясь.

Что происходит?

Внутри вспыхнуло раздражение. Вернулся к ней, взял за руку, давая понять, что нужно идти. Она дёрнулась, пытаясь вырваться. Этого я не ожидал. В таких клубах не бывает случайных людей. Здесь либо опытные игроки, либо подготовленные новички. Я довёл её до комнаты и закрыл дверь. Подошёл вплотную и откинул капюшон.

Молодая. Лет двадцать, не больше. Светлые волосы — настоящие, именно такие, какие я тщетно искал в каталогах. Бледная кожа. В глазах не азарт, а настоящий, животный страх человека, у которого нет выбора.

Я снял свой капюшон, оставив маску. Паника у девушки нарастала лавиной: рваное дыхание, загнанный взгляд. Я знал этот момент — если не остановить её сейчас, она сорвётся в истерику.

— Не надо, — её слова выходили беспорядочным комом, перемешиваясь со слезами. — Пожалуйста. Я не хотела сюда приходить. Я хочу уйти. Пожалуйста, отпустите меня. Пожалуйста, не делайте ничего. Пожалуйста.

Её слёзы были настоящими. Внутри меня что-то сжалось, но не от жалости, а от понимания: она здесь не по своей воле. Это не игра. Передо мной сидела напуганная девица.

— Блядь, — произнёс я раздражённо, а потом добавил, но так, чтобы у неё не возникло желания спорить. — Сядь в кресло,

Она не пошевелилась.

— Сядь в кресло! — сказал я приказным тоном, пришлось кричать на неё, сбивая панику.

Она подчинилась, что было уже удачей в её состоянии. Я налил воды в стакан и протянул ей.

— Пей. Маленькими глотками, — она взяла стакан трясущимися руками, зубы застучали о край стекла. - Давай. Дыши глубже. Вдох. Выдох. Пей воду. Медленнее. Вдох-выдох. Вот так. Повторяй.

Она слушалась моего приказного тона и уже не так тряслась, как раньше. Ещё раз посмотрел на неё пристально. Не кукольное личико, а просто миленькое, но это притягивало к ней больше всего.

— Вдох. Глоток. Выдох. Ещё глоток, — теперь я говорил спокойно.

В моём голосе не было мягкости, только холодная уверенность, но я видел, как девушка цепляется за это. Она слушалась беспрекословно. Это поразило, мои команды ложились на её сознание, будто ключ в идеально смазанный замок. Плечи опустились, дыхание выровнялось. Паника никуда не делась, но теперь у неё был вектор. Направление.

— Сколько тебе лет? Говори правду.

— Двадцать два, господин.

Это «господин» хлестнуло по нервам. Я не ожидал услышать такое от человека в её состоянии. Оно вырвалось у неё на автомате, без фальши, именно поэтому сказало мне больше, чем любой подготовленный ответ.

Тот самый тип девушки, который я безуспешно искал в каталогах клуба, сидел сейчас передо мной. Но по всем правилам нельзя было даже прикасаться. Где-то глубоко внутри меня это по-настоящему бесило. Она здесь чужая, её нельзя трогать. Девушки, которые приходят сюда, знают, зачем им это нужно — деньги. Платили тут прилично, и никто не жаловался. Эта симпатичная пташка залетела в клуб случайно.

— Как тебя зовут?

— Олеся, — губы ещё дрожали, но голос девушки стал твёрже.

— Телефон при себе?

— Нет. Артём сказал оставить дома.

Артём? Стоило ей произнести это имя, как внутри всё встало на свои места. Сын Кости, тот самый парень, о котором я совсем недавно предупреждал друга.

— Не трогайте меня, господин, пожалуйста... — Олеся снова начала проваливаться в истерику, глаза наполнились слезами. — Я никому не скажу, я обещаю.

Я опустился перед ней на корточки. Взял за подбородок — аккуратно, двумя пальцами, заставил поднять голову. Она тут же зажмурилась.

— Посмотри на меня, Олеся.

Это не был приказ, скорее просьба, но со сталью внутри. Я по-другому не умею.

Она открыла глаза, и я на секунду забыл, что хотел сказать. В них была не просто паника, а абсолютная растерянность человека, который не понимает, как попал в этот ад, и уже не верит во спасение. Я знал этот взгляд, видел его в прошлой жизни у тех, кого загоняли в угол люди, считавшие себя богами.

— Слушай меня внимательно, — я чуть ослабил давление пальцев на её кожу. — Никто в этом здании тебя не тронет. Я отпущу тебя домой, но сначала ты расскажешь мне всё — кто и почему тебя сюда притащил. Тот, кто это сделал, не узнает о нашем разговоре, но он будет наказан. Обещаю.

Она смотрела на меня долго, проверяя каждое слово на прочность. В панике люди не слушают речь — они считывают жесты, мимику, то, как ты держишь паузу. Я выдержал её взгляд, и она начала говорить.

История была грязной: какой-то Юра, день рождения, Артём Ногинский. Карточный долг и «секретное задание». Я слушал, не перебивая, пока внутри выстраивалась чёткая схема. Артём знал об этом клубе слишком много для своего возраста. Это уже не просто выходка мажора.

Я выпрямился, убирая руку. Олеся смотрела на меня снизу вверх. Острая паника ушла, оставив после себя только усталость и крошечную, почти невидимую надежду.

В ту секунду я решил три вещи. Во-первых, она уйдёт отсюда в полной безопасности. Во-вторых, Артём Ногинский совершил ошибку, за которую заплатит дороже, чем может себе представить. И в-третьих: я запомнил её лицо.

— У меня нет таких денег сразу. Я работаю, но найти сто тысяч вот так, в один день… Артём сказал, что если я не отдам карточный долг, меня изнасилуют.

Последнее слово она произнесла почти беззвучно — как будто если сказать его тихо, оно станет менее реальным.

— Почему не пошла в полицию?

— Артём богатый. Говорят, папа от армии его отмазал. Вы думаете, от полиции не отмажет? В итоге виноватой окажусь я, — она сглотнула. — Потом он показал мне видео. Где по его приказу девушку… Вы понимаете.

Олеся резко опустила взгляд, щёки залила краска.

Разумеется, я понял. За свою жизнь я и не такое видел.

— Сейчас твоя задача — тихо сидеть в этой комнате. Не больше пятнадцати минут. Я закрою дверь, потом вернусь один и выведу тебя из здания. Никто тебя не тронет, — мой голос стал слегка ласковым, но не утратил приказных ноток.

— Хорошо, — выдохнула она почти неслышно. — Я буду сидеть тихо.

Я встал, посмотрел на неё последний раз — она сжалась в кресле, руки сложены на коленях, взгляд в пол.

Закрыл дверь и направился в зал. Ногинского я нашёл у безалкогольного бара, как здесь принято. Друг разговаривал с одним из гостей, держал стакан безалкогольного коктейля с видом человека, у которого всё под контролем.

— Прошу прощения, что прерываю. Мне нужна консультация, мастер Наг, — вежливо сказал я.

Собеседник Кости понял интонацию правильно. Люди здесь всегда понимают, когда им лучше уйти.

— Мою девушку, наверное, привели. Пойду, — собеседник Кости кивнул и исчез.

Я повернулся к другу. Сказал тихо, без лишних слов:

— Твой кабинет. Сейчас.

Пошёл вперёд не оглядываясь. Он пойдёт следом — я знал это так же точно, как то, что замок щёлкнет и дверь закроется за нами через тридцать секунд. Так и вышло.

— Ты ушёл с лотом. Что произошло? — Костя запер дверь на ключ, обернулся.

В его голосе сквозило искреннее беспокойство.

— Ты считал лоты сегодня?

Он молчал, только смотрел на меня с недоумением. Тут никогда не происходило ЧП, Костя за этим тщательно следил, но не в этот раз.

— Их было шестнадцать, Костя. Не пятнадцать. Я, по всей видимости, единственный, кто это заметил.

Сел в кресло напротив него, стал рассказывать, без повышения голоса. Костя слушал и хмурился всё сильнее с каждым предложением. К тому моменту, когда я дошёл до видео, которым шантажировали девушку, его лицо стало таким, каким я его прежде почти не видел.

— Я ему задам трёпку. Как он вообще додумался до такого?

— Я тебе больше скажу, — произнёс я спокойно. — Над твоим сыном висит статья. Серьёзная. Ты упустил его, Костя. С детьми надо уметь: где мягко, где железной рукой. Одно без другого не работает. Ты выбрал только мягко.

Друг молчал, смотрел на поверхность стола. Я понял, ему стыдно за сына.

— Мне нужна от тебя одна вещь. Сделай так, чтобы эта девушка не пострадала от рук твоего сына. Даже если ты не скажешь ему, кто доложил, он догадается, что Олеся проговорилась. Это очевидно.

— Разумеется. Сейчас дам ей денег, чтобы молчала.

Я посмотрел на друга с недоумением.

— Ты сейчас не думаешь, Костя. Деньги испуганному человеку — это прямая дорога к будущему шантажу. Не потому, что она плохая, а потому что деньги меняют отношения, и не всегда в нужную сторону. Девушка сейчас напугана настолько, что молится об одном — чтобы её просто отпустили живой. Ей не нужны деньги. Ей нужна уверенность, что всё закончилось. Подстраховаться необходимо — для неё же, в том числе.

— Что ты предлагаешь?

— Стандартный договор о неразглашении. Пусть Алиса заберёт его из комнаты, которую мне выделили. Я уеду вместе с ней. Вечер всё равно испорчен. А с Артёмом, Костя, ты разберёшься сам, но разберёшься. Это не просьба.

Костя подал мне бланк и ручку.

— Как у тебя всегда получается оставаться хладнокровным? — спорил он удивлённо.

— Потому что сейчас речь идёт не о моём сыне, — ответил я ровно. — Займись Артёмом, Костя. Серьёзно займись. Кто-то из тех, кого он уже успел задеть, может пойти в полицию. Потянут за одну нитку — размотают весь клубок. Это не угроза. Это арифметика.

Взял договор и пошёл на выход. Нужно торопиться, если я задержусь, у девушки снова начнётся паника.

Олеся сидела там, где я её оставил. Она была относительно спокойная, насколько это вообще возможно в её положении. Руки лежали на коленях, дыхание ровное, контролируемое. Она выполнила инструкцию. Это меня удовлетворило.

Пододвинул журнальный столик. Положил перед ней листок и ручку.

— Читай. Это стандартный договор о неразглашении. Весь, до последней строки прочти.

Она не потянулась сразу за ручкой, читала внимательно. Я наблюдал за движением её взгляда и отметил это про себя: второй раз за вечер она делала то, что умные люди делают автоматически, а все остальные пропускают.

— Я понимаю. Я обязуюсь молчать о том, что здесь происходило. Но вы же обещали, что…

— Я никогда не лгу, — произнёс я коротко. — Пиши. После слова «я» — имя, отчество, фамилия. Год рождения. Число и месяц. Подпись. Теперь снизу, на свободном поле: «Я подтверждаю, что пришла в закрытое сообщество добровольно. Никто меня не притеснял и не обижал. Противоправных действий со мной не происходило. Претензий к присутствующим не имею». Подпись ещё раз.

Она писала. Рука слегка дрожала, но буквы выходили разборчивые.

— Хорошо. Закрой лицо капюшоном. Едем в город.

Мы вышли из комнаты, девушка семенила рядом, стараясь не отставать. Я провёл её через центральный выход, потом вниз, в гараж. Машина Кости уже ждала — он выполнил свою часть быстро, это я оценил

— Заднее сиденье, — скомандовал я и сел рядом. — Как тебя везли сюда?

— Артём велел надеть маску для сна.

— Маски нет. Опусти голову, — она опустила. — Ещё ниже, Олеся.

Девушка согнулась почти до колен — послушно, без возражений. Мы ехали молча. Москва за тонированным стеклом была как всегда шумной.

— Можешь разогнуться. Узнаёшь место? — спросил я, когда приехали.

Она подняла голову, посмотрела в окно, сказала название остановки.

— Деньги есть?

— Проездной в кармане.

— Тогда балахон оставь в машине. Выходи. — Я выдержал паузу, потом добавил: — Ты больше никому ничего не должна, но ты дала слово молчать. Ты понимаешь, какими могут быть последствия, если не сдержишь слово?

Она посмотрела на меня. В глазах уже не страх, что-то другое.

— Я клянусь, что буду молчать. Спасибо, что помогли мне, господин.

Второй раз за вечер она назвала меня господин, и снова без расчёта, без попытки понравиться. Просто вырвалось как будто так и должно быть.

Олеся поспешила уйти. Я смотрел, как она идёт к остановке, и почему-то жалел, что мы расстаёмся.

— К «Колосу», — сказал я водителю. — Меня там машина ждёт.

Водитель промолчал и поехал. Я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. Вечер был безнадёжно испорчен — в том смысле, в котором я его планировал. Никакой игры. Никакого спокойствия, ради которого я приезжал в клуб. Вместо этого — девушка с дрожащими руками и светлыми волосами, которая дважды назвала меня «господином», не зная, что это значит.

Олеся выполняла команды, будто это было для неё естественно, как дыхание. Она была именно тем типажом, который я искал — и нашёл в обстоятельствах, в которых ни к чему нельзя прикасаться. Это раздражало.

Глава 8

Я по-настоящему выдохнула только тогда, когда за спиной щёлкнул замок. Лишь знакомый звук моей собственной двери заставил что-то внутри, наконец, разжаться. Ноги моментально стали ватными, сил не хватило даже на то, чтобы пройти в комнату. Я просто сползла по стене и осталась сидеть на полу в прихожей, глядя в никуда.

Поездка в автобусе была пыткой. Я вжималась в стекло, и мне казалось, что на меня смотрят все. Что каждый пассажир, уткнувшийся в телефон или думающий о своём ужине, на самом деле знает, где я провела этот вечер. Будто на мне висело невидимое клеймо, которое кричало о том, из какого ада я только что выбралась.

Хуже всего была фраза «едва выбралась», она билась в голове в такт мотору, мешая дышать. Я закрывала глаза и видела руку незнакомца. Татуировку глаза в центре цветка на тыльной стороне ладони. Помнила его голос, приказавший мне просто дышать. Я слушалась, потому что на большее меня не хватало. Мужчина вывел меня из странного клуба без вопросов и условий, лишь заставил дать обещание, что буду молчать. Не знаю, почему он помог, и, если честно, знать не хочу. Иногда нужно просто поблагодарить темноту за то, что она тебя не тронула, и идти дальше.

В ванной я долго умывалась ледяной водой. Смотрела в зеркало на своё отражение и вспоминала ту очередь в клубе. Как спокойно шли девушки, ни одна не вздрогнула, ни одна не попыталась вырваться. Им за это платят — теперь я понимала это так же ясно, как таблицу умножения. Это был их выбор, но не мой.

Слово «шлюха» всплыло в мыслях, но я тут же его отбросила. Это не про меня. Никогда не было про меня.

На кухне мигал телефон: двадцать пропущенных от Юры.

Я долго собиралась с духом, прежде чем набрать номер. Репетировала интонацию, подбирала слова. Мне нужно было звучать обычно, немного устало и рассеянно, как звучит человек, который просто зачитался книгой и забыл о времени.

— Ты где была? — друг ответил сразу. В его голосе смешались злость и облегчение. Так говорят только те, кто по-настоящему испугался. — Я заходил, тебя не было дома. Хотел уже в полицию звонить.

— Прости, Юр, — я заставила себя говорить спокойно, хотя меня всё ещё потряхивало. — Вышла в парк, а телефон дома оставила. Лень было возвращаться. Ты же знаешь, для меня любой выход на улицу — это подвиг.

— Ладно, хорошо, что гуляла. Но больше так не делай, поздно уже. Отключаюсь, ко мне Вика зашла.

— Вике привет, — ответила я, и это была единственная честная фраза за весь разговор.

Я положила телефон, сидела и думала о названом брате. Его забота согрела своим теплом. Юра — единственный, кому я была небезразлична по-настоящему. Он появился в моей жизни слишком давно, чтобы я могла представить мир без него. Старший брат, который родился на пару месяцев раньше — мы всегда над этим смеялись.

В детдоме тоже заботились, я этого никогда не отрицала, но всё сводилось к тому, чтобы вовремя проверить домашнее задание, не допустить, чтобы ребята сбежали, накормить. Стоило отдать должное тем, кто там был. Директор — мужчина средних лет, строгий, но справедливый, зря даже голоса не повысит. Воспитатели все адекватные, никто над нами не глумился и не обижал. Повара готовили простую пищу, но так вкусно, что пальчики оближешь. И всё же был в жизни момент, о котором я не любила вспоминать. Я затолкала эту боль глубоко в себя и даже Юре никогда не жаловалась.

На плите зашумел чайник. Я заварила чай с душицей — этот аромат всегда означал для меня безопасность, дом, конец дня. В вазочке на столе оставались две конфеты. Я развернула одну, положила в рот и вдруг поняла: я больше не боюсь. Прямо сейчас есть только этот чай, этот вкус и тишина. Не забыть бы завтра заказать ещё сладостей, да и остальные продукты почти закончились. Эта мысль была такой будничной и простой, что я едва не разрыдалась прямо над кружкой. Я устала так жить. Устала от одиночества. Но кому я нужна такая?

Глава 9

Пролетело чуть больше недели.

Дни тянулись сами собой, а я вела им счёт неосознанно. Артём исчез. Ни звонков, ни сообщений, ни новых требований. Юра как-то вскользь упомянул, что отец наказал мажора за какую-то выходку: прикрыл лавочку с вечеринками и сильно урезал бюджет. Подробностей я не знала и не стремилась их выяснять. На одну стипендию не разгуляешься. Пожалуй, это была первая справедливая вещь, которую я наблюдала в отношении себя за долгое время.

Потом наступил понедельник. Я просто не услышала будильник.

Звучит обыденно: проспала, с кем не бывает. Когда я увидела цифры на экране, по телу прошёл холод. Время не имело права быть таким поздним. Внутри всё просто онемело, и несколько секунд я тупо смотрела в потолок, не в силах даже пошевелиться от осознания катастрофы.

В нашей конторе не штрафовали за опоздания, но каждый такой промах молча заносился в невидимую таблицу. Возможно, всё не так. Мне только кажется, что во взгляд Михаила Дмитриевича говорит, что я никчёмная. Он никогда не произносил этого вслух, но я слышала этот приговор в своей голове каждый раз, когда он смотрел на меня со своей кривой полуулыбкой.

Я не хотела быть никчёмной. Особенно сегодня.

Умылась за секунды. Собралась с такой скоростью, что запыхалась раньше, чем захлопнула дверь квартиры. Это выглядело бы комично, если бы не было так унизительно.

Удивительно больших пробок не было. Машина ехала быстро. Я проверяла время каждые полминуты. В голове был один сплошной подсчёт: сколько осталось до поворота, сколько до входа, сколько секунд уйдёт на лифт.

К офису мы подкатили за шестьдесят секунд до начала смены. Ровно одна минута.

Я выскочила из такси, ворвалась в холл и приложила пропуск к считывателю. Турникет щёлкнул, и я почти бегом бросилась к лифту. Двери были гостеприимно распахнуты. Я нырнула внутрь на полном ходу и наткнулась на человека. Он отлетел к стенке кабины. Моё сердце пропустило удар и начало рвано биться.

— Простите! — выпалила я задыхаясь. — Я такая неловкая. Бога ради, извините, я не хотела. Просто очень опаздываю, совсем не смотрела по сторонам.

— Вы здесь работаете? - спросил мужчина спокойно, с тем самым акцентом, который я узнала бы из тысячи.

Я ответила на автомате, ещё не успев осознать масштаб происходящего:

— Да, на десятом. Я системный администратор.

Медленно подняла взгляд, на ладонь, сжимающую кожаный кейс. Татуировка была на месте: детальный цветок с глазом в самом центре. Это та самая рука, которая протягивала мне стакан воды в комнате, куда я никогда не должна была попасть.

Взгляд пополз выше. Мужчина выглядел пугающе безупречно. От него веяло таким холодом, что я просто не выдержала и сразу отвернулась, уставившись в пол. Я ведь уже узнала эти губы и линию челюсти — видела их в ту ночь, когда остальное скрывала маска.

— Простите, господин, — это слово снова вырвалось само собой. — Я правда не хотела вас задеть.

— Хватит извиняться, нажми уже кнопку десятого этажа, — строгим тоном приказал мужчина.

Только тогда я поняла, что застыла прямо перед панелью управления, загораживая её собой. Ткнула в нужную цифру, лифт тронулся.

Тишина давила на плечи. Я не смела шелохнуться, задерживая дыхание без всякой причины. Почему я всегда перестаю дышать именно тогда, когда кислород нужнее всего? Почему не посмотрела перед собой? Почему именно он? Почему сегодня?

Тихий звон — двери разъехались.

Я буквально вылетела на площадку и только там позволила себе шумный, рваный выдох. Обругала себя вполголоса и побрела в кабинет.

Витя и Михаил Дмитриевич уже были на рабочих местах.

— Что-то случилось, Олеся? — спросил начальник мягко, почти по-отцовски.

— Чуть не опоздала, — призналась я честно. — Секунда в секунду успела.

— Если бы и задержалась на пару минут, никто бы тебя не съел, — он улыбнулся. — У нас маленький коллектив, незачем собачиться по пустякам.

С души будто свалился камень. Совсем крошечный, но стало легче.

— Спасибо. Какая задача на сегодня?

Михаил Дмитриевич начал объяснять задачи: обновление мессенджера, настройка чатов, баги в бета-версии. Я слушала, прилежно кивала и открывала нужные окна на мониторе.

И изо всех сил старалась не думать о татуировке с глазом и о том, на каком этаже остался он.

Глава 10

Сегодня я пошёл в офисный центр без верного Кедара. Водитель отправился выполнять поручение, как только высадил меня на стоянке офиса.

Я зашёл в лифт, повернулся, чтобы нажать кнопку этажа, но неожиданно ко мне забежала девушка и толкнула. Удар о стену был несильный, к тому же лифт хорошо мыли. И всё же я хотел отчитать её за невнимательность, но она неожиданно начала извиняться, да так, будто мир рухнул от того, что она сделала.

Я удивился, но не подал вида, передо мной стояла та самая Олеся, которую я вывез из клуба.

— Ты здесь работаешь? — спокойным голосом спросил я.

— Да, на десятом этаже сисадмином, — голос девушки дрожал.

«Забавно, моя несостоявшаяся партнёрша по игре работает на меня. Не зря говорят, что Земля круглая», — подумал я.

Олеся снова начала извиняться, было видно, что она задержала взгляд на моей руке и узнала меня. Я напомнил, что нужно нажать кнопку лифта.

Когда мы приехали на десятый этаж, девушка поспешила уйти. Я сузил глаза и отругал себя мысленно. Неделю думал о ней, воспоминания из клуба не давали покоя. Было жалко, что я тогда попросил девушку указать дату рождения, но не адрес проживания. Потом я понял, что так даже лучше, я не приду к Олесе домой, не увижу её больше, со временем забуду. Теперь оказалось, что девушка работает на меня.

Зашёл в приёмную, поздоровался с помощницей и направился к себе. Поставив сумку у стола, я подошёл к окну и несколько минут смотрел на улицу. Всё же хотелось узнать об этой девушке побольше. Я знал, что её зовут Олеся Сергеевна Крайнова, но это так мало.

Через несколько минут размышлений я сел в кресло и открыл ноутбук на столе. Как только подгрузился главный экран, ткнул кнопку мессенджера, нашёл начальника службы безопасности и написал: «Доброе утро, Николай Евгеньевич. Пришлите мне на личную почту файл с делом Олеси Сергеевны Крайновой. Она работает у нас системным администратором».

«Доброе утро, господин Ратхор. Файл будет через пять минут», — пришёл быстрый ответ.

Перед тем как взять сотрудника на работу, мне говорили, что он предварительно принят, но ещё позвонят. После этого служба безопасности раскладывала жизнь кандидата по винтикам. Если находилось что-то подозрительное или криминальное, соискателю на место отказывали.

Получается, Олеся чиста, если она тут работает, но всё же хочется подробностей о её жизни и семье. Принялся читать личное дело, как только оно попало ко мне.

Семьи у Крайновой как раз и не было. Девушка из детского дома, получила квартиру в новостройке, когда выпустилась. Она проходила медосмотр при приёме на работу. У всех врачей диагноз здорова, кроме одного. Впрочем, терапевт подписал заключение, что девушка годна.

Я быстро вбил в поисковик браузера статью и группу, которая была указана в заключение. Оказалось, у Олеси тревожное расстройство личности. Теперь всё встало на свои места. Её поведение в клубе и сегодня в лифте вполне объяснимы. Нужно вызвать девушку к себе, чтобы она ничего не надумала. А ещё стоит проследить, чтобы она ничего лишнего нигде не ляпнула.

Я и сам не понял, зачем мне всё это надо. Гораздо проще забыть о ней, пусть себе работает. Безопасники выяснили, что она не привлекалась. Имеет друга, который живёт с ней в том же доме, но у него есть невеста. Никого более близкого не было. Если бы у девушки был парень, его бы тоже пробили на всякий случай.

Крайнова работает тут два года после колледжа, возможно, в её жизни всё изменилось, но ведь всех сотрудников в начале года снова поверхностно проверили.

И всё же я нажал кнопку селектора.

— Ирина Александровна, пригласите ко мне в кабинет системного администратора Крайнову Олесю Сергеевну.

— Подготовить заявление на увольнение? — удивлённо спросила помощница.

— Не надо. Я просто хочу с ней поговорить.

Глава 11

У нас в фирме была своя современная мини-АТС. В кабинете раздался звонок телефона. Данилов поднял трубку, выслушал говорившего.

Я встрепенулась, почему-то казалось, что мне пришёл конец.

— Олеся, тебя вызывает господин Ратхор, — сказал Данилов удивлённо, когда поставил телефон в держатель.

— Кто это? — спросила я, голос вышел испуганно-писклявым.

— Ты фамилию владельца фирмы забыла? В приёмную иди, тебя уже ждут.

«Мужчина в лифте меня узнал?! Он думает, что я шлюха, которая ходит по клубам! Он рассказал обо мне нашему боссу, и меня вышвырнут с работы без рекомендаций!» — пронеслась в моей голове пугающая мысль.

Я встала и, понурив голову, поплелась на выход. В голове уже прокручивала варианты поиска работы. Шли слухи, что Ратхор увольняет за малейшую оплошность, а тут больше, чем это.

Пока я ехала в лифте, подумала, что всё выглядит странным. Если бы меня хотели уволить, то вызвал бы отдел кадров и сообщил факт.

В приёмную я зашла на дрожащих ногах, поздоровалась с секретарём. Женщина вежливо ответила и указала на дверь с надписью «Генеральный директор Вирадж Кумар Ратхор».

— Заходи, тебя ждут.

Я пошла в кабинет владельца компании, тихо закрыла за собой дверь, потом направилась вперёд. Мужчина сидел в массивном кресле и смотрел на клавиатуру ноутбука. Услышав шум, он поднял голову, и я едва не улетела в панику, это был всё тот же человек, который увёз меня из странного места.

Я не дошла до стола, остановилась и пялилась на Ратхора широко открытыми глазами.

«Он богат, всемогущ и беспощаден. Он может не просто уволить, а уничтожить, внести в чёрный список, чтобы я больше нигде не устроилась», — снова пугающая мысль.

— Мне заявление писать? — спросила я дрожащими губами.

— Успокойся, Олеся. Работу ты не потеряешь. Ты ценный специалист, я видел отчёты, смотрел твоё личное дело, — ровным голосом с примесью стали ответил Ратхор.

— Тогда зачем вы меня позвали?

— Хотел тебе напомнить, что произошло в том месте, остаётся за его дверями. Здесь я твой работодатель. Пока ты эффективна, я тебя не трону. У нас нет никакой личной истории. Ясно?

— Да, конечно, я помню об обещании. Спасибо, что не заставили уволиться.

— Надеюсь на тебя. Можешь идти.

Я ринулась из кабинета. Уже в лифте я вздохнула с облегчением. Мне просто хотели напомнить о договоре, а увольнять не собираются, уже радовало.

— Зачем тебя вызывали? — поинтересовался Витя, когда я зашла в наш крошечный отдел.

— Я нечаянно толкнула Ратхора в лифте. Он спросил, где я работаю. Возможно, ему хотелось познакомиться ближе. Он сказал, что читал моё личное дело и результат работы. Увольнять не собирается, — решилась я сказать это.

— Не думаю, что наш босс так уж сильно поранился, чтобы увольнять тебя, — захохотал Витя.

— Ратхор бывает иногда странный, так посмотрит, будто пронзает взглядом, — произнёс Данилов задумчиво. — Я же хожу на собрание начальников. Говорят, он учился в России по обмену студентами, а сам из Индии. Решил тут обосноваться.

Я не стала отвечать, села за свой стол и принялась работать. Если не отвлекусь, в голове снова появится хаос из тревожных мыслей.

Глава 12

Я удивлялся сам себе. Уже неделю после встречи в лифте с Олесей мои мысли всё время возвращались к ней. Мне хотелось позвать девушку к себе в кабинет. А дальше что? Это было какое-то наваждение ещё с тех пор, как я увидел её в комнате клуба.

Идеальный типаж, который я искал. Натуральная блондинка, симпатичная, со светлой радужкой глаз. Я не люблю гламурных девушек, выглядящих как с обложки модного журнала. Не люблю слишком худых, но и толстых тоже.

Ещё я вспоминал, как она произносила слово «господин» в клубе. У меня было впечатление, что она жаждет кому-то принадлежать, но сама не осознаёт этого. Олеся выглядела сломленной, как будто кто-то осознанно сделал это. И в то же время она как чистый кусок глины, из которой можно вылепить любую скульптуру.

Я мог бы осторожно спросить, не хочет ли она стать моей девушкой для особых игр. Разумеется, сначала я всё объясню. В этой задумке было огромное «но»: таких, как Олеся, к нам не берут.

Провёл рукой по лицу, прогоняя непрошеные мысли, и снова принялся работать. Внезапно ноутбук завис. Я попробовал сам что-то сделать, не получилось. Тут меня осенило: вот он, повод встретиться снова. Я нажал кнопку селектора.

— Ирина Александровна, у меня ноутбук завис. Вызовите ко мне системного администратора, пусть придёт Олеся Крайнова.

— Так больше и некому. Виктор Назаренко вчера в отпуск ушёл, — ответила помощница.

Это была удача. Теперь никто не станет задумываться, почему я пригласил чинить мой ноут именно Олесю.

Девушка зашла в кабинет на дрожащих ногах. Было видно, как она нервничает, но даже в этом состоянии Олеся привлекала меня невероятно. Мне хотелось починить её, словно сломанную игрушку, а потом присвоить себе.

— Добрый день, господин Ратхор, — поздоровалась Олеся и опустила глаза в пол, подходя к столу.

— Добрый день. Садись в моё кресло, поколдуй над ноутбуком.

Она села, принялась тыкать проворными пальцами по клавиатуре. Я встал рядом с креслом, наблюдая за ней. Внезапно мне захотелось зарыться пальцами в её густые светлые локоны. Я бы взъерошил волосы Олеси, потом притянул её к себе, наклонился и…

Мысли были запретны. С чего я взял, что она согласится быть моей любовницей? Я положил руку на спинку кресла и вцепился в обивку, так было лучше. Сейчас я не стану ничего предпринимать.

«Не стоит с ней связываться, тебе это и Костя скажет», — напомнил я себе.

Глава 13

Самый трудный месяц в году, когда Виктор уходил в отпуск. Михаил Дмитриевич по кабинетам ходить не любил, поэтому всегда на починку того или иного оборудования отправлял меня. Приходилось концентрироваться и тащиться исправлять возникшую проблему, радуясь, что всё же поломки случались редко.

— Олеся, иди в приёмную, там у Ратхора ноут завис, — начальник отвлёк меня от работы.

Я округлила глаза от ужаса. Мне не хотелось снова встречаться с этим мужчиной. А если я сделаю что-то не так? Меня уволят, ещё и с позором.

— Может, вы сами сходите, Михаил Дмитриевич? — осторожно спросила я.

— Ты не поверишь, Олеся, но на этот раз я бы сходил. Ты какая-то нервная, накосячишь ещё. Ирина Александровна просила прислать именно тебя, так что ничем помочь не могу. Будь внимательнее, Олеся, мне не хотелось бы терять такого сотрудника.

Я кивнула и потопала на выход. По мере приближения к приёмной директора ноги дрожали всё сильнее. Я щипала себя за запястье, принудительно приказывая панике отступить.

«Всё будет хорошо. Это всего лишь зависший ноутбук. Я справлюсь», — уговаривала я себя.

Поздоровавшись с женщиной в приёмной, толкнула дверь кабинета, снова поздоровалась и, опустив взгляд, пошла к столу. Почему-то мне не захотелось смотреть на красивого мужчину, который стоял, заложив руки в карманы брюк. На душе зародился страх и что-то ещё, чего я не понимала.

— Добрый день. Садись в моё кресло, поколдуй над ноутбуком.

Я удивилась. Это же не компьютер, его можно было повернуть к гостевому креслу, но Ратхор почему-то приглашал меня сесть на его месте. Ещё одна странность: когда я села, мужчина встал рядом, что очень нервировало. Мне захотелось вскочить и убежать прочь, казалось, что Ратхор опасен.

Начала проверять зависший ноутбук. Всё стало ясно через несколько минут: нужно менять разделы диска, без этого никак.

— Работа займёт полчаса, возможно, чуть дольше, — сказала я уверенно.

Ноутбук был из последних поколений, в таких гаджетах жёсткий диск твердотельный, он работает быстрее, чем магнитный. Я надеялась, что действительно справлюсь за полчаса. Потом всё проверю за пару минут, и можно будет уходить.

Ратхор отошёл от стола, встал у окна и замер, заложив руки в карманы. Я глядела на него с любопытством. Казалось, мужчина чем-то озадачен и напряжён. Это понятно: возможно, у него срочная работа, а тут придётся ждать полчаса.

Перевела взгляд на ноутбук. Лучше было смотреть, как медленно ползёт шкала прогресс-бара. И всё же взгляд украдкой метался в сторону Ратхора. Мужчина пугал меня своей властной аурой, которая буквально разливалась вокруг него. В то же время это притягивало меня к нему, словно маленький железный винтик к магниту. Я и была тем самым винтиком в компании Ратхора. До недавнего времени я была тихой, незаметной сотрудницей, но цепь нереальных событий всё перевернула с ног на голову.

Ратхору кто-то позвонил, и он тихим голосом переговаривался с собеседником, не отходя от окна. Я не собиралась подслушивать, но невольно уловила пару фраз. Похоже, мужчина обсуждал поставку керамической плитки на одну из строек.

— Всё готово, ноутбук работает, — сказала я через некоторое время.

Ратхор стремительным шагом подошёл к столу, взял мышку, щёлкнул ею и спросил удивлённо, с нотками стали и гнева:

— О, Бхагаван, за что мне это?! Ты резервную копию не сделала? Документы откатились к старому значению. Всё, что было наработано сегодня, исчезло.

— Я… Как же так? Я прошу прощения, я постараюсь всё исправить. Я очень виновата. Я недостойна этой работы, — начала паниковать, извиняться невпопад, и к великому ужасу меня ещё и трясло.

Кресло резко развернулось, в мои губы ткнулся стакан с водой.

— Пей и успокойся, — раздался спокойный голос.

Я несколько секунд не понимала, что от меня хотят, смотрела на Ратхора круглыми от страха глазами. Всё, это конец. Сейчас меня выгонят из компании поганой метлой, ещё и статью в трудовой позорную поставят — «несоответствие занимаемой должности».

— Пей, Олеся, сейчас же! — голос стал командным, но Ратхор не кричал.

К моему удивлению, это подействовало. Я пила воду маленькими глотками и немного успокоилась. Оказывается, хозяин фирмы сидел передо мной на корточках и поил меня сам. Это было удивительно и в то же время пугало. Мужчина находился нереально близко ко мне.

— Теперь объясни толком, что можно сделать, — попросил Ратхор, вставая.

— Нужно восстанавливать файлы через специальную утилиту. Это займёт часов восемь, не меньше.

Ратхор поднял руку, посмотрел на часы.

— Сейчас почти шестнадцать часов. Можно запустить программу и оставить всё до утра?

— Нужно следить за процессом. Нельзя выключать и даже двигать ноутбук, — ответила я дрожащими губами.

— Освободимся где-то в полночь. Хорошо, иди за всем, что тебе нужно для работы.

Ратхор отступил в сторону, я помчалась в свой отдел. Молилась про себя, чтобы всё получилось. Возможно, если данные удастся восстановить, то меня не уволят, а дадут ещё один шанс.

Пришлось объясняться с начальником. Он покачал головой.

— Я всё сделаю за тебя, попрошу не увольнять. Ты хороший сотрудник, Олеся, но ошибки бывают у всех, даже у меня.

Михаил Дмитриевич написал по корпоративному мессенджеру, что готов лично исправить ситуацию, извинялся за мою ошибку. Я стояла рядом и всё видела на экране компьютера.

— Никто не собирается увольнять Крайнову. Она накосячила, она пусть идёт и исправляет, — Ратхор быстро написал ответ.

— Бери нужные жёсткие диски и шуруй работать. Я в тебя верю, Олеся, ты справишься, — сказал Михаил Дмитриевич.

Данилов не раздражался, не орал, что очень много для меня значило. Это давало надежду, что всё будет хорошо. Я подхватила несколько дисков с полки и ушла.

Когда я снова появилась в кабинете Ратхора, он сидел на небольшом диванчике в углу комнаты и пил чай. Мужчина молча кивнул в сторону своего рабочего стола. Я уселась в директорское кресло и принялась работать, стараясь сосредоточиться. Время от времени я бросала украдкой взгляды на мужчину. Он допил чай и взял в руки телефон. Я тут же уткнулась в экран ноутбука.

— Кедар-джи, мэйн аадж лайт хун. Крипья муджхэ гхар се до поршн диннер ле аийэга, — услышала я иностранную речь, а потом неожиданно Ратхор спросил: — Олеся, у тебя есть аллергия на специи?

— Нет, я не аллергик.

— Отлично. Работай, я отлучусь ненадолго, — мужчина встал и стремительно ушёл.

Глава 14

Вирадж

Я поначалу расстроился, что весь день идёт насмарку. Исчезла часть документов, всё, что я сделал сегодня. Олеся обещала восстановить и назвала примерное время этого процесса.

Усмехнулся про себя, не хотел встречаться с девушкой лишний раз, но судьба упорно сталкивает нас вместе, на этот раз на длительное время. Восемь часов — не так и мало. Можно было оставить Олесю одну, а проследить за ней попросить кого-нибудь из службы безопасности. Зачем платить деньги за лишние часы на работе? Лучше я сам останусь. Верный Кедар привезёт еды из дома.

Зашёл в приёмную после посещения уборной. Время на часах показывало начало пятого, скоро сотрудники компании пойдут по домам.

— С ноутбуком проблемы шире, чем ожидалось. Я останусь с Крайновой в офисе. Идите отдыхать, Ирина Александровна, — вежливо сказал я.

— Спасибо. До завтра. Я предупрежу охрану внизу, что вы будете здесь.

— Мы освободимся примерно в двенадцать ночи, пусть не включают сигнализацию на нашем этаже. К восьми вечера приедет Кедар с ужином.

Женщина выключила компьютер, подхватила сумочку и ушла. Я направился в кабинет. Олеся сидела за столом и пялилась в компьютер.

— Я отпустил секретаря и закрыл приёмную, нас никто не побеспокоит.

Олеся

Я вздрогнула от слов Ратхора, подняла голову. Быть с ним запертой в одной комнате пугало, как тогда, в клубе. Мужчина подошёл к небольшому угловому диванчику, потом начал снимать одежду, стоя лицом к стене. Как заворожённая я наблюдала за этим. Движения Ратхора были плавными и аккуратными, он положил пиджак на спинку дивана, потом развернулся и расстегнул пару пуговиц на белой рубашке с коротким рукавом.

«Что он делает?» — мелькнула испуганная мысль в моей голове.

Я тут же уткнулась в экран ноутбука, смотрела, как крайне медленно ползёт шкала прогресс-бара.

— Что-то интересное видишь? — спросил Ратхор, присев на подлокотник массивного кресла.

Я уловила слабый аромат чего-то древесного. Это элитный парфюм, который удивительно шёл мужчине, а ещё не было ощущения, что он сделан на основе спирта.

Я невольно поёжилась, мне было весьма странно, что Ратхор снова приблизился, нарушая все мыслимые границы личного пространства. Начальник так не должен поступать с подчинённой, а уж со мной и подавно, у нас разница в социальном положении не просто огромная, а катастрофическая.

— Нужно время от времени наблюдать, но постоянно следить не обязательно. Прогресс-бар будет наполняться восемь часов. Простите, господин Ратхор, не могли бы вы отойти? — я собрала в себе всё мужество, чтобы попросить.

— Ты меня боишься, Олеся? — спокойно спросил Ратхор.

— Я бы поняла ваше поведение, если бы была на вашем уровне, но… — я не договорила и покраснела.

— Что «но»? Впрочем, можешь не отвечать. Извини, я слишком увлёкся, просто подумал, что мы не совсем чужие люди после того вечера.

Вирадж

Я встал и пошёл к окну. В этом офисном центре они были панорамными. Здание стояло на небольшом возвышении, и с четырнадцатого этажа открывался прекрасный вид на город. По привычке заложил руки в карманы и задумался.

Было настоящим безумием подходить к девушке так близко. Я, безусловно, нарушал личные границы, Олеся это заметила и даже испугалась, но на этот раз у неё не началась паника. Она привыкала, или начинала укореняться слабая мысль, что ей не причинят зла. В клубе с ней могло произойти что угодно, потом запугали бы, велели молчать, так думала Олеся. Бесспорно, я был для неё неким спасителем, который увёз её оттуда.

Не чувствую себя таким уж благородным, потому что сейчас начал незаметно подбираться к Олесе, как паук к своей жертве. Девушку хотелось себе вопреки всем здравым смыслам, незаметно я уже начал действовать. Теперь пришло понимание: отступать поздно. Внутренний голос разрывался во мне на две половины: одна хотела вылепить из Олеси идеальную девушку для игр, а другая вопила о том, что с ней нельзя связываться.

Подошёл к дивану, снял ботинки и лёг. Ноги оказались на подлокотнике, так как места было мало.

— Олеся, о чём ты подумала в первую секунду, когда я взял тебя за руку в том месте, где ты оказалась?

Девушка ответила не сразу, хотя я на неё не смотрел.

— Я испугалась до обморока. Когда Артём вёз меня в то заведение, он не сказал, что там будут со мной делать. Просто объяснил, что я должна ткнуть кнопку на барабане с шарами, а потом уйти с тем, кто мне достанется.

— Кстати, насчёт видео, что показал тебе Артём. Тебя, наверное, это успокоит. Я узнал точно: это скачанный из интернета ролик, парень записал поверх реальных голосов нужную ему речь, чтобы пугать доверчивых девушек. На порносайтах такие видео часто актёрская игра, а не реальное изнасилование. Теперь можешь задать вопрос ты.

Олеся

Я удивилась. Ратхор вздумал поиграть со мной в правду и разрешал задавать вопросы, но вот ответит ли он честно?

— Почему вы меня вывели оттуда? Я же нажала кнопку, выбрала. Вы могли сделать всё, что хотели, а потом бы запугали, чтобы молчала. Почему нет? — решилась спросить я.

— Потому что твой выбор не являлся таковым. Ты подчинялась приказу Артёма. Игра, в которой нет настоящего выбора, плохая. Мне такие неинтересны, поэтому я всё прекратил. И да, там никого ни к чему не принуждают, — спокойно ответил Ратхор.

— Я догадалась, что те, кто стоял впереди меня в очереди, получают деньги за такие встречи. Я бы так не смогла.

— Сейчас в этом кабинете, чего ты боишься больше: что я всё-таки решу вернуться к тому выбору и заберу то, на что ты тогда «согласилась»? Или что я просто выгоню тебя за косяк с ноутбуком?

Вопрос застал врасплох, я даже задумалась ненадолго.

— Первого больше.

— Если бы я хотел, то сделал бы это в клубе, но ты была в невменяемом состоянии. Я не работаю с браком. Сейчас ты в моём офисе как специалист, поэтому перестань трястись. Я чувствую по твоему голосу, как ты напряжена. Откинься на спинку кресла, не нужно горбиться, — последние слова были сказаны с ноткой стали в голосе, почти как приказ.

Приказные нотки в голосе заставили сесть в кресле удобнее. Я даже попыталась расслабиться, потому что Вирадж взял свой телефон с журнального столика и начал что-то просматривать в нём.

Время тянулось неимоверно долго, прогресс-бар показывал слабую динамику и прибавлялся так медленно, что мне захотелось завыть в голос. Я сама была виновата в том, что слу-

чилось, теперь приходилось сидеть тут под пристальным взглядом этого властного мужчины, ещё и есть, как назло, захотелось. Я шумно сглотнула, я бы сходила туда, где есть кулер, чтобы попить.

— А где на этом этаже есть кулер? — нервно спросила я.

В голове снова начали роиться мысли, что я доставляю новые хлопоты.

— Слева от тебя мини-бар. Налей в белый стакан минеральной воды. Сама, Олеся, я тебе не нянька.

Я снова подчинилась, сама не соображая, как это делала. Голос у Ратхора был бархатным с красивым акцентом и пробирал до мурашек. Я не понимала, что со мной творится, налила себе воды и начала жадно пить. Потом пришлось сходить в уборную, радовало, что я знала, где это.

Через какое-то время Ратхор вышел, а вернулся с небольшой квадратной сумкой, похоже, она была предназначена для перевозки еды. Мужчина начал расставлять на журнальном столике контейнеры, потом поставил сумку на пол у дивана.

— Нужно перекусить. Мой водитель принёс из дома еду. Пошли поедим, Олеся.

— Нет, я не голодна, потерплю. Зачем вы меня кормите, в чём тут подвох? — насторожилась я.

— Не нужно терпеть, Олеся. Никакого подтекста тут нет, это элементарная забота о сотруднице, которая едва в голодный обморок не падает. Ты хоть обедала? Честно ответь.

— Забыла пакет с едой дома, а в кафе я не хожу, — потупившись, но всё же выдала правду.

— Тогда идём мыть руки и за стол.

Мы сначала помыли руки в уборной, потом вернулись в кабинет и сели на диване. К удивлению, Ратхор достал из бокса влажные салфетки, одну подал мне и начал вытирать каждый палец. Я повторила, не понимая, зачем это надо.

Позже всё встало на свои места. Ратхор отломил кусочек своей лепёшки правой рукой, потом зачерпнул ею из мисочки и положил в рот.

— Вы едите руками? — изумилась я, округлив глаза.

— Ты ни разу индийского кино не смотрела? У нас почти все едят руками. Разумеется, в ресторане я так не питаюсь. Прости, я не подумал о тебе. Эта лепёшка называется роти, её нужно ломать вот так. Потом зачерпываешь сабзи — это тушёные овощи со специями.

Посмотрела, как это делается, и тут же уткнулась взглядом в свои руки. Я была ужасно неуклюжей, не смогу, обляпаю одежду жирным, опозорюсь перед этим человеком ещё больше.

— Олеся, тебя тут никто не оценивает, кушай, как умеешь. Это я виноват, что не подумал о твоём комфорте, стоило приказать Кедару принести тебе ложку. Хочешь, я поищу у своей помощницы? Наверное, у неё что-то есть.

— Не стоит, я попробую как вы. Пахнет замечательно.

Я решилась и начала медленно есть. Было непривычно, но очень вкусно. Ни разу не пробовала индийской еды и теперь наслаждалась этим. Ратхор молчал, это давало дополнительную уверенность, что меня не осуждают.

Почему-то после ужина стало легче. Казалось, что даже прогресс-бар побежал быстрее. Наконец, всё было завершено. Я позвала Ратхора, и мы начали восстанавливать из найденных файлов документы. Мужчина снова сидел на подлокотнике кресла, но это уже не так нервировало, как в первый раз.

— Всё на месте, Олеся, — через полчаса сказал Ратхор. — Спасибо за работу. Автобус уже не ходит, я позвонил Кедару, он сейчас приедет за мной. Мы сначала завезём тебя домой.

— Спасибо, как-то неловко. Возможно, я на такси, — попробовала возразить я.

— Когда ты перестанешь мне перечить, Олеся. Или у тебя в голове опять тысяча пугающих мыслей? Ты настолько мне не доверяешь?

— Хорошо, поехали.

Я действительно не доверяла, жизнь научила, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Проблема в том, что у меня не было лишних денег на такси, а Ратхор, казалось, не собирался его оплачивать.

Глава 15

Олеся

Мне приснился очередной сон, где меня гладили чьи-то руки. На этот раз голос незнакомца, лицо которого было скрыто, оказался бархатным, с акцентом, он явно принадлежал Ратхору.

Я проснулась в холодном поту. Часы показывали почти девять утра. Сегодня на работу не надо, и я могла расслабиться. Медленно потянулась, потом встала и пошла умываться. Дальше по заведённому ритуалу: сначала накормить кота, а потом поесть самой.

Ближе к обеду пришёл Юра. Мы расположились на кухне пить чай с пирожными, которые принёс друг.

Я не могла рассказать Юре о том странном месте, куда меня привёз Артём, но вот о том, как накосячила с ноутбуком владельца фирмы, поведала.

— Представляешь, он меня угостил едой, которую ему водитель из дома привёз. Я не привыкла, когда много специй, но было очень вкусно. А ещё… — я не договорила и уставилась в свою кружку.

— Что ещё? Олеся, ты же знаешь, что мне можно рассказать, я умею хранить секреты. Возможно, я смогу тебе что-то подсказать, — спокойным и даже ласковым тоном произнёс друг.

— Я не знаю, как объяснить, Юр, потому что и сама себя не понимаю.

— Объясняй как можешь.

— Я никогда тебе этого не говорила, но я устала жить в постоянной тревоге. Мне хочется, чтобы кто-то руководил моей жизнью. Сказал, что делать, а я бы только выполняла. Я не умею сама, ты же видишь. Моя жизнь — это хаос не только в квартире, но и в голове. Вчера, когда мы общались с Ратхором, он иногда приказывал мне. Например, чтобы я села прямо и не горбилась. Я выполняю, становится легче. Не знаю, что это, но… Я запуталась во всём, устала быть одна. В то же время я понимаю, что никому такая не нужна.

Юра внимательно слушал, потом сказал серьёзно:

— Я слышал, есть такой тип отношений, когда один человек добровольно берёт на себя ответственность и управляет жизнью другого, а второй — доверяет и подчиняется. Где-то я даже тематический форум видел. Точно, он называется «Тёмная сторона солнца». Поищи в интернете. У них главная страница в чёрно-белом фоне, и красный знак трискеля в правом углу. Там как раз такие люди общаются.

— Зайду на этот форум, а дальше что? — с надеждой спросила я.

— Обычно в таких местах есть статьи, которые можно почитать. Ещё там можно искать себе партнёра, который будет ведущим, или, наоборот, ведомым. Точно: тот, кто командует, это ведущий, а ты будешь ведомой. Я читал пару статей из любопытства. Будь осторожна, если начнёшь с кем-то общение. В таких отношениях не только командуют, там могут быть разные практики, в том числе и жёсткие. Всё должно быть по согласию и с уважением к границам. Не все, кто называет себя ведущим, действительно умеют заботиться. Я глубоко в это не погружался, мне неинтересно, — объяснил друг.

— Спасибо, Юра. Поможешь мне одежду на вечер выбрать? Хотя у меня не так и много её.

— Ты куда-то собралась? — друг искренне удивился.

— У нас каждый год корпоратив в ресторане. Ратхор зачем-то его оплачивает, а сам не ходит. Я тоже никогда не ходила, ты же понимаешь почему. Вчера владелец фирмы вёз меня домой и спросил, буду ли я на мероприятии. Я ответила, что не собиралась. Он сказал, что нельзя отрываться от коллектива, в этот раз он и сам придёт, поэтому проследит, чтобы

я там появилась. Приходится тащиться туда. У Ратхора характер скверный, он за малейшую провинность увольняет.

— Тогда понятно. Идти нужно, но ведь ты не обязана там сидеть целый день или танцевать. Покажешься, побудешь полчасика и уйдёшь, — Юра дотянулся до меня и взъерошил волосы. — Идём наряжаться.

Вирадж

Каждый год я отмечал день рождения своей фирмы. Рабочим выплачивал небольшую премию, а офисным сотрудникам ещё и корпоратив устраивал. Сам я на это мероприятие не ходил, заместитель зачитывал поздравления от моего имени.

За день до события я спросил Крайнову, придёт ли она в ресторан. Девушка вежливо ответила, что не ходит на такие мероприятия. Это было ожидаемо при её замкнутости. И всё же мне захотелось увидеть её в обстановке, когда все веселятся. Я приказал девушке приехать, заверив, что и сам там буду.

Ресторан был небольшим и находился в отдельно стоящем здании на окраине города. Гости начали собираться к шести часам, вечеринка была запланирована до десяти.

Я зашёл в зал, всё было так же, как на прошлогоднем фотоотчёте Ирины. У окна стояло несколько диванчиков и по два у стен с каждой стороны. Таким образом, образовывалась зона, где можно посидеть. Столы стояли вдоль стены, на них — закуски на шпажках, а также фужеры с хорошим вином и низкие стаканы с виски и водкой. В высоких стаканах был свежевыжатый сок из ягод или фруктов.

Корпоратив всегда делали в виде фуршета. Играла музыка, чтобы люди могли танцевать. Официанты выносили блюда с суши и роллами, на маленьких подносах — тарталетки с салатом. С кухни тянуло ароматом курицы гриль, я заказал именно крылышки.

Начали прибывать работники офиса, вежливо здоровались. Все удивлялись, что на этот раз я сам заявился на корпоратив. Увидел Олесю, она надела скромное платье ниже колен с длинными рукавами. Девушка поздоровалась и поспешила пройти в зал. Я заметил, что ей неловко находиться среди такой толпы.

Через несколько минут вереница входящих закончилась. Я не ждал опоздавших, начал произносить речь в микрофон. В конце добавил:

— Я благодарю всех за вашу работу и преданность фирме. Веселитесь.

Администратор забрал микрофон, снова включил музыку. Люди взяли небольшие тарелки, начали ходить между столиками и наслаждаться едой. Олеся села на диван у окна и смотрела на это с тоской. Я подумал, что зря заставил девушку прийти, она выглядела так, будто её сейчас все присутствующие пинать начнут. К еде она даже не подошла, и это о многом говорило. И всё же я не мог принести ей сам, это выглядело бы странно.

К моей радости, о Крайновой позаботился Данилов, её начальник. Он положил на тарелку деликатесов и суши, потом принёс девушке поесть. Олеся не отказалась.

Я тоже немного поел, украдкой поглядывая на Олесю, потом беседовал на ничего не значащие темы с начальниками. Люди начали танцевать, я участия не принимал, стоял у одного из столов, медленно пил сок и наблюдал за всеми.

Внезапно раздался взрыв и вой сирены, из кухни повалил дым.

— Пожар! Все на улицу! Скорую помощь кто-нибудь вызовите! — заорал администратор.

Люди побежали к выходу. Кто-то выводил окровавленного повара в белом рабочем костюме. Меня вынесло на улицу вместе с толпой.

— Все вышли?! — закричал я, осматривая людей.

— Вроде да, — сказала какая-то девушка. — Я была в туалете, когда пожар начался, так что там никого не должно быть.

— Олеси Крайновой нет! — закричал Данилов.

Я заглянул в окно: Олеся сидела на своём месте.

— Всем оставаться здесь! — крикнул я, прикрыл пиджаком лицо до глаз и бросился в горящее здание.

Языки пламени вырывались в открытые двери кухни и уже лизали начало зала. Олеся сидела на диване и как заворожённая смотрела на огонь.

— Ты дурная?! На улицу живо! — скомандовал я.

Девушка неожиданно упала в обморок. Я подхватил её на руки и вынес на улицу.

Подъехали пожарные машины и две скорые помощи. Врачи выкатили каталку, я положил на неё Олесю. Второй автомобиль забрал раненого повара и уехал.

— Что с ней, доктор? — спросил я.

Врач провёл у девушки под носом какой-то открытой бутылочкой, Олеся пришла в себя. Потом ей надели на палец прибор.

— Обычный стресс и обморок. Сатурация хорошая, девушка не успела сильно надышаться дымом. Повезём в больницу — на всякий случай, — ответил пожилой мужчина, надевая на неё маску с баллончиком.

— Я не поеду в больницу, не поеду. Я домой хочу, отпустите меня домой, — начала причитать Олеся.

— Если с тобой всё будет хорошо, отпустят в понедельник, не переживай, — уговаривал врач.

— Олеся, ты поедешь в больницу. Это приказ, — строгим тоном сказал я. — Сообщи Данилову, если тебя в понедельник не отпустят.

— Хорошо, — сдалась девушка.

Олесю увезли. Сотрудники начали разъезжаться на такси, пожар тушили. Я подошёл к начальнику IT-отдела.

— Михаил Дмитриевич, как только вам позвонит Крайнова, сразу доложите мне. Или завтра утром поинтересуйтесь её здоровьем и напишите мне по корпоративному мессенджеру. Никому не говорите о моей просьбе.

— Хорошо, я всё сделаю, — с серьёзным видом сказал Данилов. — Меня удивляет, почему Олеся не вышла, как все. Странно всё это.

— Иногда человек впадает в некий ступор от страха и не может шевелиться. Возможно, с Крайновой произошло что-то подобное, — ответил я.

Глава 16

Меня привезли в больницу, оформили и сразу повели на обследование. Я позвонила Юре, у которого были ключи от квартиры, попросила срочно привезти паспорт и медицинский полис, накормить кота.

Друг захватил мне всё необходимое, что обрадовало. Теперь я могла надеть тапочки и пижаму на ночь.

Меня положили в бокс на четыре кровати. Там уже лежали три пожилых женщины, и все как одна храпели. Им это спать не мешало, а вот я не высыпалась. Временами проваливалась в какой-то тревожный сон, мне снилась маленькая девочка, которая смотрела, как огонь пожирает дом, и не могла пошевелиться.

— Всё хорошо, малышка, всё хорошо. Не смотри туда, не надо, — какой-то дяденька в зелёной куртке и каске подхватил меня на руки и быстро побежал к выходу.

На пожарном была странная маска с трубкой, но я не испугалась, не начала плакать, я продолжала пребывать в ступоре, даже когда меня передали в руки врачей скорой помощи.

***

Утром принесли кашу и чай, я нехотя поела, мне казалось, что соседки по палате недобро косятся на меня. Мы познакомились, но всё равно было тревожно.

Сразу после завтрака заглянула женщина, она оказалась дежурным врачом. Спросив у всех самочувствие, врач подошла ко мне, расспросила о моём состоянии. Пожала плечами и ответила, что всё хорошо, я не чувствую себя плохо.

Обследования, которые делали вчера, показали, что ничего страшного у меня нет. В понедельник, скорее всего, меня выпишут домой. Я не захотела ждать и заявила, что напишу отказ от дальнейшей госпитализации.

Из больницы решила ехать домой на такси. Едва я села в салон, как позвонил Данилов. Начальник хотел навестить меня и спросил, что нужно принести.

— Спасибо за заботу, Михаил Дмитриевич. Ничего не надо, я уже еду домой. Со мной всё хорошо. Обследование ничего не выявило. Я сейчас написала отказ от дальнейшей госпитализации. Завтра выйду на работу.

— Нужно было остаться, вдруг бы тебе капельницу какую-то поставили, организм почистить и прочее. Я вовремя заметил, что ты не вышла из ресторана, поэтому ты не должна была сильно дыма наглотаться. Тебя из горящего здания Ратхор на руках вынес.

— Спасибо, я и сама не поняла, почему не вышла вместе со всеми. Не переживайте, со мной всё хорошо.

— Если будет плохо, звони, дам тебе выходной в понедельник, — сказал начальник и отключился.

Я позвонила Юре, сказала, что еду домой. Друг знал меня лучше, чем начальник, комментировать ничего не стал. Сказал, что если будет плохо, чтобы я немедленно вызвала скорую помощь. Сам он уехал со своей девушкой куда-то за город на речку. Лето, многие валяются на пляже, я по понятным причинам туда не хожу.

Дома было скучно, я не знала, чем себя занять. Села за ноутбук, нашла форум, о котором говорил Юра. Прочитала несколько статей, для этого пришлось зарегистрироваться на сайте, всё же он был только для лиц старше восемнадцати лет.

Там была страница, где можно написать о себе и попросить встречи. Прочитала, как это делают другие, и написала: «Олеся, двадцать два года. Проживаю в городе… Готова стать ведомой для ответственного мужчины из своего города».

Когда анкета ушла, я подумала, почему именно мужчину ищу? Есть же девушки, которые любят руководить? И всё же мне казалось, что комфортнее было бы общаться с мужчиной.

В личных сообщениях мне написал какой-то Владыка Мира. Мы начали общаться. Собеседник задавал вопросы, на которые я часто не знала ответа. Я не была уверена, чего конкретно хочу, мне нужен был проводник.

Владыка Мира: «Тогда встречаемся у меня дома для первой игры, сегодня в восемь вечера. Я напишу, куда подъехать».

«Так быстро? Я бы хотела сначала встретиться на нейтральной территории. Где-то на улице».

Владыка Мира: «Ты же хочешь быть ведомой, значит, приедешь. Не приедешь — досвидос. Я не встречаюсь ни с кем на улице».

«Я не поеду к незнакомому человеку домой».

Владыка Мира: «Ты что, думаешь, такие, как мы, будут идти на поводу у девушки? Или ты настолько трусиха? Зачем тогда сюда написала, что тебе нужен доминант?»

Я хотела написать, что подумаю, мне нужно немного времени, но тут раздался звонок в дверь. Я заказала продукты доставкой, но в приложении был указан код от подъезда, и мне всегда оставляли еду у двери, потом звонили по телефону и уходили. Я досадовала про себя, что сегодня попался невнимательный курьер, не увидел, что доставка бесконтактная.

Я не посмотрела в глазок и открыла дверь. За порогом стоял Ратхор.

Захлопнув дверь прямо перед носом высшего руководства, выпучила глаза от шока. Появление этого человека у меня дома было сродни тому, как если бы заявился сам президент страны.

— Олеся, что за ребячество? Открой мне дверь, — раздался грозный голос.

Я осторожно открыла, пропустила гостя в прихожую и поздоровалась.

— Простите, я не ожидала увидеть вас в своём доме.

— Я узнал, что ты непростительно беспечна и выписалась из больницы раньше времени. Пришёл проверить твоё здоровье. Всё же я вынес тебя из горящего здания и обязан позаботиться.

— Спасибо, что спасли меня. Проходите. Вот тапочки. Они чистые, их только мой друг надевает, когда приходит.

— Возьми пакет. Моя служанка напекла самосы. Это типа ваших пирожков, но на индийский манер. Не особо люблю вашу кухню, и служанка готовит мне индийские блюда, — Ратхор передал небольшой пакет.

— Могу предложить чай. Сейчас поставлю кипятить.

— Не сейчас, не нужно беспокоиться из-за моего появления.

Ратхор спросил, где уборная. Я показала и пошла на кухню, положила пакет на стол и задумалась, с чего вдруг Вирадж припёрся ко мне? Узнать о здоровье? Но это же бред — высшее руководство не ездит к простым системным администраторам на дом. Когда я зашла в комнату, бросилась к ноутбуку. Ратхор уже читал мою переписку.

— Ты ищешь ведущего на таких сомнительных сайтах? — удивлённо спросил мужчина, присаживаясь в компьютерное кресло.

— Вам не кажется, что вас это не касается? Я ещё не поняла, зачем вы тут, — нашла я в себе силы сказать.

— Я уже объяснял, приехал проверить, всё ли с тобой в порядке. Мне доложили, что ты самовольно выписалась из больницы. Пока ты на меня работаешь, Олеся, до некоторой степени я за тебя отвечаю. Ты не будешь встречаться с этим человеком. Владыка Мира, надо же. Почему не Вселенной?

Я с ужасом наблюдала, как Ратхор уничтожает мой аккаунт на сайте.

— А с чего вы решили, что я не должна с ним встречаться? — спросила я нервно.

— Потому что этот недовладыка никакой не доминант. Скорее всего, самовлюблённый нарцисс. Может быть, ещё хуже — садист, но не в рамках темы, а самый настоящий. Запомни,

Олеся, настоящий ведущий не будет требовать от тебя приехать к нему, причём в ультимативной форме. Ни в коем случае не станет брать на слабо — это запрещено. В первый раз ведущий и будущая ведомая могут встретиться в кафе, где многолюдно, чтобы обоим было комфортно. Они смотрят друг на друга, задают интересующие вопросы. Если не подходят друг другу — расходятся. А не вот это вот всё, что этот владыка тебе тут накатал. Ты бы приехала и попала в лапы изверга. В лучшем случае тебя бы унижали как могли под предлогом встречи, в худшем — избили несмотря на протесты.

— Вы откуда всё это знаете? — у меня задрожали губы от страха и неловкости.

Сейчас казалось, что меня выставили никчёмной идиоткой, какой я и была. Чуть не поехала неизвестно к кому, чтобы огрести ещё больших неприятностей в жизни.

— Я доминант, Олеся, и знаю, о чём говорю. Хорошо, раз уж ты была в том клубе, открою правду. Это был элитный закрытый клуб для особых игр. О нём никто не знает, кроме узкого круга людей, именно поэтому тебя попросили молчать.

— Понимаете, я больше не могу так жить. Мне нужен наставник, который станет руководить. Я устала так, я… — у меня снова началась паника, казалось, что я сейчас унижаюсь перед этим сильным и властным мужчиной.

Ратхор тут же встал, усадил меня в кресло, потом поставил стул напротив и расположился на нём.

— Всё хорошо, Олеся. Тебя никто не осуждает за это, особенно я. Дыши глубже, вот так, контролируй дыхание. Я готов тебе помочь, но у меня будет условие. Больше никаких сомнительных сайтов, а тем более знакомств с непонятными владыками. Раз уж ты живёшь одна, встречаться будем у тебя. Для начала будут разговоры, я хочу понять тебя немного, выстроить наше дальнейшее общение. Потом мы подпишем стандартный договор с твоими предпочтениями и табу. Ты никому об этом не расскажешь, особенно на работе. Если ты согласна, мы начнём прямо сейчас с разговора. Если нет — я просто уйду и никогда тебя больше не побеспокою.

В моей голове метались мысли. Я до сих пор немного боялась Ратхора, а с другой стороны — не могла больше жить, как было до этого.

— Сильно бить будете? — опустив взгляд на руки, спросила я.

— Я не садист, Олеся, чистый доминант. Посмотри на меня, пожалуйста, — тон голоса был обычным, в нём не было приказа.

Я подняла голову. У Ратхора была практически чёрная радужка глаз — это пугало и притягивало одновременно.

— Олеся, такие отношения строятся на доверии. Без этого ничего у нас не получится. Я обещаю позаботиться о тебе, но ты должна слушаться в пределах своих возможностей. Никто тебя бить не будет и требовать того, на что ты не согласна.

— Я совсем ничего не знаю, — тихо ответила я.

— Я тебя научу, не волнуйся. Сейчас давай просто поговорим. Я хочу знать, почему ты сидела в горящем здании и смотрела на огонь. Ты же понимаешь, что должна сказать правду, иначе будет нечестно. Обещаю, после я расскажу какой-то свой секрет.

Я кивнула, не собиралась врать, раз согласилась на разговор. На телефон пришёл звонок, я встала и побежала забирать пакеты из супермаркета.

Глава 17

Олеся

Я забрала пакеты, быстро разложила еду в холодильник и на полку навесного шкафчика. Когда вернулась в комнату, оказалось, что Ратхор взял со стола мой альбом и рассматривал его.

— У тебя очень красивые рисунки. Чёткие, выверенные линии. По ним видно, что ты стремишься упорядочить свою жизнь, но не можешь. Поговорим, Олеся? Я обещаю, что не буду смеяться или расценивать негативно, что бы ты ни сказала. Если ты не готова, я тебя пойму, — спокойным тоном произнёс Ратхор и положил альбом на стол.

Я закрыла ноутбук, села в кресло и на несколько секунд задумалась. Никогда ни с кем не откровенничала, кроме Юры. Мне было страшно, но сейчас почему-то казалось, что Ратхор способен меня понять, потому что он мгновенно уловил суть в моих рисунках.

— Я потом могу задать вопрос?

— Обещаю, что отвечу. Олеся, это просто разговор двух людей. Я хочу тебя лучше понять. Расскажи, почему ты не вышла из горящего ресторана? Сядь удобнее, откинься на спинку кресла, дыши ровнее. Ты можешь на меня не смотреть, если тебе так будет проще.

Я сделала, как он просил, прикрыла глаза. Смотреть в почти чёрные зрачки мужчины пока не могла.

— Мне было шесть лет, когда погибли мои родители. В наш дом ударила молния, он загорелся. Я будила папу и маму, но они накануне выпили и не просыпались. Мне было очень страшно, я села в угол напротив их кровати и смотрела на огонь. Было жутко, одновременно эта стихия будто заворожила меня, я не могла шевельнуться. Меня вынес пожарный из горящего дома. Родителей тоже вынесли, но они уже были мёртвые. Накануне этой ночи у меня был день рождения. Я потом месяц не могла разговаривать, мне снился огонь, и сейчас иногда снится.

— Ты винишь себя за то, что не могла их разбудить? — вежливо спросил Ратхор.

— Нет, мне сказали через пару дней, я ещё в больнице лежала, что они уже были мертвы, когда начался пожар, — ответила я.

— Какими были твои родители?

— Вы не подумайте, они не были алкашами. Я мало что помню из раннего детства, но мама мне пела колыбельные на каком-то непонятном языке. Папа читал сказки. Они всегда говорили, что очень любят меня.

— Твоя мама была иностранка? — в голосе Ратхора прозвучало удивление.

— Нет, она была местная. Я помнила, что они работали в деревне у фермера, я его тогда дядей Вовой называла. После того как я вышла из детского дома, навестила его семью и расспросила обо всём. Оказалось, мама дружила с его женой, и они знали о нашей семье почти всё. Наверное, вам неинтересно это знать.

— Если тебе будет легче оттого, что ты мне расскажешь, говори. Я готов тебя выслушать, Олеся.

Вирадж

Я смотрел на девушку и видел, что ей с трудом даётся этот разговор. Вероятно, она ещё ни с кем этим не делилась или вообще не имела такой привычки. Её зажатость чувствовалась во всём: в тембре голоса, в дрожании рук. Она сидела с закрытыми глазами, ей так было легче. Я подумал, что сейчас она начнёт оправдывать родителей, что они пили немного, что они любили её.

— Я ночевала у Поляковых, мы много разговаривали. В основном я задавала вопросы. Тётя Рита мне всё объяснила. Мою маму звали Лида, она родилась инвалидом, очень плохо разговаривала, её мало кто понимал, она отставала в развитии, училась в специализированной школе. Вот почему её речь мне казалась странной в детстве. Маму из-за этого ненавидели в

семье. Только одна из бабушек очень любила её, она тайком от всех завещала ей однокомнатную квартиру. Родственники хотели отобрать жильё, признав, что мама недееспособная. Её даже в психушку упекли.

Олеся замолчала, нервно сглотнула и продолжила.

— Мама к восемнадцати годам была практически нормальная, но очень доверчивая, и речь не выправилась. В больнице она встретила мужчину-шизофреника. Он был не буйный, тихий очень, просто иногда сам ложился на лечение, чтобы поддерживать здоровье. Маме было девятнадцать, а ему уже сорок. Тётя Рита говорила, что они полюбили друг друга. Папа не смел мечтать о семье с его диагнозом, да и мама тоже. Врач выписал справку, что мама сама может за себя отвечать. Они уехали жить в квартиру бабушки, поженились.

Олеся замолчала, начала теребить полы рубашки пальцами. Я сам сходил на кухню, принёс ей попить, девушка не отказалась.

— Как же твои родители оказались в деревне?

— Какие-то чёрные риелторы узнали о них. Обманом они заставили их продать квартиру, обещали хороший дом в деревне. Типа: вы же на пенсии, вам нужен свежий воздух, а уж вашему малышу и подавно. Их даже не смутило, что мне года ещё не было. В итоге моих родителей вывезли в развалюху и бросили. Папа пытался отстоять их права, подал заявление в полицию, но те сказали, что мама сама согласилась на эту сделку. Типа они сами дураки, не посмотрели дом в начале. Мама с папой смотрели, просто их привезли к другому дому и показали его, не заводя внутрь, а там жила семья с детьми, они и не знали об этом обмане, — Олеся говорила дрожащим голосом, а по её щеке побежала слезинка.

— Странно, что полиция на самом деле не стала разбираться. Что было дальше?

Мне захотелось спросить: после этого твои родители начали выпивать? Я не стал этого делать, пусть всё сама расскажет.

— О беде моих родителей узнал местный фермер. Он помог за свои деньги перекрыть им крышу, чтобы не текло. В доме оклеили новые обои, постелили линолеум. Дядя Володя даже на работу их взял. Мама помогала Лиде делать сыры и масло на продажу, ухаживала за огородом. Папа чистил коровник, кормил свиней. Им платили деньги, а на зиму делились мясом и овощами. Родители не пили, но в мой день рождения решили отметить немного. Они купили самогона у одной местной женщины. Оказалось, тот был некачественный, и родители отравились, вот почему они не просыпались. Там ещё несколько человек тогда отравились, эту женщину посадили в тюрьму. Вот так всё и было.

— А как же ты в детском доме оказалась? У тебя столько родни, — спросил я. Это было важно услышать.

— Сначала меня взяла к себе тётя, мамина сестра. Она думала, что я получу в наследство землю, которая осталась. Тётка хотела снести дом и построить там дачу. Оказалось, что земля не оформлена и принадлежит государству, родители владели только строением на ней. Тогда начался скандал, я была в соседней комнате и всё слышала. Тётка орала, что я ей теперь на фиг не нужна, у неё своих трое ртов. Дядя заявил, что он не намерен воспитывать ребёнка сестры, его невеста против этого. Бабушка и дедушка кричали, что они слишком старые, чтобы взваливать на себя такую ответственность. Лида и Сергей были дурачками, вдруг и я такая же? На следующий день тётка приволокла меня в детский дом. Фермеры говорили, что сразу же изъявили желание забрать меня к себе, но им в опеке ответили, что меня тётя оформила на себя. Когда меня отправили в детский дом, им почему-то не сказали, а сами они мной не интересовались. Я их не виню, у них своих четверо детей.

Я понял, что эта девушка глубоко ранена. Её тревожное расстройство было не просто так, оно шло из глубин детства. Мне стало понятно и то, почему она не вышла из горящего здания. Скорее всего, у неё что-то переключилось в голове, и она снова вспомнила себя той шестилетней девочкой.

— Спасибо за откровенность, Олеся. Ты можешь задать свой вопрос. Я обещаю, что отвечу на него честно, — сказал я.

— Прежде чем согласиться на вашу помощь, мне нужно узнать больше. Я, может, где-то наивная, но не совсем дура. Прочитала несколько статей на форуме. Что вы практикуете?

— Я не люблю физический садизм, для меня не совсем приемлемо причинять человеку боль, но других тематик я не осуждаю — каждому своё. Также я никогда не стану оскорблять, психологический садизм тоже не моё. Я практикую шибари — это японское искусство связывания, а ещё люблю делать из человека статичную фигуру. Контроль и подчинение — это моё. Такой ответ тебя устраивает?

— Да, я не хотела бы, чтобы меня унижали. Это очень больно, — Олеся подняла голову, её глаза были влажными.

— Тебя когда-то унижали? — спросил я тихо.

— Да, но я не хотела бы об этом говорить.

— Хорошо, мы вернёмся к этому позже, когда ты будешь готова. Сейчас твоя задача — попить чаю и подумать над моим предложением. Я действительно хочу тебе помочь, Олеся, но уговаривать и настаивать не буду. Ты сама должна принять решение: хочешь ты под мою опеку или нет. Я прошу тебя, не стоит лезть на сомнительные сайты — это ни к чему хорошему не приведёт. В крайнем случае не соглашайся в первый же день идти на квартиру к незнакомому тебе мужчине. Я поеду домой. Меня Кедар ждёт в машине.

— Как мне сообщить, если я соглашусь? — спросила Олеся.

— Напиши мне в корпоративном мессенджере в личном сообщении слово «лотос». Я пойму, что ты согласна. Можешь посмотреть в интернете, что такое шибари, статей на эту тему очень много.

Я встал, Олеся пошла меня провожать. Когда за мной закрылась дверь, подумал, что теперь всё зависит только от неё.

Глава 18

Олеся

Я вышла на работу, Данилов поинтересовался, как я себя чувствую. Сказала, что со мной всё в порядке. Потом начальник объяснил фронт работ на сегодня.

— Если будут вызывать в отделы чинить технику, я сам схожу. Пусть история с рестораном уляжется, начнут ещё с расспросами к тебе приставать.

— Спасибо за заботу, Михаил Дмитриевич, — искренне поблагодарила я.

— Не за что. Прости, что скажу это, но ты иногда напоминаешь мне одного из сыновей. Он у меня аутист. Да, вы совершенно разные, но что-то такое по психиатрии проскальзывает, — неожиданно сказал Данилов.

— Вы правы, у меня тревожное расстройство. Мне трудно, когда вокруг много людей, а в остальном всё хорошо, — решилась признаться я и только потом сообразила, что зря это делаю.

— Не переживай, я никому об этом не скажу, просто буду знать, когда Витя в отпуске или болеет, лучше ходить по кабинетам самому. На самом деле мне нетрудно, тебя я и тут работой нагрузить смогу, — Данилов поднял трубку звонящего телефона, выслушал, а потом заявил: — Пойду работать, в бухгалтерии бумагу в принтере зажевало.

Начальник ушёл, я с облегчением вздохнула. Осмелилась открыться ему и рассказать о диагнозе, внезапно получила маленькую поблажку. Данилов обещал никому не говорить, и я ему верила, всё же этот мужчина своих детей имеет и понимает, что к чему.

Я начала работать, но время от времени мысли возвращались к вчерашнему вечеру. До сих пор удивляло, что Ратхор заявился ко мне домой, а потом предложил свою помощь. Теперь в голове кружились разные мысли. Почему он решился помочь? В чём тут подвох? Что потом этот богатый мужчина от меня потребует? Что будет, если я соглашусь на помощь Ратхора?

Неизвестность пугала и манила одновременно. Сейчас я могла здравым умом проанализировать свою переписку с неким Владыкой. Ратхор прав, я прямиком шла в ловушку, и это ещё повезло бы, если не пострадала сильно.

Время от времени размышляя над ситуацией, пришла к выводу, что если уж связываться с тем, кто понимает в доминировании и подчинении, то кандидатуры лучше Ратхора не найти. Если случится что-то страшное, полиция и сюда придёт с вопросами. Владелец фирмы не будет рисковать своей репутацией добропорядочного бизнесмена.

«Лотос», — я решилась и отправила личное сообщение в корпоративном мессенджере.

«Сегодня после работы», — пришёл быстрый ответ.

Я всё поняла, Ратхор ещё вчера сказал, что встречи будут на квартире. Вероятно, мужчине так будет удобнее, а я вовсе не возражала.

Когда вернулась домой после работы, не увидела машину Ратхора во дворе. Точное время встречи не назначено, и пришлось ждать. Я умылась, переоделась в красивое домашнее платье синего цвета, потом поставила чайник на плиту. Внезапно в домофон позвонили, побежала открывать. Через несколько минут в прихожую зашёл Ратхор, на этот раз он был одет во всё бежевое, что контрастировало с его слегка смуглой кожей. Мы поздоровались, мужчина достал из пакета тапки.

— Заехал в магазин и купил для себя обувь, не позволяй никому это надевать, они только для меня.

Вирадж

Я поставил на пол тапочки чёрного цвета. Это не пластмассовые шлёпанцы, что вчера предлагала Олеся, но и не брендовая вещь. Искать бутики с элитной обувью было некогда, и я заехал в ближайший торговый центр, купил в первом попавшемся магазине обуви мюли за три тысячи.

Это был отличный ход — оставить тут свою вещь как символ личного пространства и неприкосновенности. Я устанавливал в доме Олеси часть своей территории. Фраза «никому не позволяй надевать» — это не про гигиену, а про эксклюзивность и владение, а ещё намёк на будущее. Я вёл себя не как гость, а как будущий постоянный обитатель, который уже закрепляет за собой позиции. Это мягкое, но недвусмысленное вторжение.

— Хорошо, если вам нравится ходить в личной обуви, я не против, — смущённо пробормотала Олеся.

Я наблюдал за эмоциями девушки от растерянности до смущения. Она не могла контролировать выражение лица, и это хорошо, так будет проще.

Неожиданно что-то засвистело. Олеся ринулась прочь.

— Я на кухню, проходите.

Уже знал, где уборная: сначала сходил по делам, потом тщательно вымыл руки. Когда появился на кухне, Олеся разливала чай по кружкам.

— У меня есть сосиски в тесте, я вчера четыре штуки заказала. Будете? Я подогрею. Чай с натуральной мятой. К сожалению, угостить больше нечем, я не готовила.

— Прости, я это не ем, — достал телефон и быстро начал тыкать в него пальцами. — Заказал на твой адрес овощное рагу с куриной грудкой, через полчаса привезут, у тебя филиал ресторана рядом.

Олеся внезапно сникла, возможно, ей показалось, что я брезгую её едой. Сел за стол, произнёс спокойным тоном:

— Не надумывай себе лишнего, я правда этого не ем, а тебе вредно. Я сегодня советовался по видеосвязи с одним из врачей насчёт тебя. Олеся, ты в состоянии стресса и ешь пищу, которая является топливом для паники. Жир и переработанное мясо — пустые углеводы. Это химический коктейль для тревоги. Ты пытаешься тушить пожар бензином. Так нельзя. Мне подсказали сайт со специальной диетой для тебя. Ты умеешь готовить?

— Пришлось научиться, няньки у меня нет. Куда я теперь эти сосиски дену? — спросила Олеся.

— Твой кот смотрит на них не мигая, отдай ему, — я мгновенно нашёл решение проблемы.

Олеся только сейчас заметила, что любимец сидит на подоконнике и сверлит взглядом тарелку. Она отломила половину от сосиски и положила в миску коту, остальное убрала в пакет и в холодильник.

— Вася ест всё подряд. Вы представляете, он арбуз любит… Ой, наверное, вам это не интересно, — потупилась девушка.

— Мне интересно всё, что касается тебя. Давай обменяемся номерами телефонов, я пришлю тебе ссылку на сайт, который мне дали. Не переживай, там пошаговые рецепты из простых продуктов.

— Спасибо.

Мы обменялись номерами, а когда привезли рагу, поужинали. Потом я усадил Олесю в кресло в комнате, а сам сел на стул.

— Помнишь, как в прошлый раз? Откидываешься на спинку и отвечаешь на вопрос. Обещаю ответить на твой. Расскажи, что было, когда ты попала в детский дом?

— Поначалу было страшно. Принялись обижать только потому, что у меня хоть и недолго, но были родители. За меня заступился мальчик моего возраста. Несмотря на шесть лет, Юра дрался как лев. Среди детей старшего возраста он завоевал популярность своим бесстрашием. Лидер старшеклассников приказал меня никому не трогать, раз я подружилась с Юрой. С того момента жилось нормально. Со мной особо не общались, но и не гнобили. Фактически у меня был только один друг.

— А воспитатели были хорошие? — спросил я.

— Я бы не сказала, что сотрудники детдома заменили мне родителей, но все были нормальные, никогда не обижали, не вымещали на нас злобу, они просто выполняли свою работу, не делая детям лишней душевной раны. Готовили у нас вкусно. Директор на праздники выпрашивал у спонсоров подарки для нас. Повар, тётя Галя, пекла на Новый год большой вкуснейший кекс с изюмом, и всем доставалось по кусочку.

— Постой, но ты же говорила, что тебя унижали? — удивился я.

Неожиданно по щекам Олеси потекли слёзы, она несколько минут молчала. Я не настаивал на ответе и не утешал, предпочитая посмотреть, что будет дальше. Девушка всё же заговорила о том, что её так расстроило.

Олеся

— Мне было восемь лет, когда забрали в семью. Дядя Саша очень хотел детей, а жена была бесплодная. Они не желали возиться с пелёнками, поэтому решили взять ребёнка постарше. Я была слегка похожа на Сашу, вот и поехала к ним. Оказалось, мой приёмный отец очень деспотичный и требовательный, а мачеха и вовсе меня тихо ненавидела. Я училась на тройки не потому, что ленилась, а потому что не могла. Некоторые предметы давались с трудом. Дядя Саша всё время орал, что я никчёмная. Если у меня что-то не получалось вне учёбы, он заявлял, что я тупая как пробка и ничего в своей жизни не добьюсь. Потом он стал делать некоторые дела за меня, говоря, что я неуклюжая и обязательно всё испорчу.

Я замолчала, мне было тяжело рассказывать об этом. Если бы Ратхор перебил вопросом, я бы не стала дальше откровенничать. Мужчина молчал, и от этого стало легче, но глаза открыть было страшно, я думала, что сейчас увижу во взгляде своего наставника презрение. И всё же я продолжила рассказывать.

— Приёмный отец взял меня, чтобы вылепить идеальную наследницу, а я просто никчёмная неумёха. Потом оказалось, что от него скрыли диагнозы моих родителей. Мамина сестра увидела меня с ним однажды, проболталась, кто она и откуда я. Начался очередной скандал, меня стали обвинять, что я в родителей пошла. Я дурочка как они, именно поэтому у меня плохо всё получается. Через год после такой невыносимой жизни дядя Саша вдруг заявил, что у него есть любовница, она беременна и он уходит к ней, квартиру оставляет бывшей как компенсацию за развод. Он же богатый был, они с женой подписали договор перед свадьбой, что она не претендует на его имущество. Приёмные родители развелись, а я стала получать тумаки и затрещины от мачехи, та всё время попрекала, что я не смогла стать Саше идеальной дочерью, именно поэтому он её бросил. Я виновата во всём. Мы прожили с ней месяц после развода, потом она притащила меня в тот же детский дом, где я росла раньше, кинула как ненужную тряпку. С тех пор я никуда не уезжала больше. Эту квартиру мне государство подарило.

Я почувствовала, как нежно к моим щекам прикоснулись пальцами, стёрли слёзы.

— Ты ни в чём не виновата, Олеся, это они были дураки. Взять ребёнка из детского дома — большая ответственность. Ты же не куклу в магазине покупаешь? Спасибо, что рассказала об этом, мне стали понятны корни твоей тревоги. Не бойся, я постараюсь тебе помочь, но с одним условием. Ты подчиняешься мне беспрекословно. Обещаю, что не попрошу ничего такого, что нельзя выполнить. Можешь задать свой вопрос.

Вирадж

— Зачем вам это надо? Почему угощаете меня едой, заботитесь? В чём тут подвох, господин Ратхор? — спросила Олеся.

— Никакого подвоха. Я искал девушку, которая станет моим партнёром по играм на постоянной основе, ты подходишь, но придётся обучать.

Олеся кивнула. Я подумал, что многое недоговорил. На самом деле я хочу затащить эту девушку в постель, но не заставлять спать с собой, а сделать так, чтобы у неё не осталось сомнения — другого выхода нет. Олеся сама должна шагнуть ко мне, без всякого принуждения, как будто правильнее выбора не существует.

— Мне нужно ехать домой. Давай договоримся встретиться через три дня. Не плачь, всё будет хорошо.

Я снова стёр слезинки со щёк девушки. Простой жест утешения, но для меня это было что-то запретное, потому что в этот момент хотелось схватить Олесю в охапку и целовать до припухших губ.

«Ещё не время, она к тебе не привыкла», — напомнил я себе и отошёл от Олеси.

Девушка распахнула глаза, как будто ждала этого.

— Спасибо, что выслушали. Не ожидала, но мне стало легче. Я провожу вас.

Глава 19

Я приехал с работы, тщательно умылся и надел курта-пайджама — традиционный индийский наряд, состоящий из широких брюк, зауженных к щиколоткам, и туники до середины бедра. Мой любимый светло-бежевый цвет всегда успокаивал. На работу я ходил исключительно в европейской одежде.

В комнате стоял маленький журнальный столик и кресло с прямой спинкой. Сел, зажёг таблетку угля в специальной чаше из латуни, потом капнул натурального масла ветивера. Идеальная атмосфера для вечерней медитации. Прислонившись к спинке кресла, я положил руки на колени ладонями вверх и прикрыл глаза. Сейчас я не читал мантру, а уходил глубоко в себя, создавал трансовое состояние. Нужно очиститься от того, что было сегодня днём, отринуть все тревоги и печали.

Ровно двадцать минут транса, через это время мелодично звякнул бы телефон, который находился в режиме «не беспокоить».

Жизнь наладилась давно, четыре года в этой стране не прошли даром. Европейский стиль на работе, а интерьер дома я частично совместил с индийским. Здесь мои корни, то, что я не забуду никогда, к чему буду всегда стремиться, воспоминания о родине. И всё же в этом жилище не было привычной суеты индийских особняков. Тут было тихо, что радовало больше всего. Меня всегда тяготил шум, когда в родительском доме проходили споры, хотелось уйти, что я частенько и делал.

Несмотря на отлаженную жизнь, на душе присутствовала некая пустота, которую я никак не мог заполнить. Возможно, с появлением Олеси всё будет иначе. Я дал девушке несколько дней, чтобы она проанализировала своё состояние. Она после откровенных разговоров, и она же, когда долгое время их нет. Девушка явно испытала облегчение после рассказа о себе, следующая задача — сделать так, чтобы она стала зависима от этих встреч, чтобы ждала их, словно своё спасение.

Мне хотелось привязать Олесю к себе, но не грубыми приказами или угрозами, а тонкими нитями, которые она даже и не заметит.

После медитации я пошёл в столовую. Дивья уже накрыла на стол и ушла. На тхали стояло несколько катори: в одной кичади, в другой йогурт-дахи. Также тут лежала тёплая лепёшка. В качестве напитка служанка подала имбирный чай.

Я подумал, что когда-нибудь рискну и приведу в свой дом Олесю, покажу ей, как я живу. Пока стоит медленно подкрадываться к девушке, чтобы она даже не заметила, как дверца её будущей клетки захлопнется.

***

Я ходила на работу, по вечерам готовила себе несложный ужин по рецептам того сайта, который порекомендовал Ратхор. Оказалось, что на сайте были собраны отдельные подборки для разных болезней. Диета для сердечников, для тех, у кого болит желудок, и всё в этом духе. Я была довольна, еда готовилась из простых продуктов, некоторые блюда для таких, как я, кто не любит часами торчать у плиты.

Сейчас я пила любимый чай с мятой и вздыхала. Вспомнила ощущения облегчения, которые пришли после второго разговора с Ратхором. Казалось, что с плеч свалилась часть груза и дышать стало намного легче.

Мне хотелось встретиться с этим человеком снова, ощутить в своей квартире его властную ауру. Удивительно, но Ратхор не давил на меня, не заставлял что-либо делать, но уже само присутствие и взгляд вызывали реакцию подчиниться. Я изнывала от нетерпения, хотела новой встречи с мужчиной и одновременно опасалась. Не было понятия, куда приведёт меня

эта связь на самом деле. Ратхор не давал конкретных пояснений, приходилось, как говорят в народе, плыть по течению.

Уже завтра мы встретимся. О чём будут вопросы? Я думала о том, что сама хотела бы узнать, но ничего не приходило на ум.

Раздался звонок в дверь, я поплелась открывать. За порогом стоял Юра.

— Привет. Были дела, только сумел вырваться к тебе, — друг зашёл в прихожую, снял обувь.

Я поздоровалась и улыбнулась, была рада видеть Юру.

— Ты себе новые тапки купила? Почему не носишь? — друг потянулся к вещи, которая принадлежала Ратхору.

— Это не для меня, но и не для гостей. Вернее, для гостя, но только одного, это его личная вещь, — смущённо сказала я.

— Что ещё за новости? Олеся, я видел богатого мужчину, который приехал в воскресенье на иномарке. Шикарная тачка, какие возле обычных домов в спальном районе не ставят. Я тогда хотел прийти к тебе, поднялся на этаж и увидел, как он звонит в твою дверь. Тут мне Вика написала, что приехала, стоит у двери, а меня нет дома. Я ушёл к ней и позабыл о незнакомце. Это его тапки? Кто это, Олеся?

— Проходи, я чай села пить, сейчас тебе налью, — вместо ответа сказала я и пошла на кухню.

Юра плюхнулся на стул у стола, поблагодарил за чай и взял конфету из вазочки.

— Олеся, ты не ответила на вопрос. Пойми, это не праздное любопытство, я за тебя переживаю. Ты очень впечатлительная и доверчивая, тебя легко могут обмануть, — строгим тоном сказал друг.

Я отпила немного чая и только потом ответила.

— Это директор нашей фирмы. Помнишь, я рассказывала о пожаре на корпоративе? Именно он вынес меня на руках из горящего здания, когда я потеряла сознание.

— Об этом я и говорил, подруга, — Юра ткнул меня пальцем в плечо. — Ты очень доверчивая. Тебе не приходило в голову, зачем богатенький Буратино к тебе приклеился? Ты же обычный сисадмин, прости за грубость, но ты раб на его фирме за небольшую зарплату. Когда это хозяева жизни ездили на дом к таким, как мы с тобой, чтобы о здоровье узнать? Согласен, что он мог вынести тебя из горящего здания, но остальное настораживает.

— Ратхор сказал, что пока я у него работаю, он отвечает за меня, — ответила я.

— Олеся, ты сама сейчас слышишь, что говоришь? Давай представим, что владелец Газпрома поедет к простому рабочему, например, какому-то наладчику Вове и скажет: «Владимир Иванович, вы вчера на работу не вышли, я пришёл поинтересоваться, как у вас здоровье».

Я не могла признаться, что мы с Ратхором знакомы со времён клуба. Слово дала об этом не рассказывать и не буду.

— Я не знаю, Юр. Спросила его о мотивах, он ответил вот так. Потом он случайно увидел на моём компьютере, что я интересуюсь темой, и предложил помочь. Ратхор — доминант. Ты же сам говорил, что мне нужно найти такого человека.

— Ратхор — его псевдоним в рамках темы?

— Нет, это его фамилия. На самом деле он индиец. Вирадж Кумар Ратхор.

— Я заметил, что у него внешность нетипичная для россиянина. И всё же будь осторожна, Олеся. Не нравится мне всё это. Богатые люди не помогут бескорыстно, у них принцип: всё должно приносить прибыль или хотя бы пользу, — наставительно ответил Юра.

Я нахмурилась, слова друга посеяли сомнения на душе. Так ли бескорыстен Ратхор, как казалось вначале?

Глава 20

Олеся

Я волновалась перед встречей с Ратхором. Отпросилась у начальника на час раньше положенного времени. На этот раз я быстро отварила рис в пакетике и потушила овощи с куриной грудкой, добавив самый минимум масла. Почему-то казалось, что если и в этот раз Вирадж откажется от моей еды, то явно есть какой-то подвох, о чём и говорил Юра.

Мужчина приехал к семи вечера, как и написал в сообщении. Теперь мы с ним общались в одном из общедоступных мессенджеров, что было гораздо проще.

Я впустила гостя, поздоровалась и сказала, что буду на кухне накрывать на стол. Вирадж появился там через несколько минут. Сегодня он почему-то надел всё чёрное, и его вид казался немного зловещим.

— Я ещё не ужинала и предлагаю вам присоединиться. У меня рис и тушёные овощи с курицей. Сама готовила, — сказала я и тут же подумала, что сейчас мне откажут.

— Я с удовольствием поужинаю с тобой, Олеся. Спасибо, что позаботилась о еде, мне очень приятно, — улыбнулся Вирадж, присаживаясь за стол.

Моё сердце пропустило удар и снова начало биться, я не ожидала, что мужчина не закажет еду из ресторана, как в прошлый раз.

— Вы можете есть руками, если вам так удобнее, — я поставила перед гостем тарелку.

Я сделала горку из риса, а рядом положила овощи с курицей.

— Пожалуй, не буду тебя смущать. Дай мне ложку, как в прошлый раз.

Я поставила свою тарелку, подала ложку и только потом села за стол. Казалось нереальным, что такой богатый мужчина приходит сюда уже в третий раз. Мне хотелось снова задать те вопросы, что уже звучали, но оформить их по-новому, но не решалась на это.

— Расскажи мне, Олеся, чем ты занималась три дня? — неожиданно спросил Вирадж.

— Работала, а после всегда шла домой. Мне особо нечего рассказывать, у меня скучная жизнь. По вечерам смотрю сериал, — ответила я тихо.

— Почему ты шепчешь? Я тоже люблю смотреть кино. Что за сериал?

— О юных волшебницах. Он детский, но интересный, — потупилась я.

— Олеся, я не собираюсь тебя осуждать за твои увлечения. Задал вопрос, чтобы получше тебя узнать, — совершенно спокойно ответил Ратхор и продолжил есть.

Он больше ничего не спрашивал, а мне почему-то было неловко задавать вопросы.

— Спасибо за ужин, Олеся. Ты хорошо готовишь, это не лесть, а констатация факта, — с улыбкой сказал Вирадж, допив свой чай.

— Это не сравнится с тем, что готовит ваш дипломированный повар, — вздохнула я.

— У меня нет повара. Готовит моя служанка Дивья, она же убирает дом. Это простая женщина, я привёз её вместе с мужем Кедаром из Индии. Изыски кулинарии я пробую только в ресторане на деловых встречах. Дома у меня исключительно простая еда, которую подают на стол в любом индийском доме.

Я была поражена, статус Ратхора никак не вязался с его привычками. В интернете писали, что олигархи нанимают дипломированного шеф-повара. В доме у них обычно несколько слуг.

— Помою посуду, и мы можем поговорить, — я встала из-за стола.

— Я подожду тебя в комнате.

Когда я зашла в комнату, Вирадж сидел в кресле у стола и снова разглядывал мои рисунки.

— Ты сделала несколько новых набросков. Я рад, что рисунок более светлый. Ты не использовала чёрный карандаш. Наши прошлые разговоры не прошли даром.

— Нет чёрного цвета? Я даже не заметила? Господин Ратхор, я всё же хочу знать, что на самом деле вы от меня хотите. Мой друг Юра сказал, что такие богатые, как вы, не ездят к беднякам просто так.

Я остановилась на середине комнаты и почему-то не могла подойти к столу. Вирадж встал, и сам направился ко мне.

— Тот самый Юра, который защитил тебя в детском доме? — спросил мужчина, я кивнула. — Знаешь, твой друг прав, в большинстве своём богатые люди не будут общаться с простыми работниками низкого класса. Многие сотрудники больших компаний ни разу не видели в лицо его владельца. Я уже говорил тебе, что ты мне подходишь как будущая партнёрша по игре. Но если ты мне не доверяешь и во всём видишь скрытый мотив, то нам не по пути. Пожалуй, мне стоит уйти.

Ратхор пошёл на выход. Я подумала: это конец всему. Сейчас я останусь без поддержки человека, от общения с которым становится легче.

— Не уходите, пожалуйста, — я резко развернулась и схватила гостя за рукав пиджака. — Я вам доверяю, но…

— Не надо ничего объяснять, я всё понимаю. А теперь чётко и по делу. Олеся, я не тот человек, которого можно использовать в качестве жилетки на постоянной основе. Если я помогаю тебе, ты принимаешь мои правила игры добровольно. Я не имею права тебя уговаривать и заставлять. Подумай ещё раз, для чего ты просишь, чтобы я остался? В очередной раз хочешь пожаловаться мне на судьбу или действительно ищешь наставника?

— Мне нужен наставник, я не собираюсь больше плакаться вам в жилетку, — я не знала, что ещё ответить.

Вирадж приблизился вплотную и взглянул на меня своими почти чёрными глазами, у меня чуть коленки не подогнулись от страха, я сразу подумала, что сейчас этот сильный и волевой человек сочтёт меня размазнёй, которая может только сопли распускать.

— Олеся, я не говорю, что мне было неприятно слушать твои рассказы о себе. Я сам ведь попросил об этом. В будущем ты всегда можешь обратиться ко мне со своей проблемой, я тебя выслушаю и дам совет. Я способен понять тебя и помочь, но ты также должна уяснить, что это не игра в одни ворота. Сейчас я тебе предлагаю поговорить о том, что такое игра в моём понимании. Потом ты ещё раз подумаешь и сделаешь вывод, нужно тебе это или нет. Я не стану настаивать или уговаривать, ты сама решаешь свою судьбу, это твоё право, его никто не отнимет.

— Хорошо, я согласна выслушать, а потом подумать ещё раз, — решилась я.

По просьбе Ратхора села в кресло и откинулась на спинку. В голове звучали отдельные фразы из речи мужчины.

«В будущем ты всегда можешь обратиться ко мне со своей проблемой, я тебя выслушаю и дам совет. Я не стану настаивать или уговаривать, ты сама решаешь свою судьбу, это твоё право, его никто не отнимет», — эти слова были как бальзам на душу, обо мне действительно обещают позаботиться, но не собираются ни к чему принуждать силой.

— Можно ещё один вопрос? Обещайте ответить честно? — решилась я.

— Обещаю.

— Когда я была в тот день в клубе, администратор, или кто он там, сказал, что лоты согласны на секс. Если бы я оказалась обученной клубной девушкой, вы бы переспали со мной?

Вирадж

Я предполагал, что когда-то этот вопрос возникнет, поэтому не удивился. К тому же я знал, как на него ответить, чтобы не оттолкнуть Олесю от себя.

— Бывают игры, завязанные на сексе. И всё же чаще встреча в клубе происходит по-другому. Я в тот день собирался заставить лота, который мне достанется, выполнять опреде-

лённые позы, изображая ту или иную скульптуру. Ты не думай, что это просто: подчиняться приказу и по десять минут стоять в одной позе и не шелохнуться не каждый сможет.

— А что будет, если человек пошевелится? — тут же полюбопытствовала Олеся.

Я про себя усмехнулся. Как легко было сдвинуть девушку с щекотливой темы. Ей пока не стоило знать, что я собираюсь затащить её в свою постель.

— Ничего. Мы продолжим игру, если не названо стоп-слово, но в будущем я не выберу для игры такого человека. Не думаешь же ты, что я бью девушку плетью за то, что она не оправдала мои ожидания?

Я позволил себе улыбнуться лишь кончиками губ. Олеся приняла объяснение и теперь попросила рассказать больше о том, куда собирается вступить.

«Какая же ты доверчивая мышка, милая. Мне будет приятно постепенно делать тебя ручной, привязывать к себе, чтобы ты осталась рядом навсегда», — довольно подумал я.

Глава 21

Костя предложил пообедать в воскресенье у него дома. У его жены был день рождения, она решила отметить с подругами в ресторане. Я согласился приехать на встречу. Когда зашёл в дом, ко мне вышли поздороваться Анна и её дочка Лена.

На женщине было красивое, но довольно скромное бирюзовое платье. Аня не любила показывать, что вышла замуж за богатого мужчину, тем более она была беременна.

— Костя, позволь мне поздравить твою жену. Анна, Костя часто говорит о вашей любви к тишине и книгам. Мне хотелось подарить вам что-то, что создавало бы уют в вашем личном пространстве. Это для вашего спокойствия и хороших мыслей. Индийский письменный набор: тут перьевая ручка, блокнот и несколько закладок для книг. А ещё шаль из натурального кашемира. Вашей дочери — шкатулка с индийскими заколками.

Я раздал подарки.

— Спасибо, это очень приятно, когда человек дарит именно то, что непременно пригодится, — вежливо ответила Аня и улыбнулась.

— Спасибо, Вирадж. Проходи. Анна ещё утром приготовила для нас еду. Ты же знаешь, она любит стоять у плиты, — сказал Костя.

Через несколько минут женщина быстро накрыла на стол, извинилась и уехала на встречу с подругами. Мы с Костей расположились в столовой.

— Твоя жена всё же отказалась от пышного торжества? — спросил я.

— Категорически. Она ещё раз напомнила, что вышла замуж за меня, а не за мои деньги, поэтому не хочет, чтобы я звал на её праздник кучу гостей, большинство из которых она не знает. Аня решила отметить с близкими подругами. Я её прекрасно понимаю: некоторые не воспринимают её в высшем обществе. Жена Куликова, например, сама вылезла не пойми откуда. Она же моделька, в рекламе для журналов снималась. Родители её на стройке работают, а Катя нос задрала, будто в семье министра родилась. Не люблю таких дамочек, поэтому Аня для меня бриллиант высшей категории.

— Я, к сожалению, разочарован в семейной жизни, но у меня есть наследник, поэтому жениться больше не хочу. Как Артём поживает?

— Ноет едва ли не каждый день, что ему плохо в квартире бабушки, не хватает денег и прочее. Я запретил охране пускать его в наш клуб. Гулянки, как прежде, устраивать он не может. Посоветовал ему сосредоточиться на учёбе, — ответил друг и вздохнул.

— Тебе его не жалко? Парень привык жить на широкую ногу.

— Я не тот человек, который будет жалеть и вечно потакать капризам ребёнка. Артём уже далеко не маленький, должен думать своей головой, что делает. Разумеется, я его прощу, но не сейчас. Узнал, что он едва учится. Если бы не его однокурсник Юра Батурин, то Тёмку давно бы выперли из института.

Я глянул на друга и отметил, что со временем нашего знакомства у него прилично добавилось седины. Ещё бы, с таким сыночком любой родитель рано поседеет.

— У нас попасть в институт — мечта миллионов. Даже в государственном университете большой конкурс на место. Нужно сдать очень сложный экзамен, чтобы поступить, поэтому редко встречаются те, кто прошёл по конкурсу и начинает вести праздный образ жизни.

— У нас разные культуры, Вирадж. Кстати, ты давно не был в клубе. Опасаешься туда ходить после того случая?

— Чего мне бояться? Эта история получила продолжение… — Я рассказал об Олесе. — Хочу стать её мастером. Вчера вечером девушка мне написала, что согласна.

Я не стал скрывать, кто такая Крайнова, и о её диагнозе. Друг слушал внимательно, но с большим удивлением и толикой гнева на лице.

— Ты понимаешь, что ты творишь, Вирадж? С таким человеком нельзя иметь дело. Тревожники сильно привязываются к человеку, который даёт им чувство безопасности. Что будет, когда она тебе тупо надоест? Девушка просто выпилится, потому что не сможет без тебя и твоей моральной поддержки. Ты сможешь потом жить с таким грузом на душе? — строгим тоном произнёс Костя и нахмурился.

— Кто говорит, что я её собрался бросать? Наоборот, я хочу сделать так, чтобы девушка не ушла от меня никогда. Это странно, но я влюбился. Любыми путями добьюсь, чтобы Олеся была рядом, — совершенно спокойно ответил я.

— Ты уверен, что девушка захочет более тесных отношений с тобой? Она может быть склонна к подчинению, не спорю, но большая вероятность, что ты ей не нравишься как сексуальный партнёр.

— Судя по её реакции на совершенно невинные прикосновения, девушка — девственница. Я легко коснулся её волос, чтобы утешить, а она уже шарахается от меня. Не думаю, что с такими проблемами в жизни Олеся хоть раз с кем-то переспала, поэтому мне легче вылепить из неё кого хочу, — я улыбнулся.

— Ты сошёл с ума, друг, но отговаривать я тебя не стану. Прошу тебя, будь осторожнее. Ты же помнишь правила? «Не навреди» — главное из них, — наставительно сказал Костя.

— Не переживай, я всё помню. Олесе будет хорошо со мной.

Глава 22

Олеся

Я думала над тем, что сказал Ратхор. Он не отрицал, что Юра прав, и в то же время дал уверенность, что с ним мне будет не страшно. Потом мужчина захотел уйти. В моей голове тут же возникла мысль, что сейчас я потеряю всё, что мне так нужно.

Я остановила Ратхора, но мне снова приказали подумать над ситуацией. Это давало уверенность, что всё будет хорошо. Меня не гнали в мир его игр пинками, ни к чему не принуждали. Я сама решала свою судьбу.

После долгих раздумий поняла, что не смогу больше жить в том хаосе, который мучил меня до сих пор. В субботу вечером я написала сообщение Ратхору: «Здравствуйте. Я согласна быть вашей девушкой для игр».

Мы договорились встретиться в понедельник после работы, а пока мне велели прочитать контракт и отметить пункты, с которыми я не согласна и о которых хочу спросить.

На этот раз встреча предполагалась поздней, в девять вечера. Я должна поужинать одна и ждать. Время тянулось долго, начала просматривать в интернете то, что не поняла из контракта, но ещё больше запуталась и впала в уныние. К тому же за вечер я несколько раз переоделась, думая, что выгляжу неопрятно.

Ратхор всегда был идеальным: отглаженная рубашка, безупречный костюм. Похоже, ткань его одежды была натуральной и очень качественной, она практически не мялась. У меня рубашки вечно были как жёваные, на такое качество, как у Ратхора, у меня банально не хватило бы денег. В итоге я остановилась на белой рубашке и джинсах, в которых почти всегда ходила на работу.

Наконец, в квартире зазвенела трель домофона, я побежала открывать. Ратхор вошёл в квартиру одетый максимально просто: в синие джинсы и чёрную рубашку с коротким рукавом. Мы поздоровались, и сразу последовал вопрос.

— Ты в этом на работу ходишь?

— Да, — коротко ответила я.

— Это неправильно, надевать на наши встречи то, что у тебя ассоциируется с офисом, но не снимай, пусть останется так.

Ратхор, как всегда, пошёл мыть руки, потом вежливо отказался от чая.

— Мы сразу приступим к делу, я не хочу, чтобы тебя что-то отвлекало. Садись за стол, будем обсуждать контракт.

Я хотела уступить гостю компьютерное кресло, но тот сразу сел на стул.

— Ты нервничаешь. Сядь и откинься на спинку. Закрой глаза. Три минуты тишины, дыши ровно, медленно. Ещё медленнее контролируй дыхание.

Подчинилась. Удивительно, но после этого всегда становилось легче, будто я перешагнула какую-то невидимую черту в другую реальность.

— Хорошо. Теперь задавай вопросы, — попросил Ратхор.

— Почему контракт между мастером и мной? Почему не доминантом? В чём разница?

— У мастера шире полномочия. Я буду отвечать за твою жизнь не только в рамках игры, но и вне её. Ты станешь выполнять мои задания, даже если мы не вместе. Обещаю не просить ничего такого, чтобы тебе навредило. У тебя всегда есть право сказать стоп-слово, но перед тем как его огласить, ты должна действительно понимать, что тебе больно или крайне некомфортно, — спокойно ответил Вирадж.

— Первое моё несогласие. Мне не нравится поза подчинения, я не буду стоять на коленях — это унизительно, — решилась сказать я.

— Хорошо, мы её переделаем, — Ратхор поднялся и отошёл на середину комнаты. — Встань напротив меня на расстоянии вытянутой руки. Молодец. Теперь опусти голову. Ты должна смотреть на кончики своих ног. Руки заведи за спину, сцепи ладони в замок. Плечи распрями, не нужно горбиться, Олеся. Стой так несколько минут, почувствуй, комфортно ли тебе. Я скажу, когда всё.

Я подчинилась властному голосу Ратхора, и всё равно в голове сразу стали роиться мысли, что делаю это неправильно. Мне сказали не горбиться, я какая-то неуклюжая и совсем не подхожу этому мужчине.

— Молодец, Олеся, ты всё делаешь правильно. Постой так ещё минуту, я засекаю время.

После этих слов тревога постепенно улетучилась, я почувствовала, как происходит облегчение. Меня похвалили, я всё сделала правильно.

Вирадж

Я смотрел, как девушка встаёт в позу. Мне хотелось подойти к ней, расправить плечи, прикоснуться хотя бы так. Пришлось дать себе мысленного пинка и напомнить, что ещё не время. Постепенно я доберусь до тела Олеси, но сделаю всё так, что у неё даже мысли о сопротивлении не возникнет.

— Подними голову, Олеся. Скажи мне, так тебе комфортно?

Девушка подчинилась и уверенно ответила: «да». Начало было положено, теперь можно обсуждать дальнейшие шаги. Я писал контракт, тщательно его обдумывая, там не должно было быть ничего такого, что вызовет приступ паники у тревожника. Да, поза подчинения была отвергнута, но можно придумать множество других, что я и сделал.

Следующий час мы провели за разговором, я многое объяснил, кое-что пришлось исправить. Это была рутина, но без неё никак. Тут важно не сломать человека, который тебе доверился. В случае с Олесей такое легко сделать, поэтому стоило быть осторожнее. Костя был прав: одно неверное движение и девушка выпилится, оставив на моей душе груз вины на всю оставшуюся жизнь.

— Хорошо. Я перепишу контракт в соответствии с твоими требованиями, Олеся. Завтра мы его подпишем. Встретимся у тебя сразу после работы. Насчёт ужина можешь не беспокоиться, мне будет некогда, я приеду только за твоей подписью.

Слова были сказаны не просто так, это был ещё один прутик в клетку Олеси. Она будет знать, что именно по её желанию и требованию составлен контракт между нами, поэтому доверие возрастёт.

— Я буду вас ждать, господин Ратхор.

— Мне нравится твоё обращение ко мне, мы оставим именно его. Ещё я привезу стандартный договор о неразглашении. О том, что происходит между нами, не должен знать никто, даже твой друг Юра.

— Он не может не знать, он уже видел, как вы стучали в мою дверь, и начал задавать вопросы, я говорила это. Он знает, что я согласна на наши особые встречи. Юра мне практически как брат, он волнуется за меня. Мы живём в одном доме, и он может снова увидеть вас тут, — нервно ответила Олеся.

— Я решу этот вопрос, не переживай. Не смотри так, твоему другу ничего не угрожает, — ответил я. — Мы перенесём наши встречи в мой дом. Со своим названым братом ты меня просто познакомишь. Я скажу позже, где и во сколько мы с ним встретимся, а пока ничего ему не говори.

Олеся кивнула и, как я заметил, почувствовала нереальное облегчение. Я сам поговорю с Юрой, ей не придётся врать и оправдываться.

Глава 23

Олеся

Юрка появился, как только Ратхор уехал. Он зашёл сразу на кухню, вымыл руки и уселся за стол. Потянулся к печенью в вазочке.

— Пришёл к тебе, а ты этого к себе запускаешь. Я не стал вмешиваться, решил посидеть на лавочке и подождать, пока уедет. Что происходит, Олеся? Опять к тебе богатенький таскается. Ты же вроде хотела его гнать из своей квартиры, или я ошибаюсь? — взволнованно сказал друг.

— Я подумала и решила, что не буду отказываться от его предложения о помощи, — ответила я. — Поешь со мной?

— Опять сосиски с быстрой лапшой? — вздохнул Юра.

— Нет. Я приготовила рис с овощами. Это из пачки быстрозамороженной, но я добавила туда кусочки курицы и потушила. Должно быть вкусно.

— Накладывай. Я ещё не ужинал. В следующий раз принесу что-то для тебя.

Сегодня подписала договор с Ратхором и не намерена обсуждать его с другом. И всё же я знала, что Юра не отстанет, так и случилось.

— Олеся, я понимаю, что дурак, сам надоумил тебя искать тематика, но теперь я за тебя переживаю. Пойми, этот перец не сантехник, играющий в бирюльки, а богатый человек. Первого прищучить можно в случае чего, к примеру, в полицию пойти. Этот имеет столько денег, что в любом случае отмажется. Что вы делаете наедине, ты мне можешь сказать?

— Прости, но не могу, обещала не говорить, — ответила я и внутренне содрогнулась, сейчас начнётся.

— Олеся, я с детства тебя опекаю, хоть и старше всего на пять месяцев. Ты для меня как сестра, я за тебя переживаю. Ты в ответ отстраняешься и не желаешь ничего рассказывать. Ты мне всегда доверяла, а тут приходит этот и всё рушит. Кто он такой вообще? Какое имеет право вставать между нами? Если тебе плохо, если тебя к чему-то принуждают, я должен знать, чтобы защитить тебя.

— Юра, нет никакой опасности. Между нами никто не встаёт, ты ошибаешься. Я по-прежнему считаю тебя братом и сказала Ратхору об этом. Он хочет с тобой встретиться, скажет, когда будет свободное время, и вы познакомитесь.

От такого заявления Юра даже поперхнулся едой и начал кашлять. Я принялась хлопать его по спине.

— Неожиданно. И что, он вот так просто пригласит меня на встречу?!

— Да, он сам это сказал, я не просила его об этом. О чём он будет с тобой разговаривать, я не знаю. Просто речь была о том, что ты будешь задавать мне вопросы насчёт наших встреч, а я не знаю, как отвечать, — сказала я и опустила взгляд в тарелку.

— Тогда всё понятно, будет давить на меня своим авторитетом и заставлять не вмешиваться. Не зря он к тебе прицепился, но я ещё выясню почему, — нахмурился Юра и продолжил есть. — Не хочу об этом больше говорить. У меня потрясающая новость. Мы с Викой решили жить вместе.

— Поздравляю, Юр, ты заслужил счастья, — улыбнулась я.

— Речь о свадьбе пока не идёт, мы просто будем жить вместе, а через год распишемся, если не разбежимся. Я предложил Вике пойти в загс, а она выдвинула вот такой вариант. Её родители не против. В субботу отец Вики привезёт на своей машине её вещи.

— Тебе повезло, родители девушки приняли тебя хорошо. Некоторые не любят детдомовцев.

— Родители у неё крутые, да и я не выбирал себе невесту из богатеньких. Тебе тоже нужно найти парня, хватит жить отшельницей, Олеся, — последнее предложение Юра произнёс наставительным тоном.

— Ты же знаешь, мне трудно с этим, но когда-нибудь я позову тебя на свою свадьбу, вот увидишь, — ответила я, стараясь сделать уверенный тон голоса.

Вирадж

Я подписал с девушкой договоры и уехал. Через час пришло сообщение, что Юра снова задавал вопросы. Олеся сослалась на то, что обещала молчать, и сказала, что познакомит нас.

Любопытный парень снова застал его у двери Олеси. Если раньше встречи в её квартире казались нормальными, то теперь пришло понимание: этот парень станет помехой моим планам. Он мог набраться наглости, прийти в гости во время игры.

Снимать на часы номер в гостинице и водить туда Олесю, тоже не вариант, могли подумать, что мы любовники. Такая слава Крайновой ни к чему, а уж мне и подавно.

Пришлось перенести сессии в мой особняк, проводить их по выходным. Со временем Олесю можно оставить у себя на ночь, но до этого момента было ещё далеко.

Вопрос с Юрой нужно решить, и как можно быстрее. Этот парень не должен путаться под ногами. Впрочем, никто на него давить не собирался, это было бы глупо. Я написал в ответ на сообщение, что буду ждать Юру в шесть вечера завтрашнего дня в ресторане, который расположен на берегу реки.

Мне пришлось одеться максимально просто: в серые брюки и рубашку светло-коричневого оттенка с коротким рукавом. Сейчас не стоило выделяться и показывать, насколько я богат. О достатке говорили только часы на руке из белого золота.

Как и предполагалось, администратор проводил меня за столик, который был заказан заранее.

В ресторане имелась большая терраса, где летом можно посидеть спокойно. Столики стояли на достаточном расстоянии друг от друга. Я всегда занимал один и тот же, в углу у самого ограждения. Почему-то он был удалён от всего остального больше всего. Это было как раз то, что нужно, нас не могли подслушать.

Тот же администратор привёл Юру.

— Ваш гость, господин Ратхор, — вежливо сказал молодой мужчина.

— Спасибо, пусть нам принесут два свежих мультифруктовых сока. Здравствуйте, Юрий Денисович. Присаживайтесь, — я кивнул на стул напротив.

— Здравствуйте. Я удивлён, что вы предложили встретиться, господин Ратхор, — ответил парень вежливо, занял стул напротив и оглядел меня.

— Олеся сказала мне, что вы её названый брат, почти как семья, поэтому я решил, что мы должны познакомиться. Я люблю иногда бывать здесь, смотреть на реку, это успокаивает, — совершенно спокойно ответил я.

— А меня не успокаивает, потому что есть куча вопросов. Не отрицаю, что я сам виноват и подсказал Олесе идею поискать себе доминанта на одном из форумов, но к ней почему-то прицепились вы. Что вам нужно от Олеси? Я знаю, богатые люди никогда ничего просто так не делают, — резким тоном сказал Юра.

Принесли напитки в высоких стаканах, я поблагодарил и произнёс спокойно:

— Угощайтесь, Юрий Денисович. Это свежевыжатый сок. Я действительно тематик, разбираюсь в этом на профессиональном уровне. По вашей вине Олеся чуть не попала в лапы к человеку, который никакого отношения к теме не имеет. Скорее всего, это самовлюблённый нарцисс, который любит абьюзить людей, прикрываясь тем, что он доминант. Я вовремя прочитал её переписку с Олесей и предложил свою помощь.

— И что же вам нужно от Олеси, вы так и не сказали? — нервно спросил Юра.

— Ничего не нужно. Я предложил помощь, чтобы она не искала её на сомнительных сайтах. Вижу ход ваших мыслей. Сейчас вы думаете, что я богатый и могу творить с вашей подругой что хочу. Не могу, поверьте мне. Если с Олесей что-то случится, полиция в первую очередь придёт в мою фирму, она ведь там работает.

— Хорошо, пусть будет так, но Олеся мне всегда доверяла, делилась сокровенным, а тут замкнулась. Мне кажется, вы на неё давите, чтобы она перестала со мной общаться. Я вам мешаю в чём-то?

Юра снова пристально посмотрел на меня, но ни один мускул на моём лице не дёрнулся.

— Я понимаю, вы считаете Олесю сестрой и волнуетесь за неё, но я прошу понять меня. Моё увлечение — это не то, о чём можно орать на каждом углу. Олеся и без того слишком нервная из-за её болезни, а если в неё тыкать пальцем будут, то и вовсе. Нет тайны для троих. То, что известно двоим, можно унести в могилу. То, что известно троим, станет известно тридцати, а потом и трёмстам. Так говорят у нас в Индии.

— Я понимаю, недурной, и всё же хотелось бы понимать, что с Олесей ничего плохого не случится, — Юра решил не отступать.

— Именно поэтому я вас сюда позвал. Мне тоже важно, чтобы с девушкой ничего не случилось. Поэтому я не собираюсь лишать её названого брата, который так заботится о ней. Скажите мне свой номер телефона, я вам позвоню сейчас, — Юра тут же продиктовал. — Запомните меня в контактах. Если вы увидите на Олесе синяки или другие травмы, вы можете напрямую позвонить мне, я снова с вами встречусь. Хотя вряд ли будут прецеденты, я не машу плёткой на сессиях. И ещё у меня просьба. Если вдруг будет тревожно за девушку, неважно по какому поводу, вы сообщаете мне.

Юра допивал сок и чуть не поперхнулся от шока. Вероятно, в его понимании, это выходило за грани реалий. И всё же мы обменялись номерами, а потом я даже о помощи попросил.

— В чём подвох? Зачем вам это надо?

— Я просто хочу помочь Олесе выйти из её тревожного состояния. Пусть не полностью, но хотя бы облегчить её жизнь. Вы же тоже этого хотите, Юрий? — спокойным, но каким-то вкрадчивым тоном сказал я.

— Да. Но ведь вы не психолог. Я прав?

— Не правы. Я проходил курсы по психологии, там, правда, особый раздел, но это не важно, — я протянул ламинированный бежевый лист с рисунком и голограммой сверху.

Юра так нервничал, что даже не обратил внимания, что на столе что-то лежало. Он взял документ, это был сертификат института психологии о прохождении курсов.

— Психология управления, — прочитал парень вслух.

— Это для бизнеса, но затрагивались и обычные темы. Я максимально открыт с вами, Юрий Денисович. Теперь у меня будет просьба. Не нужно тревожить Олесю вопросами, если вас что-то интересует, спросите напрямую у меня. Никому не рассказывайте о том, что вы сейчас узнали. Повторюсь, я не боюсь за себя. Олесе будет трудно, если кто-то узнает о её увлечении, в её состоянии это равносильно убийству. Вы тоже желаете своей названой сестре только хорошего. Я прав?

Юра вернул документ.

— Да, вы правы. Обещаю молчать и не тревожить Олесю расспросами, но я слежу за тем, чтобы с ней всё было хорошо, знайте это.

— Спасибо за понимание и помощь, это очень ценно для меня. Обещаю, с вашей сестрой ничего плохого не случится. А теперь нам пора уходить.

Я позвал официанта, расплатился за сок, потом попрощался и ушёл.

Глава 24

Олеся

Ратхор принёс договор. Я ещё раз внимательно всё перечитала и подписала. Красивый автограф мастера уже стоял на бумаге.

— Теперь тебе предстоит выполнять мои задания не только на наших встречах, но и вне их. Я пишу, что ты должна сделать, ты выполняешь без возражений. Твои «не хочу» и «не буду» не принимаются. Ты можешь сказать только стоп-слово. Например, пишешь «красный» и чётко аргументируешь, по какой причине отказываешься. Я не имею права тебя заставлять и не буду. Ты говоришь «жёлтый» — значит, ты можешь сделать, но не так, как прошу я. Тогда ты пишешь мне, что нужно изменить в задании, чтобы тебе было более комфортно, — сказал тогда Ратхор.

Я всё понимала, мне ещё раньше достаточно всё объяснили. Сегодня ещё Юра приходил и рассказал о разговоре с Ратхором.

Я была в шоке, никак не ожидала, что мастер так поступит. Казалось, он начнёт запугивать друга, говорить, чтобы не лез не в своё дело. Юрка и сам теперь удивлялся, как поддался на уговоры и стал союзником человека, которому раньше не доверял.

Мы с другом, как всегда, поболтали за чашкой чая, и он ушёл. Я села смотреть кино по ноутбуку. Мне хотелось купить себе хороший большой телевизор и повесить на стену, но я не решалась: придётся как минимум потратить пятнадцать тысяч, что съест хорошую часть бюджета. Был вариант взять в кредит, но я никогда в такое не влезала, боялась, что потом не смогу отдать. Возможно, на день рождения я позволю себе такой подарок, но это не точно.

Запиликал телефон, который лежал рядом, я поспешила открыть мессенджер. Оказалось, Ратхор записал голосовое сообщение.

«Здравствуй. С этого момента начинается твоя новая жизнь, Олеся. Первое задание. Ты будешь снимать на телефон всё, что делаешь в течение суток, потом отправлять мне. Я сейчас всё объясню».

Я тут же начала набирать сообщение: «Здравствуйте, господин Ратхор. Простите, у меня очень старый смартфон, на нём только одна камера, и она разбита».

«Я понял. Мы это решим. Завтра после работы заеду к тебе».

Я пожала плечами и не стала отвечать. Мне было непонятно, как Ратхор собрался решать проблему, но завтра я всё узнаю.

Телефон действительно был старый, его ещё в детском доме на Новый год подарили. Один из спонсоров обнаружил на своём складе старые модели смартфонов, которые уже десять лет не популярны и практически нигде не продавались. Мужчине пришла мысль раздать их детдомовским детям на праздник, вместо того, чтобы выкинуть. Мне повезло, гаджет был надёжный и за столько лет не сломался, хотя камера случайно разбилась и заряд уже больше пяти часов не держал. Приходилось часто заряжать, но опять же купить новый не получалось.

Вирадж

Я как раз планировал, что нужно купить для Олеси, когда она ответила на голосовое сообщение, что у неё сломана камера на телефоне. Пришлось включить ещё покупку гаджета в основные траты. Олеся могла заартачиться и не принять подарок, но я обязательно сделаю так, чтобы было как надо.

На следующий день я заехал в один из сотовых салонов. Задача была простая: купить надёжный смартфон, который несколько лет станет работать без сбоев. Я не собирался блистать перед девушкой щедростью и покупать что-то очень дорогое, такой подарок Олеся точно не примет, заподозрив подвох.

Накануне пришлось прочитать кучу отзывов о той или иной модели, чтобы найти подходящую вещь. У меня был айфон предпоследнего поколения, что соответствовало моему статусу. Можно отдать Олесе свой старый гаджет, но это виделось в каком-то негативном ключе. Всё, что я подарю девушке, должно принадлежать только ей, так она будет чувствовать себя комфортнее.

Без труда найдя нужную модель, я сразу купил её. Теперь можно навестить Олесю.

Девушка открыла дверь квартиры, но в этот раз улыбнулась, что порадовало. Мы поздоровались.

— Я уже поужинала, но ещё не пила чай. Будете пить со мной? — спросила Олеся с надеждой.

— Хорошо, я выпью с тобой чай. Возьми контейнер, его не обязательно возвращать. Моя служанка сделала ладду из фиников и орехов. Это натуральная сладость, которую часто едят в Индии вместо конфет.

Я достал из пакета контейнер, Олеся тут же поспешила поблагодарить и умчалась на кухню. За ней было забавно наблюдать. Девушка была открыта, эмоции били через край, сразу стало понятно, что она рада такой мелочи, как эти сладости. Мне впервые захотелось кого-то баловать, и это было неожиданно острое чувство.

Олеся

Я разлила чай по кружкам, потом открыла контейнер и поставила на середину стола. Мне было очень приятно, что обо мне ещё кто-то заботится, кроме Юры. Казалось практически нереальным, что это именно тот человек, которого я встретила тогда в странном клубе.

Просто попить чаю с тем, кого в офисе считали недосягаемым — уже победа. Я знала, если бы осмелилась рассказать кому-то об этом, мне бы не поверили и назвали лгуньей.

Ратхор зашёл на кухню, сел за стол, потом спросил вежливо:

— Ты всегда сидишь в том углу, спрятавшись за шторкой?

— Да, — коротко ответила я.

— Объясни мне мотивы своего поступка.

Я задумалась. Рассказала об этом только Юре, но тот ответил, что каждый волен делать так, как ему удобнее. Возможно, Ратхор сейчас посмеётся надо мной. И всё же я решилась на очередное откровение.

— Мне почему-то кажется, что кто-то увидит меня в окне и будет смеяться.

— Если это возможно, то не означает, что обязательно будет. Я сейчас не говорю, что ты должна пересесть на моё место, но сама понимаешь, теперь вместо тебя в окне виден я.

В голове тут же начали роиться мысли о том, что все соседи могут наблюдать: я принимаю у себя дома мужчину. Неожиданно Ратхор положил свои пальцы на мою ладонь, лежащую на столе.

— Сейчас твоё состояние выводит тебя в новый виток паники. Я даже догадываюсь, о чём ты подумала. Мы будем постепенно выстраивать твою новую связь с миром, помни, я всегда тебе в помощь.

Я отдёрнула руку, но вовсе не из отвращения, мне почудилось, что такой человек не должен прикасаться ко мне. Ратхор богатый, уверенный в себе мужчина, а напротив я, неуклюжая и трусливая. Чтобы как-то сгладить неловкий момент, начала пить чай и пробовать сладости.

— Это очень вкусно. Передайте вашей служанке мою благодарность, — искренне сказала я и даже улыбнулась.

— Ты любишь сладкое? — спросил Ратхор.

— Очень. Иногда хочется даже ночью встать и положить в рот конфетку.

— Здесь нет сахара, что очень ценно. Финики сами по себе сладкие. Маленький совет: купи сухофруктов, но не компотную смесь, а по отдельности. Положи их в вазочку совсем немного, чтобы не засохли, будешь вставать ночью и съедать парочку, если захочешь сладкого.

— Как я сама до этого не додумалась? — изумилась я.

— Можно посмотреть на твой телефон? — Я подала свой старенький гаджет с поцарапанным экраном.

— Как он у тебя ещё работает?

— Плохо, но работает. Я хочу купить новый, но сейчас всё так дорого. С нормальными функциями меньше пятнадцати тысяч не стоит, — вздохнула я.

Ратхор встал и вскоре вернулся с коробочкой в руках.

— Это твой новый гаджет.

Я взяла в руки телефон, и пару секунд пялилась на изображение на коробке. Не так давно снова просматривала гаджеты в интернете, в надежде что-то приобрести, такая модель стоила примерно двадцать тысяч.

— Это уже слишком. Я не могу принимать такие подарки. У меня ощущение, что вы меня покупаете. Что я буду должна взамен? — нервно спросила я.

— Ничего не должна. Это не подарок, а средство общения со мной. Я обеспечиваю себе доступ к тебе двадцать четыре часа в сутки. Это как выдача униформы от предприятия. Так, понятно? Твоя задача — перенести всё со старого смартфона сюда. С двадцати двух часов до шести утра ты сделаешь так, чтобы был включён режим «не беспокоить». Оставь только меня и Юру в исключениях, чтобы мы всегда могли до тебя дозвониться.

— Хорошо, я сделаю. Вы что-то говорили о фотографиях вчера.

— Завтра ты будешь посылать мне фотоотчёт, как проводишь день. Фотографируй себя в зеркале ванной. Блюдо, которое ешь на завтрак. Потом каждый час по одной фотографии. И перед сном фото у кровати, когда уже ложишься.

Я закусила губу, думая над сказанным.

— Не переживай, интимные снимки мне слать не надо, но если тебе очень хочется… — начал Ратхор.

— Не хочется, я не настолько идиотка, — перебила я.

Мужчина снова сидел на стуле, и на его колени запрыгнул кот.

— Вася, ты сейчас оставишь на дорогой одежде кучу своей шерсти, — я потянулась забрать любимца, но мои пальцы наткнулись на ладони Ратхора. — Простите.

Опустила голову виновато, прикасаться к этому мужчине казалось чем-то запретным.

— Ничего страшного, я люблю животных, — Ратхор спокойно поглаживал Васю, а тот принялся громко урчать. — Давай договоримся, с этого момента ты перестанешь передо мной извиняться, пока я не попрошу. А теперь мне пора домой. Спасибо за прекрасно проведённое время, Олеся. Не забудь, пожалуйста, о фотографиях, я их буду ждать. Включи функцию отображения на снимке даты и времени.

Я проводила гостя и пошла разбираться с новеньким смартфоном. Мне не давала покоя мысль: почему мой мастер решил вот так заботиться обо мне и тратить свои деньги? Всё, что он говорил, было логично, но где-то в глубине души виделся подвох. И всё же я была счастлива получить новенький телефон.

Глава 25

Вирадж

Я сидел в гостиной своего дома и смотрел на фото Олеси ещё раз. Бегло просматривал снимки, когда девушка их присылала, но теперь стоило рассмотреть внимательнее, ведь пришло последнее сообщение с пожеланием доброй ночи.

Я ответил и начал листать сообщения по порядку. Вот Олеся в ванной, она сфотографировала себя в зеркале. Тут она кормит кота. На другом снимке — яичница с молоком. В течение дня тоже приходили фото, но ничего интересного: просто экран компьютера. Только в обед Олеся запечатлела контейнер с едой, вернее, пластиковую упаковку быстрозавариваемой лапши.

Вечером девушка ела картофельное пюре и котлету, по цвету которой сразу видно — мясом там почти не пахнет. Дальше снимок ноутбука, где она смотрит какой-то азиатский фильм. Последний снимок в зеркале шкафа. Олеся стоит в тёмно-синей пижаме. Несмотря на лето, рубаха была с длинным рукавом, да и штаны до щиколоток. Сразу видно, что вещь давно ношенная.

Я много читал о тревожниках и знал, что такие люди не спят голыми: одежда для них как кокон, из которого они не хотят выбираться. У меня мелькнула мысль, что это хорошая идея для наказания, оставить Олесю спать голой.

Пора отдыхать. Я выключил телефон и пошёл в спальню. В отличие от своей подопечной, я всегда спал голый, так было комфортно, даже зимой. Служанка заходила в жилые комнаты, чтобы убраться, но только в моё отсутствие. Кедар — когда я позову.

Олеся

Я легла спать, но мысли не давали покоя. Зачем Ратхор попросил фотоотчёт? Что он хочет узнать из этих снимков? Моя жизнь была настолько скучной, и я не думала, что ею кто-то может заинтересоваться.

Мне было немного стыдно отправлять свой скудный обед, состоящий из дошика. Другие сотрудники ходили в кафе рядом с офисом, там подавали дешёвые бизнес-ланчи. Я не могла сидеть в таком людном месте и ещё экономила деньги. На зиму планировала купить сапоги вместо прохудившихся, а ещё куртка начала рваться по шву, окончательно приходя в негодность. На это нужно подкопить денег. Сейчас всё так дорого, хорошая зимняя вещь стоила как минимум тысяч шесть.

Юра давно предлагал мне найти более денежную работу. Я и сама это понимала. У нас на фирме я не самый высокооплачиваемый сотрудник, но привыкла к коллективу и никуда не собиралась.

Всё же мне удалось уснуть, а утром я проснулась разбитой. Как только прозвенел будильник, пришло сообщение, я поспешила его открыть.

— Доброе утро, Олеся. Твоё задание на сегодня. Рядом с офисом есть кафе, после работы зайди туда, купи себе кофе, сядь за столик и медленно выпей. Пришли мне фотографии. На сообщение можно ответить только стоп-словом.

У меня даже руки задрожали, не подумала, что Ратхор попросит о таком. Я не могла пить кофе в людном месте. На меня все будут пялиться, смеяться про себя. Ратхор просто не мог такого попросить, но он сделал это.

Я написала в ответ: «Красный», — потом стёрла слово. Задание было простым, и любой дурак его выполнит. Если я откажусь, то мастер подумает, что я трусиха. Вдруг он потом не захочет со мной иметь дело и расторгнет контракт?

Поднялась с кровати, сунула ноги в тапки и потопала умываться. Размышляла о том, что всё же страшнее: показаться трусихой перед Ратхором или пить кофе на людях? И то и другое

было невыносимо почти в равной степени, и всё же я выбрала второй вариант. Я быстренько закажу напиток, залпом выпью его и уйду, не забыв послать фотографию.

Задуманное не получилось. Ратхор прислал сообщение к концу рабочего дня: «Не филонь. Ты должна заказать кофе, сесть за столик и сидеть там как минимум пять минут. Пришли фото, как сядешь за стол, а потом, когда будешь уходить».

Я даже побледнела от шока. Я не смогу, не выдержу.

— Что-то случилось? — к моему столу подошёл начальник.

— Ничего такого, голова немного заболела, — поспешила ответить я.

— Тогда идём домой. Ты сегодня хорошо потрудилась, я бы не справился без твоей помощи.

— Спасибо, Михаил Дмитриевич, — я постаралась улыбнуться.

Выключила компьютер и вслед за шефом пошла на выход. Была ещё одна возможность написать стоп-слово, но я этого не сделала. Опять пришла мысль, что если я не буду выполнять задания, от меня откажутся. Пока в том, что просил Ратхор, не было ничего такого, все люди ходят в кафе.

За стойкой стояла красивая девушка в белой блузке и чёрной юбке. Я подошла к ней на дрожащих ногах и промямлила:

— Здравствуйте. Кофе, пожалуйста. Я сразу заплачу.

— Добрый вечер. Латте, эспрессо, чёрный без сахара… — начала перечислять девушка.

— С сахаром и молоком, — перебила я.

— Двести рублей. Займите столик, вам принесут.

Я рассчиталась картой и поспешила забиться в самый дальний угол зала. Отослала селфи Ратхору и молилась про себя, чтобы побыстрее принесли мой напиток.

В это время в кафе было не так много народу, люди болтали между собой, но вот одна из девушек с соседнего столика глянула на меня, и меня едва не затрясло. Спас официант, который принёс мой кофе. Пришлось пить, хотя пальцы дрожали и норовили уронить крошечную чашечку.

«Кто придумал подавать кофе в посуде на два глотка?» — подумала я, и эта мысль, как ни странно, успокоила.

Напиток был вкусный, это стоило отметить. Я отослала фото и зачем-то написала об этом.

«Я рад, что тебе понравилось», — пришёл быстрый ответ.

На душе разлилось тепло, пошла на выход уже более уверенно. Я смогла, выполнила задание, которое для многих показалось бы плёвым делом. Для меня это был подвиг, и я надеялась, что больше таких заданий не будет.

Глава 26

Я удивилась: Ратхор прислал мне денег на банковскую карту и заявил, что это расходы на такси. Сегодня была суббота, и я должна приехать на первую сессию в его особняк к трём часам дня. Волновалась, когда ехала, но это всё же лучше, чем тащиться через весь город на автобусе. Если Ратхор хочет тратить на моё передвижение деньги, пусть будет так, я приму это.

Оказалось, мастер живёт в элитном коттеджном посёлке. Дом скрывался за высоким забором, было видно только крышу. Я позвонила в домофон, думая, что сейчас отзовётся охрана, но мне просто открыли. Никто не кинулся проверять меня или провожать, двор был пустой, за исключением собаки, которая бесновалась в вольере при виде незнакомца.

— Рольфо, свои! — крикнул Ратхор, выйдя на крыльцо.

— Добрый день, господин Ратхор, — я поздоровалась, озираясь вокруг.

Впереди дома немного места, скорее всего, всё интересное за ним. Мне стало любопытно, проведёт ли мне хозяин экскурсию.

— Добрый день. Прошу в дом. Ты выполнила всё, что я просил? — Ратхор открыл дверь.

— Да, — коротко ответила я.

Меня просили помыться перед отъездом и потом использовать дезодорант без запаха. Пришлось купить именно такой, чтобы всё было как надо.

— Отлично. Вот твои тапочки. Телефон выключи, пожалуйста, и оставь на полочке вот тут.

Ратхор подал обувь, а сам стоял босиком. Я переобулась и пялилась на хозяина дома. Он был одет в свободные хлопковые брюки и тунику, доходящую до середины бёдра. Такой наряд я видела в индийском кино и сразу поняла, что дома мой мастер предпочитает ходить как в Индии.

— Здесь уборная, я жду за дверью, — спокойно сказал Ратхор.

Я увидела, что санузел тут совмещённый, вместо ванной — современная душевая кабина с сенсорным дисплеем. Сантехника была дорогой, но в то же время никакого китча не наблюдалось. Мыло лилось из дозатора, прикреплённого к стене, я быстро вымыла руки и вышла.

— А где ваши слуги? Почему дома так тихо? — решилась спросить я.

— Как и у других людей, у них в субботу и воскресенье выходной. Сзади особняка есть маленький гостевой домик, Дивья и Кедар живут там. Служанка в пятницу готовит мне еду на два дня, а я потом разогреваю, — ответил Ратхор. — Идём в комнату для гостей.

Я направилась за хозяином дома, посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. Мне удалось заглянуть в двери кухни и столовой. Потом мы попали в просторную гостиную.

У стены стоял диван буквой «П», рядом расположился журнальный столик. На противоположной стороне висел огромный телевизор. По углам комнаты колонки. У окна стояло кресло. Интерьер был смешением современного и индийского стиля, это настолько великолепно смотрелось, что дух захватывало.

— Олеся, сегодня наша первая настоящая игра, и я хочу, чтобы ты погрузилась в неё полностью. Ты должна оставить всё за пределами этого дома: свою старую жизнь, свою тревогу. Сегодня ничего страшного не будет, просто что-то наподобие медитации, чтобы ты смогла выкинуть лишние мысли из головы. Подойди к дивану, там лежит одежда для тебя, она только для игр. Пока ты переодеваешься, я отвернусь.

Я подошла к дивану, взяла в руки рубаху, она была почти такая же, как у Ратхора, только меньшего размера и другого цвета. У мастера была белая, мне досталась серая. Длинные рукава, неглубокий вырез. Ткань качественная и очень дорогая.

— Это не слишком? — спросила я.

— Олеся, тебе не нужно задумываться над тем, что, где и как я покупаю для тебя. Если я это сделал, значит, так будет лучше в первую очередь тебе. Ты же хочешь, чтобы ничего не напоминало о прошлом или о времени, проведённом в офисе или дома?

— Хочу.

— Тогда переодевайся.

Я увидела, что Ратхор подошёл к окну и стал смотреть на улицу, поспешила переодеться, пока меня не видят. Неожиданно мужчина закрыл шторы, в комнате воцарился полумрак.

— Ты готова, мне можно повернуться? — спросил мастер.

— Можно.

— Хорошо. Тогда вставай на середину комнаты в позу подчинения, как мы учили у тебя дома.

На душе присутствовала некая паника. Вроде ничего страшного не происходило, но я боялась ошибиться, не оправдать ожидания мастера. И всё же я встала и принялась смотреть себе под ноги.

— Успокойся, ты дрожишь. Всё хорошо, я здесь не для того, чтобы оценить тебя и высказать своё недовольство. Я для того, чтобы поддержать тебя. Помни, ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью с любыми проблемами. Здесь, в этой комнате, у тебя другая одежда, как часть новой тебя. Здесь не будет боли, потому что я готов подарить тебе своё тепло, но ты должна его принять. Я хочу знать, ты примешь мою помощь?

— Да.

— Тогда сними обувь, подойди к дивану и сядь на пол напротив журнального столика, на один из ковриков. Откинься спиной на диван. Сядь так, чтобы тебе было удобно.

Я послушалась и стала наблюдать за Ратхором: он зажёг толстую свечу на столе, а потом маленькие кусочки чего-то в красивой чаше. Через несколько минут мужчина сел рядом на второй коврик.

— Положи руки на колени, как я. Теперь смотри на свечу.

Комната наполнилась каким-то вкусным ароматом, из колонок полилась музыка.

— Дыши ровнее. Контролируй дыхание, Олеся. Давай вместе. Вдох… Выдох… Вдох… Выдох. Смотри на свечу, слушай музыку, погружайся в её глубину. Представь, что в пламени этой свечи сгорает твоё прошлое, горит всё, что было с тобой плохого, теперь остаётся только хорошее. Вспомни тепло маминых рук, оно и сейчас с тобой, просто ты спрятала это глубоко в сердце. Если будет плохо, можешь плакать. Если станет совсем невыносимо, сожми мою руку.

Я начала представлять, что действительно сжигаю своё прошлое, видела мысленно, как приёмные родители издеваются надо мной, пожелала им гореть в аду. Неожиданно на щёки скользнули слёзы.

— Не думай сейчас ни о чём плохом, ты здесь, со мной. Ты сжигаешь в пламени своё плохое прошлое, его больше нет, Олеся, есть только я и ты в этой комнате. Ты нужна мне. «Если ты возьмёшь меня за руку, прошу, вытащи меня из темноты и вновь зажги огонёк надежды»… Так поётся в этой песне. Возьми меня за руку, Олеся, почувствуй моё тепло. Я готов тебе помочь, если ты доверишься мне.

Осторожно положила свои пальцы на ладонь Ратхора, а он переплёл их вместе со своими. Вспомнились родители, как они меня любили. Мама пела колыбельные красивым голосом. У певца тоже был красивый голос, я не изучала английский, поэтому не понимала слов, но это уже неважно.

Слёзы текли по щекам сильнее, я внезапно почувствовала, как становится легче. Меня не осудили, поняли и приняли. Никто не стал говорить: «Ты же взрослая, чего ноешь как маленькая?» Голос Ратхора звучал в полутьме мягко, без тени власти, он как будто успокаивал.

— Почувствуй моё тепло и поддержку, Олеся, я готов дать тебе всё, что только смогу. Я готов помочь тебе на этом трудном пути. Запомни, ты мне нужна. Нужен ли я тебе, это должна решить только ты.

— Нужны, очень, — неожиданно всхлипнула я.

— Иди сюда, всё хорошо, — Ратхор притянул меня к себе и обнял.

Впервые в жизни я не отстранилась в испуге, захотелось напитаться теплом этого мужчины на годы вперёд, чтобы запомнить навсегда. Паника снова подняла голову, показалось, что Ратхор совсем скоро наиграется и бросит. От этих мыслей меня даже немного затрясло.

— Тише, успокойся, я рядом. Я тебя не брошу, потому что ты мера. Ты лучшая, та, кто мне нужна, помни об этом всегда.

— Что означает это слово? — спросила я.

— Моя. Оно произносится с чуть тянущейся буквой «е».

— А почему я вам нужна?

— Ты скоро всё узнаешь, а сейчас мы пойдём пить чай. Тебе лучше?

— Да, такое впечатление, что часть груза с души упала. Я вспомнила маму.

— Помни всегда, родители рано или поздно уходят от нас, но мы можем сохранить их в своём сердце. А ещё они оберегают нас с небес, становятся нашими ангелами-хранителями. Идём пить чай, но сначала умоешься. Мы просидели с тобой полчаса.

Ратхор встал первым и подал руку. Я приняла помощь. Почему я не оттолкнула? Почему сидела в объятиях этого мужчины? Хотя в этом ничего такого не было, мастер просто утешал, он не приставал ко мне в интимном плане. И всё же даже с Юрой я старалась по-дружески не обниматься. Что же случилось сейчас?

Глава 27

Вирадж

Я завтракал и ещё раз вспомнил, как вчера сидел с Олесей в гостиной. Девушка сделала огромный шаг навстречу, она не только держала меня за руку, но и позволила себя обнять.

Мне захотелось большего: наклониться и начать целовать такое красивое, но заплаканное лицо. Я не мог этого допустить, было рано шокировать девушку этим.

После мы разговаривали за чашкой ароматного индийского чая. Мне удалось уговорить Олесю взять десять тысяч на расходы, ведь сюда нужно ездить на такси, а ещё некоторые задания будут предполагать трату денег. Нужно дать больше, но Олеся не поняла бы, она и эти деньги с трудом приняла.

Я и сам не знал, почему мне хотелось баловать девушку. Делать из неё содержанку тоже не стоило, но зарплата простого айтишника невелика. Впрочем, фирма прочно встала на ноги, и я уже рассматривал повышение оклада всем сотрудникам — от офисных служащих до строителей.

После завтрака переоделся в спортивные шорты и майку, выбежал на улицу. Спорт — обязательный элемент моей жизни, так было всегда, так будет впредь. Почему-то вспомнилось, как отец приучал меня с самого раннего детства к утренним пробежкам. Мы вместе выходили во двор нашего дома и бегали вокруг него несколько раз. С каждым годом отец увеличивал нагрузку и не просто давал команду, а бежал рядом.

Мне стало немного грустно, теперь я бегал без него. Родители отвернулись, когда узнали правду о моей истинной натуре. Тут уже ничего не поделаешь, я не мог в угоду родне прожить не свою, чужую жизнь.

Только после пробежки был душ, а затем молитва. В выходные привычный ритуал будней нарушался, да и вставал я гораздо позже. В восемь утра шёл умываться, дольше спать всё равно не получалось.

***

Зашёл в библиотеку, было одиннадцать утра. Стоило заняться хобби. Олеся рисовала, я собирал модели кораблей. Кропотливая, практически медитативная работа — склеивать одну маленькую деталь с другой. Всё нужно сделать аккуратно, с филигранной точностью, как я и любил.

Библиотека представляла собой просторное помещение. По одной стене были стеллажи с книгами, по другой — с моделями, которые я успел собрать здесь, в России. У окна расположились стол и удобное кресло. Новенькая коробочка с моделью парусного корабля «Чёрная жемчужина».

Две тысячи деталей, на сборку уйдёт месяца три, и только потому, что я уже профессионал в этом хобби. Обшивка корпуса — на неё нужно много времени. Каждую планку следовало распарить, согнуть по форме, подогнать и приклеить. Ошибки здесь привели бы к кривому кораблю, а этого я допустить никак не мог.

Из колонок зазвучала красивая индийская мелодия, медленная и чарующая. Голос певицы завораживал своей красотой. Я сел за стол, открыл коробку и тронул пальцами детали. Сегодня я начну творить и наслаждаться этим.

Олеся

Я металась по кровати, мне снился сон. Снова была в объятиях какого-то человека. Меня трогали везде, где только хотели, я стонала в ответ. Лица не видно, и это пугало меня больше всего. Мне становилось жутко оттого, что я не вижу своего партнёра, но млею в его руках.

— Ты мера, Олеся, это означает «моя», — вдруг послышался знакомый голос с акцентом, и я проснулась.

На лбу выступила испарина, тело налилось пугающей негой. Я вскочила с кровати и побежала в душ, знала, что холод всегда помогает. Мне было стыдно до ужаса, вспомнилось, как смеялись над одной девушкой в детском доме. Её застали в душе за тем, как она себя ласкала. Мне было шестнадцать, а той девушке на год больше. Мы просто пошли вчетвером помыться и услышали странные звуки в одной кабинке, жаль, что они не запирались. Галя открыла дверь, и все увидели, как девушка стоит под струями воды и... Раздался дикий гогот, как только ту девушку не обзывали. Вмешалась одна из старшеклассниц, приказала прекратить балаган и никому не говорить об увиденном.

Потом, когда мы с Юрой болтали наедине на эту тему, друг сказал, что в поведении девушки ничего такого нет. Она почти взрослая, ей можно. И всё равно в моё сознание намертво врезалось то, что это стыдно.

Я решила: ни за что не расскажу об этом опыте Ратхору и уж тем более промолчу, что мне снятся интимные сны. А пока я несколько минут стояла под холодной водой и только потом прибавила температуру, решив помыться.

После завтрака мне захотелось рисовать. Я села за альбом и неожиданно вспомнила слова учителя.

— У тебя прекрасные рисунки, Олеся. Если ты будешь поступать в художественный институт, тебя примут. Подумай над этим.

Я думала, но в итоге решила, что это не мой путь, я больше тяготела к компьютерам, к программам и алгоритмам. Можно пойти в колледж, там учёба занимает меньше времени, чем в институте. Рисование — просто хобби, так всегда было и будет.

И всё же мне было спокойнее, когда я рисовала, я часто выбирала музыку под настроение и садилась за альбом.

Надела головные наушники, полностью отгораживаясь от внешнего мира, включила на ноутбуке французского певца Флорана Паньи. В школе я изучала именно этот язык. Я не старалась переводить слова, просто погружалась в песню, балдела от голоса певца. Это был мой тайный мир, куда я могла уйти и не чувствовать тревог. Оставалось загадкой, как Ратхор угадал это и решил включить красивую музыку на первой сессии.

Начала рисовать простым карандашом, погрузилась в музыку и только через какое-то время заметила, что рисую по памяти красивое лицо своего мастера. Вспомнилось, как мы сидели вчера в обнимку, как мужчина утешал меня и говорил, что я, Олеся, нужна ему.

«Здравствуй, Олеся. У тебя всё хорошо?» — прочитала я в мессенджере.

На сердце тут же разлилось тепло, мастер не забыл обо мне, интересуется, как дела.

«Здравствуйте. Всё хорошо. Я рисую».

«Покажешь потом рисунок? Это не приказ, а чистое любопытство».

«Не покажу», — ответила я и только когда отправила, подумала, что это может показаться грубым.

«Твоё право. Рисуй, я не буду отвлекать».

Я не стала отвечать, вздохнула и принялась заканчивать работу.

Глава 28

Каждое задание было сложнее другого: полчаса посидеть на лавочке во дворе, приехать на набережную после работы и сорок минут гулять, делая каждые десять минут селфи. Фотоотчёт непременно отправлялся Ратхору.

Легче всего первое задание: я купила билет на вечерний сеанс в кинотеатр, но там я сидела на последнем ряду. Народу было немного, все пялились в экран, а на меня никто не смотрел. С остальным было сложнее, я чувствовала себя неуютно среди людей, которые прогуливались по набережной. Мне казалось, что вот-вот кто-то начнёт смеяться надо мной. Приходилось через не хочу выполнять задания, но когда я отправляла последнее фото, мастер всегда записывал голосовое сообщение и говорил, что я молодец, справилась со всем. От таких слов становилось легко на душе, меня хвалили так, будто я сделала что-то грандиозное.

Два раза после работы Ратхор приезжал ко мне, но не для того, чтобы провести сессию, мы просто разговаривали. Я рассказывала, что из заданий было тяжелее всего, потом сравнивала это с чем-то из прошлого. Снова приходилось вспоминать детский дом и приёмную семью, но после этих бесед становилось лучше. Ратхор не просто слушал, мог потом разложить ситуацию по полочкам и дать совет.

Всё казалось таким логичным, иногда до банальности простым. Я не понимала, как сама до этого не додумалась, впрочем, с моей паникой и постоянными тревожными мыслями это трудно. Теперь общение с Ратхором виделось как благо: он не оставит, выслушает, поможет советом, сделает так, чтобы моя жизнь ещё немного улучшилась.

Сегодня задание не брать с собой обед, а сходить с коллегами в кафе. Я дрожащим голосом объявила начальнику, что хочу с ним.

— Отлично, сядем тогда за один столик. Завтра Виктор из отпуска выходит. Ты помнишь, что твой начинается в понедельник. Кстати, сегодня начальникам написали по корпоративному мессенджеру, что с первого числа всем сотрудникам оклад повышают. Вот, доношу до тебя радостную весть, — улыбнулся Данилов.

— Это действительно круто. Сколько мы будем получать?

— Там у всех одинаково по пять тысяч добавят. Что-то из этого съест налог, разумеется.

Я улыбнулась, смогу накопить на хорошую одежду к зиме, потом начну собирать на телевизор, телефон у меня теперь есть.

В кафе было шумно. Там работали по принципу раздачи, люди встали в очередь, чтобы получить свою порцию бизнес-ланча, кто-то брал себе блюда, не входящие в это. Я стояла рядом с начальником и ёжилась от страха. Не уйти в панику было трудно. Народ обсуждал повышение оклада, все радовались.

Данилов расплатился за свою еду и пошёл с подносом за столик. Я поспешила за ним, едва приложив карту к кассовому аппарату. Повезло, был свободный стол в дальнем углу зала, и начальник додумался занять именно его.

— Спасибо, что сели тут, — искренне поблагодарила я.

— Ты молодец, что решила выбраться сюда. Нужно постепенно приучать себя к нахождению в обществе. Я понимаю, это тяжело, но со временем станет легче. Олеся, ты уже сделала большой шаг, посетив кафе. Не сдавайся, всё будет хорошо, — подбодрил начальник. — Смотри, Ратхор сегодня здесь. Он никогда не обедал в кафе.

Я посмотрела в ту сторону, куда кивнул Данилов. Хозяин фирмы действительно кушал за одним из столиков, а рядом с ним его водитель. Ратхор глянул в нашу сторону, и я быстро отвела глаза. Мне стало понятно, почему на этот раз не потребовалось фотографий: мастер сам пришёл проверить, как я выполняю задание.

Я стала кушать, стараясь не думать о Ратхоре, но не выходило, ведь завтра у нас вторая игра. Интересно, какая она будет?

***

Я снова приехала в особняк мастера. Он, как и в прошлый раз, встретил на крыльце. Слуги сидели в своём домике или вообще уехали. Мне хотелось спросить об этом, но я постеснялась, поздоровалась с мастером и пошла в дом.

— Сначала мыть руки и лицо, потом иди в зал, переодевайся и вставай в позу подчинения, я приду через несколько минут, — скомандовал Ратхор.

Я поспешила всё выполнить и вскоре стояла посреди комнаты, глядя себе под ноги. Ратхор зашёл очень тихо, так как ходил по дому босиком, потом он обошёл меня по кругу.

— Поза неидеальная, ты горбишься. Спину выпрями, плечи шире.

Я попыталась исправиться, но получилось плохо, потому что мужчина дотронулся до меня, стал сам поправлять. Я отшатнулась. Да, мы обнимались в прошлый раз, но это было в тот момент, когда я остро нуждалась в утешении. Теперь всё по-другому, привычный страх снова поднял голову, меня затрясло.

— Ты провалила контрольную точку, — сказал Ратхор без эмоций. — Мои правила дают тебе стабильность, а ты позволила тревоге взять верх. Значит, правил недостаточно. Нужен следующий уровень.

— Какой? — едва слышно спросила я.

— Уровень, где твоё тело учится слушаться так же, как твой ум. Где физическое подчинение гасит ментальный хаос. Это решит твою проблему с паникой. Я буду прикасаться к тебе через одежду, а потом и без неё. Ты учишься не вздрагивать при каждом моём касании.

Я замерла от неожиданности, никак не ожидала такого поворота событий. В голове сразу начали роиться мысли: от «уйти и больше не возвращаться сюда никогда» до «полностью подчиниться».

— Если ты хочешь остаться в прежнем хаосе, можешь уйти. Дверь открыта, я тебя не держу, но тогда мы возвращаемся к сухим рабочим отношениям. Ты будешь справляться со своим адом сама. Если ты доверяешь моему руководству и хочешь идти дальше со мной, встань на колени.

Мысли метались в моей голове сильнее. Мне было страшно подчиниться и позволить, чтобы кто-то посторонний трогал моё тело, особенно голое, но если подумать над ситуацией, то жутко было остаться одной. Я поняла, что с контролем и приказами Ратхора легче жить. Не приходится долго думать над ситуацией, решаться сделать что-то: мастер отдаёт распоряжение, я выполняю его, скидывая с себя груз ответственности за принятие решения. Несколько раз я спрашивала совета, и мне подсказывали, как поступить. Ратхор всегда говорил, что в любой ситуации можно обратиться за помощью, и сейчас потерять эту помощь было страшнее всего.

— Ты можешь уйти, Олеся, это твоё право. Запомни, я никогда никого не держу рядом с собой насильно. Иди, двери открыты, — голос Ратхора снова был спокойным, без каких-либо ноток злости или раздражения.

Слова резали не хуже ножа по телу. Неужели мастер откажется от меня? Как же так, я не смогу жить без него, только не теперь, когда почувствовала облегчение.

Я медленно опустилась на колени, принимая свою дальнейшую судьбу.

Вирадж взял атласную красную ленту и подошёл ко мне.

— Когда у человека завязаны глаза, обостряются другие органы чувств. Я хочу, чтобы ты сосредоточилась только на моих прикосновениях и командах.

— Не надо, господин Ратхор, — снова запаниковала я.

— Если страшно, скажи стоп-слово, — Вирадж наклонился и прошептал это над моим ухом.

Я промолчала. Виражд завязал мне глаза, потом встал сзади меня на колени. Я почувствовала, как руки Ратхора легли на мои предплечья и застыли. Мне хотелось отстраниться, но я лишь слабо дёрнулась.

— Тихо, не паникуй. Ничего плохого не происходит. Дыши ровно, медленно. Давай я буду дышать шумно, а ты повторяй за мной. Сосредоточься на дыхании, как будто это самое важное, — слова прозвучали очень близко.

Я поняла, Ратхор прямо за моей спиной, похоже, он тоже встал на колени. Волосы на макушке шевелило его дыхание. Пришлось с трудом успокаиваться, выравнивать дыхание, ориентируясь на мастера. Только когда я пришла в относительную норму, руки Ратхора поехали вниз, медленно, но верно приближаясь к ладоням.

— Давай соединим ладони в замок и посидим так немного. Почувствуй мою поддержку и тепло, Олеся. Со мной ты в безопасности, я тебе обещаю, — теперь голос был ласковый, манящий, заставляющий подчиниться на каком-то другом уровне.

Это был не приказ, а просьба, соединённая чем-то непонятным для меня. Я подчинилась, но для того чтобы осуществить задуманное, Ратхору пришлось встать вплотную ко мне. Ладони соединились, а потом мастер поднял наши руки и скрестил на груди. Получалось, он прижимает меня к себе и обнимает. Я почувствовала спиной чужое тело и начала вырываться.

— Тихо, успокойся, я не буду тебя сегодня раздевать, мы просто посидим так. Всё хорошо, дыши ровно, помни, что я не хочу тебе навредить. Дыши вместе со мной. Ты лучшая, Олеся, ты мне нужна.

Снова этот ласковый манящий голос, он словно вводил в транс. Мастер продолжал что-то говорить, а я и сама не заметила, как постепенно расслабилась. Пришло понимание, что это вовсе не страшно, наоборот, приносит некую негу. Я впервые ощутила, что кто-то хочет меня обнять, а не оттолкнуть. Я кому-то нужна, а не только самой себе. Решила плыть по течению своей судьбы, ведь будет гораздо хуже, если лишиться поддержки Ратхора. Я больше не хотела в мир хаоса и боли, жаждала тепла рук и понимания. Сама не поняла, сколько мы так просидели, прежде чем мастер произнёс:

— Ты справилась, молодец. Дальше будет легче. Идём пить чай с булочками. Я сегодня попросил Дивью испечь их для нас, — мастер отстранился.

— Спасибо, мне стало легче, — ответила я, когда мне развязали глаза.

— Со мной просто не будет. Каждое задание становится труднее. Мы попьём чай, а потом сядем и обговорим сегодняшнюю ситуацию, это очень важно.

Я кивнула и встала. Не готова рассказывать о пережитом опыте, но знала, что отказаться не могу, как не могу потерять этого прекрасного человека.

Глава 29

Вирадж

Я поинтересовался в отделе кадров, когда Олеся уходит в отпуск, посмотрел свои дела, оказалось, что у меня ничего важного не намечается, с остальным мог справиться заместитель. С тех пор как я приехал в Россию, я ни разу нормально не отдыхал. Только в майские и новогодние праздники удавалось расслабиться. Отпуск я не мог себе позволить, потому что нужно было удостовериться, что компания прочно стоит на ногах.

Теперь можно планировать отдых, я обязательно куда-нибудь уеду на пару дней или на неделю, но при этом захвачу с собой Олесю. Пока стоило подготовить её к этому, чтобы всё было хорошо.

Девушка приехала на очередную сессию в субботу. Мялась в прихожей, нервничала.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Я просто не привела себя в порядок. Так стыдно, — Олеся потупила взор.

— Давай поговорим об этом. Расскажи, что случилось.

Олеся втиснулась в тапочки и ответила с грустью:

— Ночью крупная авария произошла возле наших новостроек. Дома остались без горячей и холодной воды. Сейчас раскопали там, где трубы прорвало, говорят, что ещё и не в одном месте утечка, поэтому чинить будут минимум два дня, если не три. У меня в чайнике было немного воды, кофе выпила с бутербродами. На обратном пути от вас куплю питьевой воды, хотя обещали подвоз на машинах.

Я обрадовался такому стечению обстоятельств, но на лице даже тени улыбки не появилось. Посмотрел на Олесю со всей серьёзностью и сказал:

— Я сейчас дам тебе полотенце, ты сходишь в душ.

— Неудобно, — Олеся округлила глаза.

— Ты помнишь, о чём мы с тобой говорили раньше? Ты рассказываешь мне о своих проблемах, я пробую их решить. Идём в ванную.

Я пошёл вперёд, Олеся потопала за мной. На полочке в душевой кабине было всё, что ей понадобится.

— Давай превратим это в маленькую сессию. Я мог бы дать тебе чистую губку для посуды, она подошла бы в качестве временной мочалки, но ты будешь мыться без неё. Твоя задача — медленно проводить мыльными руками по телу. Вот синее полотенце, оно всегда теперь будет твоим. Я сейчас принесу сюда одежду для сессии.

Я достал из шкафчика в углу чистое банное полотенце, потом повесил на свободный крючок на стене. Объяснив, как пользоваться навороченной душевой кабиной, ушёл.

Вскоре вернулся, принёс одежду для Олеси и не спешил уходить. Девушка стояла в кабинке спиной ко мне, не слышала ничего из-за журчания воды. Когда она выключила воду, то не обернулась, стала намыливать себя. Я сжал ладони в кулаки, чтобы не ринуться сейчас к ней. Мне захотелось зайти в кабинку и начать её мыть, перекатывать соски между скользкими от геля пальцами.

С тех пор как я решил забрать Олесю себе, у меня не было ни с кем секса. Ожидание близости было манящим, сладким и невыносимым одновременно.

«Успокойся, она будет твоей, осталось потерпеть немного», — приказал я себе.

Снова полилась вода, девушка стала смывать гель. Я развернулся и вышел, не хотелось, чтобы меня застали за подглядыванием. Пришлось сесть на диван в гостиной, прикрыть глаза и привести дыхание в норму, прогоняя рвущееся наружу возбуждение.

Вскоре Олеся появилась в комнате, её волосы были мокрыми и взъерошенными. Она положила телефон на стол, потом на край дивана свою одежду.

— Я не спросила, можно ли пользоваться расчёской. Своей у меня нет с собой, — нервно сказала девушка.

— Я приглажу твои волосы сам.

Подошёл к Олесе, запустил пятерню в её густую, светлую шевелюру и стал так расчёсывать, потом добавил вторую руку. Как же сладко было касаться любимого человека хотя бы так. Девушка покраснела, но не отстранилась.

— Зачем вы это делаете? — спросила она смущённо.

— Потому что мне это нравится. Позволь позаботиться о тебе, Олеся? Я делаю что-то страшное и неприятное? — спросил я.

— Да, то есть нет. Я запуталась, — промямлила девушка.

Олеся

Я на самом деле запуталась, видела, что мастер иногда смотрит на меня как-то по-особенному, это были мимолётные взгляды, и всё же я не совсем дура, чтобы не понять, что мужчина на постороннюю ему девушку так смотреть не должен. С другой стороны, ко мне не приставали. Все объятия были только в качестве утешения и поддержки.

Сейчас Ратхор касался моих волос, разглаживал их своими пальцами, и я к своему стыду, осознала, что это приятно.

— У тебя мягкие и податливые локоны. Напитавшись водой, они стали чуть темнее, но не утратили своей красоты.

— Это неправда, я не могу никому нравиться. Волосы у меня непослушные, вечно лохматые и… — я недоговорила и опустила голову.

Вирадж ухватил меня за подбородок и поднял голову.

— Ты не права, Олеся. Представь, что в картинной галерее висят красивые пейзажи, написанные маслом. Среди них затесался один жуткий абстракционизм с ломаными и непонятными линиями. Кто-то проходит мимо этой картины и презрительно фыркает, кто-то откровенно говорит, что работа мастера ужасна и вызывает отвращение, но находится человек, которому она нравится, и он её покупает. Посмотри на меня, Олеся, пожалуйста. Ты видишь в моих глазах отвращение к тебе?

Я распахнула веки и встретилась со взглядом Ратхора, в них светилось что-то похожее на обожание.

«Нет, я ошиблась, на меня не могут так смотреть. Не могут», — стало роиться в моей голове.

— Олеся, ты как та картина, которая выбивается из общей концепции выставки, но тебя просто не дорисовали, я сделаю это, обещаю.

— Зачем вы на меня так смотрите, это неправильно, — тихо произнесла я и отвела взгляд.

Сердце колотилось в груди, щёки окрасились румянцем стыда, даже уши горели. Всё же в глубине души было приятно, на меня ни один парень не смотрел так, как Ратхор сейчас.

— Я любуюсь тобой. Мне запрещено? — улыбнулся Ратхор и отстранился.

Я не знала, что ответить на это, почему-то боялась обидеть своего мастера.

— Ты сегодня остаёшься здесь и завтра тоже, это не обсуждается, — неожиданно заявил Ратхор. — Не переживай, у меня несколько гостевых спален, выберешь ту, что понравится.

— Как это остаюсь у вас? — я даже глаза выпучила от шока.

— Пока не починят трубы и не подадут воду в твою квартиру, ты будешь жить тут. Я знаю, что у тебя отпуск, тоже взял две недели выходных. Олеся, я обещал заботиться о тебе, это не моя блажь, всё прописано в контракте. После сессии позвонишь Юре и скажешь, что гостишь у меня. Не хочу, чтобы твой названый брат переживал за тебя и принялся искать. А теперь выключи, пожалуйста, телефон и встань посередине комнаты в позу подчинения, лицом к столику. Тапочки только сними.

Я выполнила приказ, постаралась взять себя в руки и не горбиться.

— Сегодня лучше, ты молодец, — Ратхор обошёл меня по кругу. — Я заметил, что ты привыкла горбиться немного. Будем потихоньку это исправлять. Твоя задача — стоять ровно и не шевелиться.

На этот раз мужчина снова поправил моё тело руками, я не дёрнулась, и сама себе удивилась.

— У меня есть книга, она не тяжёлая, но и не лёгкая. Положу тебе на голову, твоя задача — стоять так пять минут и не уронить.

— А что будет, если уроню? — спросила я нервно.

— Ничего не будет. Не получится сегодня, в следующий раз обязательно всё сделаешь.

Ратхор взял со столика книгу, положил мне на макушку, потом он достал из кармана брюк песочные часы и поставил на столик. Я смотрела на них, казалось, что песчинки сыплются очень медленно, но я старалась не шевелиться. Одновременно с этим на душе присутствовала некоторая решимость и желание угодить мастеру. Удивительно, но мне самой нравилось вот так подчиняться, слушать красивый голос мастера и выполнять всё, что он говорит.

Вирадж

Я смотрел на девушку и впервые видел живой взгляд, а не маску обученного до идеала саба. Олеся была уникальна тем, что не могла скрывать своих эмоций. Глаза лучились желанием подчиниться, было видно, что ей тоже нравится, когда отдают приказы, а она их может только исполнять, чтобы не ошибиться и угодить.

Последняя песчинка упала. Я снял книгу с головы девушки.

— Расслабься, ты сделала всё правильно. Я горжусь тобой, Олеся.

Глаза девушки вспыхнули радостью и тут же померкли. Мне стало понятно, что она сразу после радости погрузилась в самобичевание, будто её обманули и такого не может быть. Я много читал о людях с тревожным расстройством, чтобы понимать это.

— Ты действительно молодец, Олеся. Запомни одно и никогда не забывай. Что бы ни случилось, я никогда не буду тебе врать. От тебя требуется то же самое. Если тебе что-то не нравится, ты говоришь, не стоит ломать себя, угождая мне, это будет неправильно. Согласна со мной?

— Да, — Олеся улыбнулась кончиками губ.

— Отлично, тогда я сяду на диван и буду говорить тебе, в какую позу встать. Ты должна продержаться в ней пять минут, потом мы сменим положение тела. Поиграем в скульптуру, милая?

— Хорошо, — Олеся сразу согласилась, в этом не было ничего страшного.

— Сосредоточься на своём дыхании, постарайся выбросить ненужные мысли из головы. Ты моя идеальная скульптура.

Олеся

Не думать было тяжело, но всё же негативные мысли не посещали. Я выполняла задания, иногда не выдерживала и немного шевелилась, но мастер не кричал, не обзывал никчёмной. Я считала, сколько раз перевернулись песочные часы, вышло ровно десять раз. За это время я устала, но одновременно испытала некую негу.

— Иди сюда, моя хорошая, сядь рядом, откинься на спинку дивана. Расслабься. Расскажи мне, какая поза была самой сложной и почему. Не нужно оценивать себя с позиции, получилось или нет, только свои ощущения. Это твои первые шаги в моём мире, и пока всё великолепно.

«Моя хорошая», — сказал Ратхор, и это неожиданно согрело сердце, в ту же секунду паника подняла голову: я не должна радоваться таким словам от этого мужчины, это неправильно, между нами огромная социальная разница. Одновременно с этим поднялась волна протеста собственным мыслям: наконец, мне кто-то сказал приятное, я не косорукая и паршивая, как обзывала приёмная семья, я тоже имею право быть для кого-то хорошей.

— Олеся, успокойся, всё хорошо. Ты начинаешь нервничать. В моих словах нет какого-то подтекста, я просто хочу знать, что для тебя тяжелее всего и почему. Мне нужно скорректировать наши следующие шаги.

Я вздохнула и стала рассказывать. И вправду чего я так завелась? Ратхор назвал меня «моя хорошая» просто для того, чтобы приободрить. Не стоит придавать этим словам большого значения.

Глава 30

Я хотела переодеться в свою одежду, но Ратхор не разрешил.

— Вы же сами сказали, что этот костюм только для сессии? — удивилась я.

— А твои вещи уличные. В этом можно гулять и на работу. Я хотел отдать тебе позже, но раз такое дело, подарю сейчас. Заказал у друга одежду для тебя, вчера получил посылку, Дивья всё постирала. Пойдём для начала выберем спальню.

Я улыбнулась, мне очень хотелось посмотреть на другие комнаты. Ратхор провёл меня по всему дому, не показал только комнату для молитвы и библиотеку.

Я выбрала спальню, окна которой выходили на задний двор. Там была кровать, одна тумбочка и комод. Вместо платяного шкафа — стойка с вешалками. Журнальный столик и кресло у панорамного окна, одна створка которого отъезжала в сторону, можно было выйти на балкон. Ратхор спал в соседней комнате.

Пока хозяин дома отсутствовал, я повесила на плечики свою одежду и подошла к окну. Вид открывался великолепный. Оказалось, у Ратхора имеется бассейн и зона барбекю. По забору было несколько кустов с ягодами, даже яблоня. В глубине, у дальнего забора, стоял маленький гостевой домик.

Всё было таким ухоженным, красивым. Идеально подстриженный газон, чистейшая вода в бассейне, даже дорожка, выложенная тротуарным камнем. Я невольно подумала, что попала в сказку. А как иначе, ведь таких нищих, как я, могут пустить в этот дом только в качестве прислуги.

В комнату зашёл Ратхор, предварительно постучав.

— Вот твоя одежда для дома. Эти два комплекта из настоящего индийского хлопка, а пижама из кашемира.

— Спасибо. Это чудесный подарок, — я смутилась. — Костюмы как у вас, только другого цвета. Рубашка длинная, как туника.

— Всё как и положено. Это называется курта-пайджама. Её в Индии почти все носят. Дома предпочитаю ходить в этом, привычно и удобно. Переодевайся, потом приходи на кухню. Время обедать.

Ратхор ушёл, я быстро переоделась. Было непривычно: рубашка для сессии была намного короче, здесь туника доходила до колена с двумя разрезами по бокам до середины бедра. Брюки на завязках, никакой молнии и пуговиц.

Я посмотрела на себя в зеркало, висевшее на стене, подумала, что выгляжу в этом нелепо, но когда я зашла на кухню, сразу услышала:

— Ты прекрасна. Возможно, ты не понимаешь этого, но тебе очень идёт наш национальный костюм.

— Вы в нём выглядите как-то по-особенному, а я нелепо, — вздохнула я.

— Не преувеличивай, ты прекрасна. Ты же понимаешь, что гораздо чаще драматизируешь события, чем наоборот. Если хочешь, я куплю тебе чисто европейскую одежду для моего дома.

— Не надо, это подходит. Ткань очень приятная. Мне не всегда удаётся покупать такое качество. Вы опять потратились на меня.

— Я бы ещё понял, если бы ты так Юре сказала. Он не особо богат, тратиться на тебя ему было бы трудно. Воспринимай всё, что я делаю для тебя, как необходимую заботу. Поверь, Олеся, мне вовсе не трудно.

— И всё же не стоит злоупотреблять такой заботой, я уже начинаю чувствовать себя приживалкой, будто присосалась к богатенькому и выпрашиваю подарочки, — я стояла у двери и наблюдала, что делает мастер.

Удивительно, но он сам жарил лепёшки. Видеть Ратхора таким домашним было непривычно.

— Тебе неловко, я понимаю, но позволь мне немного побаловать тебя, совсем капельку, — улыбнулся Ратхор.

В моей голове неожиданно мелькнула мысль, что за мной ухаживают как своей за девушкой, но я отмела это. Такого просто не может быть, Ратхор — богатый мужчина, он не станет рассматривать простолюдинку как свою пару, такое лишь в романах бывает.

Лепёшки легли на круглые подносы с бортиками. Потом Ратхор положил что-то в маленькие чашечки.

— Бери свой тхали и пошли в зону столовой, — скомандовал мужчина.

— Тхали — это поднос?

— Да. Чашечки называются катори. Я не стану тебя мучить, поэтому положил ложку. Я дома всегда ем руками, так привычнее. В Раджастхане любят очень острую еду, но я попросил Дивью приготовить так, чтобы ты могла есть. Планировал пригласить тебя на обед.

Я кушала овощи с мясом и не могла понять, что это.

— На говядину не похоже, но очень вкусно, — сказала я задумчиво.

— Это баранина. В Индии корова считается священным животным. Молоко и молочные продукты можно, а мясо не едят, — ответил Ратхор.

— Никогда не ела баранину, — призналась я.

После обеда Ратхор предложил прогуляться. Мы бродили по двору, разговаривали, сидели в беседке. Я решила больше проникнуться миром Индии, задавала вопросы.

Мне казалось, что я начинаю лучше узнавать своего мастера, потому что он вплетал в рассказ, как жили в его семье. На миг показалось, что на душе Ратхора некая пустота из-за того, что семья далеко, но вот он снова улыбнулся, и это впечатление развеялось как дым.

Я стала замечать, что невольно любуюсь этим человеком, его манерой говорить, жестами. Заталкивала эмоции поглубже в себя, но ничего не выходило, накатывала слабая волна паники, что мне вообще не должен нравиться мужчина, который не примет меня как ровню себе.

— Я могу немного посидеть тут одна? — неожиданно спросила я.

— Разумеется. Пойду поплаваю. Ты тоже можешь.

— Я не умею, — насупилась я.

Ратхор никак это не прокомментировал и ушёл. Вернулся он в халате, встал у бассейна, скинул одежду на шезлонг и зашёл в воду, но не сразу, сначала потянулся. Я смотрела на его красивую спину с рельефами мышц и невольно сглотнула. Мастер совершенно не стеснялся появиться передо мной в одних плавках.

«Конечно, чего тут стесняться, у него такое красивое тело. Сразу видно, занимается спортом, не запускает себя. А я… Не толстею и то хорошо», — подумала я.

После мы разошлись по разным комнатам. Ратхор сказал, что будет работать в библиотеке. Я легла на кровать, стала играть на телефоне от нечего делать. Встретились только за ужином, который был почему-то в восемь часов. Потом была беседа, сидели в гостиной, и уже Ратхор задавал вопросы.

В десять часов прозвучал приказ идти спать. Я подчинилась, переоделась в пижаму и легла. Это была не моя старенькая и затёртая вещь, но я неожиданно почувствовала себя уютно. Кашемир был тонкий и, похоже, натуральный. Сравнивать было не с чем, но я не сомневалась, что мастер не купил бы ширпотреб на маркетплейсе.

День был насыщенный на разговоры, на эмоции. Я только легла и сразу начала засыпать. Впервые мелькнула мысль, что я хоть немного, но счастлива.

Глава 31

В воскресенье мастер снова предложил сессию, но не сказал сразу, что это будет. Я переоделась и стояла посреди комнаты, чувствуя себя нелепо сегодня. Руки заведены за спину, голова опущена. В этой позе было слишком много беззащитности. В горле стоял комок, а ладони стали влажными — типичный предвестник приступа. Я боялась того, что мог придумать мастер в качестве сессии. Вдруг это будут не безобидные команды встать в какую-то позу. Шаги Ратхора за спиной были настолько тихими, что приходилось напрягать слух. Мастер ходил дома без обуви, я тоже босиком.

— Поза хорошая, — голос Ратхора прозвучал низко, без издёвки, просто констатация факта. — У тебя сейчас правильная линия плеч, Олеся. Замри.

Ратхор обошёл меня по кругу, я почувствовала пристальный взгляд на себе, и по спине пробежал неприятный холод — не от страха, а от неизвестности.

— Сегодня я хочу попробовать шибари, — буднично сообщил Ратхор, остановившись передо мной. — Снимай рубаху.

Я застыла, не в силах пошевелиться. Снять одежду? Здесь, перед другим мужчиной, который не был врачом в белом халате? Для меня моё тело всегда было источником проблем: оно дрожало, подводило, выдавало мой страх. Обнажить его — означало сдаться окончательно. Я ни перед одним парнем не раздевалась, не говоря о большем.

— А это обязательно? Я могу остаться в одежде? — спросила я, не поднимая глаз. Пальцы судорожно вцепились друг в друга за спиной.

— Обязательно, — Ратхор не сдвинулся с места. — Ты должна чувствовать верёвку кожей, без барьеров. В чём дело? Тебе стыдно?

Я промолчала, чувствуя, как лицо заливает жар.

— Стыд — это лишний шум, — Ратхор подошёл почти вплотную. — Мы здесь, чтобы выключить твой шум. Снимай, ничего страшного не происходит, поверь мне. Бюстгальтер оставь.

Я вздохнула, было стыдно, но ещё больше я боялась разочаровать своего мастера. Вдруг Ратхор меня бросит, и тогда не станет того облегчения, которое я испытывала после сессий или бесед.

Дрожащими руками я стянула рубашку. Мне казалось, что я стою на площади под прицелом сотен глаз. Я ожидала оценки, насмешки, но Ратхор неожиданно сказал:

— Ты выглядишь хорошо. Ты не толстая, и это тоже хорошо. Отдай мне рубашку. Видишь вон тот пуфик? Садись на него.

Я подчинилась, потом услышала шаги за спиной. Мастер вернулся быстро, держа моток джутовой верёвки в одной руке, во второй был маленький поднос. Я удивилась, расширив глаза: там лежали ножницы, два пузырька, стакан с водой и стопка.

— Зачем это? В пузырьках лекарство? — мои губы задрожали.

— Шибари только на первый взгляд кажется игрушкой. Человек может впасть в панику, сильно испугавшись. Я принёс ножницы, чтобы быстро разрезать верёвку в случае ЧП. В одном пузырьке нашатырный спирт, а в другом — обычная настойка валерианы для успокоения. Тут нет ничего запрещённого, можешь сама прочитать надписи на этикетках.

Я действительно прочитала и успокоилась. И с чего я вообще взяла, что мастер способен обмануть? До сих пор всё шло хорошо.

Ратхор поставил поднос на пол, потом встал сзади на колени.

— Ты помнишь своё стоп-слово, Олеся? — последовал вопрос.

— Красный.

— Что ты скажешь, если захочешь остановки, чтобы подумать, будет продолжение или нет?

— Жёлтый.

— А если ты потом захочешь продолжить? — снова вопрос.

— Зелёный.

— Умница. А теперь начнём.

Мастер рассказал, при каких симптомах нужно немедленно кричать «красный», потом закрыл плотные шторы на окне, погружая комнату во мрак — ведь на улице и без того был вечер. На полу, на приличном расстоянии от меня, зажглись несколько свечей. Потом комнату окутал какой-то чудесный аромат и заиграла музыка.

Когда несколько петель джута легли на плечи, меня накрыло. Я связана и беспомощна. Ратхор может делать всё, что захочет. Я не смогу убежать. Дыхание стало частым и поверхностным, перед глазами поплыли серые пятна.

— Дыши размеренно, — рука Ратхора легла на моё солнечное сплетение. — Ты сейчас в своей панике, а мне нужно, чтобы ты прогнала мысли.

— Я... я не могу... — попыталась дёрнуться, но верёвка на предплечьях натянулась, возвращая меня в реальность.

— Смотри на меня, — Ратхор заставил меня поднять взгляд. — Я не буду делать всё, что мне вздумается. Ты же об этом подумала, правда? Я прекращу в тот момент, как ты скажешь стоп-слово. Ты не слушаешь музыку. Попробуй в неё погрузиться, это твой якорь против тревоги. Давай, вдохни глубоко, дыши ровнее, слушай музыку.

Ратхор начал обвязку торса. Я чувствовала, как грубый ворс немного впивается в кожу, как узлы давят на определённые точки. Было немного больно, но эта боль была понятной. Она была реальной, в отличие от воображаемых катастроф в моей голове. С каждым новым витком тревога, не находя выхода, начала трансформироваться в странную, тяжёлую усталость. Меня словно упаковывали в кокон, где было тесно, но безопасно.

Я действительно позволила себе погрузиться в прекрасную мелодию. Музыкант мастерски играл на флейте, и от этого было странное ощущение покоя и неги. Я удивилась, что никогда не слушала такую музыку, но именно она странным образом приводила мысли в порядок. Голоса в голове смолкли, был только ритм сердца, жёсткий обхват джута и чарующая мелодия флейты и оркестра.

Прошло десять минут или час, я не знала, время сейчас текло для меня иначе. Оказалось, я уже связана красивым узором до пояса и сижу так какое-то время.

— Возвращаемся, — негромко сказал мастер.

Щёлкнули ножницы, разрезая страхующую петлю, и Ратхор начал методично развязывать узлы. С каждым освобождённым участком тела на меня накатывала волна слабости. Когда верёвка упала к моим ногам, я вздохнула с облегчением.

Ратхор накинул плед на плечи и сел напротив, на корточки, заставляя меня посмотреть на него.

— Ну как? — спросил мастер, его голос стал мягким с нотками нежности.

— Тихо... — прошептала я, касаясь розовых полос на своих запястьях. — В голове стало тихо.

— Верёвка забирает лишнее, — Ратхор протянул мне стакан воды. — Твоё тело вспомнило, что оно существует отдельно от твоих мыслей. Это был тяжёлый сеанс, но ты поняла, что может быть по-другому, а не так, как ты жила последние годы.

Я пила воду, чувствуя, как по телу разливается тепло. Стыда больше не было, только странное чувство победы над самой собой.

— Идём, я провожу тебя до кровати. Сейчас тебе нужно поспать.

Я встала, положила плед на кровать, подхватила рубаху и не стала надевать, всё равно в пижаму переодеваться.

Двинулась к лестнице, но на последней ступени мир качнулся. Перед глазами поплыли тёмные круги, я неловко взмахнула руками, теряя равновесие, уже приготовилась к удару о ступени, но его не последовало. Ратхор шёл сзади и легко подхватил меня, почувствовала, как меня подняли. Одной рукой мастер держал меня под лопатками, другой — под коленями. Я была слишком слаба, чтобы протестовать или смущаться, уткнулась лбом в плечо мастера, вдыхая тонкий аромат его парфюма.

— Ноги не держат... — прошептала я виновато.

— Это нормально. Сейчас тело сбрасывает напряжение.

В спальне Ратхор опустил меня на край кровати.

— Подними руки, — скомандовал он.

Я подчинилась, Ратхор помог продеть руки в рукава мягкой пижамы, надел её, потом сменил брюки на пижамные. Я почувствовала, как пальцы мастера нежно касаются кожи, задерживаясь на пару секунд дольше, чем было бы при обычной заботе. Как ни странно, об этом не хотелось думать. В голове впервые была пустота, а глаза сами собой закрывались.

Когда Ратхор уложил меня под одеяло и поправил подушку, я нашла в себе силы заговорить:

— Почему так плохо?

— Тебе не плохо, — Ратхор задёрнул шторы, погружая комнату в полумрак. — Твой мозг впервые за долгое время не ждёт нападения. Он просто уснул раньше тебя.

После этих слов мастер пошёл на выход. Я испугалась, что паника вернётся и голоса в голове будут шептать гадости с удвоенной силой.

— Господин Ратхор, — тихо позвала я, мастер обернулся. — Вы можете посидеть со мной, пока я не усну.

Вирадж вернулся к кровати, сел на её край, накрыл мою ладонь своей. Неожиданно я сама переплела наши пальцы в замок, как будто хотела, чтобы он не исчез словно дымка.

— Я здесь, милая, всё хорошо. Я буду рядом, пока ты не уснёшь.

— Спасибо, — тихо сказала я, проваливаясь в сон.

Глава 32

Вышла к завтраку, и Вирадж заметил, что я взволнована. Мы поздоровались, я присела на свой стул.

— Что-то случилось?

— Юра сейчас написал: воду ещё не дали. Обещают, но не раньше завтрашнего вечера. Подвозят машинами, но немного. Друг говорит, чтобы я сидела у вас, если такая возможность есть. Как будто это так легко, — ответила я и в конце вздохнула.

— В чём трудность, объясни мне.

— Мне неудобно, я у вас и так уже два дня живу.

— Олеся, не забывай, что я в отпуске и мне не составит труда принимать тебя в качестве моей гостьи. Мы вчера вечером провели прекрасную сессию, а на обед жарили вместе мясо на гриле, ты имела возможность много гулять. Разве тебе плохо у меня? — совершенно спокойно произнёс Вирадж и начал есть.

— Хорошо. У вас спокойно. Если честно, я мало выхожу из дома, гуляю в основном на своём балконе. Если решаюсь пройтись по парку, Юра прыгает от радости. Здесь, за высоким забором, на меня не смотрит куча посторонних глаз. Даже ваши слуги не выходили ко мне ни разу.

— У них были свои дела. Они ездили за подарками в город, а потом собирали вещи в дорогу. Я дал им отпуск, и они решили посетить родителей. Сегодня рано утром Кедар и Дивья уехали в аэропорт, поэтому завтрак готовил я, — Вирадж слегка улыбнулся.

— Очень вкусно получилось. Я никогда бы не подумала, что вы умеете варить кашу, — удивилась я, округлив глаза.

— Я не кулинар, но если придётся всё делать самому, с голоду не помру. Что касается тебя, то ты можешь жить у меня. Так даже лучше, мне не придётся просить тебя приехать на сессию. Сегодня её не будет, и так проводили два дня подряд. Хочешь, я покажу тебе своё хобби?

— Хорошо, я очень хочу узнать, чем вы увлекаетесь. Я могла бы попросить у вас листок и карандаш, потом порисую немного.

— Я дам, доедай и пошли в библиотеку.

***

Я удивилась, я не была в библиотеке, и вдруг Ратхор решил показать там что-то. Мне было жутко интересно узнать, чем занимается мастер в свободное от работы время.

Мы сначала зашли в маленький кабинет, Ратхор положил в папку несколько листов из принтера и потом подал мне вместе с обычным карандашом.

— Сойдёт?

— Конечно, я не рисую профессиональными карандашами, у меня на это денег нет. К тому же я художник-любитель, и тратиться ни к чему.

Внезапно мне показалось, что я хитрым способом намекаю, что мне нужен ещё один подарок в виде профессиональных карандашей и фломастеров для художников. Мне стало стыдно.

— Не вешай нос, Олеся, когда-то и у тебя они будут, — весело сказал Ратхор.

— Только не надо мне это покупать в качестве очередного подарка, я ничего не прошу, — тут же затараторила я.

— Хорошо, я не буду дарить просто так то, что не является жизненно необходимым, как одежда, — мастер как-то странно улыбнулся, а потом добавил: — Пошли дальше.

Когда Ратхор открыл двери библиотеки и пропустил меня, я встала посередине комнаты, открыв рот от восторга. С одной стороны, были книжные шкафы со стеклянными дверцами, с другой — стеллажи с разными кораблями.

— Какая красота. Это же «Алые паруса»? — я подбежала к кораблю с красными парусами, он тоже стоял за стеклом, но был великолепен.

— На самом деле название корабля — «Секрет». Это трёхмачтовый галиот, тот самый, который описывал в своей книге Александр Грин. То, что каждый год выезжает в Санкт-Петербурге на праздник «Алые паруса», совсем не то.

— А я и не знала, что на празднике корабль не такой, как в книге.

— Это «Виктория», линейный корабль королевского флота, флагман адмирала Нельсона в Трафальгарской битве. Это «Санта Мария», каравелла Христофора Колумба. У меня только три корабля, потому что на сборку уходит не один месяц. А с моей загруженностью работой, сама понимаешь, — с гордостью произнёс мастер.

— Вы сами их собираете? Вот это да! Увлекаетесь моделированием, теперь я знаю ваш секрет, — улыбнулась я.

— Начал работать над трёхмачтовым галеоном «Чёрная жемчужина» из знаменитого фильма, — Ратхор указал пальцем на стол у окна.

— Вау, тут даже остов ещё не весь. Как же это круто, — я подошла к столу, но трогать ничего не стала.

— Можно, я немного поработаю?

— Мне уйти?

— Останься, сядь вон в то кресло у стеллажа, ты мне не мешаешь. Только давай помолчим, я хочу сосредоточиться. Включу музыку, — попросил Ратхор.

Я подчинилась, села в кресло и стала наблюдать за мастером. Из колонок полилась красивая индийская музыка, пела какая-то девушка. Я несколько минут смотрела на Ратхора, потом вынула лист из папки, положила его сверху и начала рисовать.

Мне было удивительно видеть мастера не со строгим выражением лица, а расслабленным и даже счастливым. Он работал с едва заметной улыбкой, и я невольно поймала себя на мысли, что любуюсь им.

«Почему вы такой красивый? Почему так притягиваете к себе? Как я могу вами любоваться? Как могу рисовать ваше прекрасное лицо снова и снова? Это выходит за рамки дозволенного, наверное, но ведь в нашем контракте не написано, что я не имею права помечтать. О чём помечтать? Глупая Олеся, ты запуталась и сама не понимаешь, чего хочешь», — сказала я про себя.

Прошло пару часов. Я дорисовала свой скетч. Ратхор сидел в кресле у стола и работал над кораблём, я нарисовала его почти законченным, чтобы было понятно, что это модель парусника. Пришлось перерисовать «Секрет», для этого я даже подходила к стеллажу, чтобы сделать первичный набросок.

Ратхор встал с места и подошёл ко мне, я тут же спрятала рисунок в папку.

— Почему ты стесняешься? Покажи, пожалуйста, — почти ласковым голосом попросил мастер.

Я подумала, что сейчас мне прилетит, но всё же подала свой рисунок.

— Потрясающе, ты рисуешь как профессионал. Я получился тут как живой.

— Это три-де-рисунок. Если делать профессиональным карандашом, было бы лучше. Вам правда нравится? — с надеждой спросила я.

— Очень нравится. Я поставлю его в рамочку и повешу на стену. Ты же позволишь мне его взять в качестве подарка?

— Конечно, — я широко улыбнулась, и глаза неожиданно увлажнились.

Ратхор положил рисунок на стол, потом подошёл и сел передо мной на корточки. Тёплые ладони коснулись моих холодных пальцев.

— Не надо думать, что если ты не особо богата, то не сможешь мне ничего подарить. Твой рисунок — самый лучший вариант для этого. Ты могла бы стать хорошим художником, Олеся. Ты вовсе не бесполезная и никчёмная, ты нормальная.

— Нормальная? — я от такого слова даже вскинула голову и посмотрела на Ратхора.

— Нормальная — это значит не плохая и не хорошая. У каждого человека есть свои недостатки и достоинства. У каждого есть то, в чём он удивительно хорош. Некоторые говорят, что я умею вести бизнес. За четыре года из почти обанкротившегося предприятия сделал процветающую компанию. Ты умеешь рисовать, несмотря на то, что нигде не училась этому как профессионал. В то же время и у тебя, и у меня есть свои недостатки, это здорово. Человек должен быть многогранным, тогда он интересен.

От этих слов на душе потеплело. Я удивлялась, как мастер может подобрать нужные слова, чтобы наступило облегчение, чтобы на сердце стало спокойнее и мир раскрасился ещё одним из цветов. До этого я жила в беспросветном сером мире словно в тумане, а сейчас всё медленно менялось.

— Если ты в порядке, поможешь мне приготовить обед?

— Конечно. Я с удовольствием помогу. Вы только говорите, что нужно сделать. Оставлю папку и карандаш в своей комнате и приду на кухню.

Ратхор встал и пошёл на выход, я последовала за ним. Так даже лучше, если я буду помогать мастеру, зато не стану чувствовать себя бесполезной.

Глава 33

Мне казалось, что я ещё никогда в своей жизни не была так спокойна. Даже после употребления нужных препаратов голоса не всегда исчезали, некоторые таблетки вызывали жуткие побочки, их отменил врач, остальное я сама перестала принимать. Зачем тратиться на то, что практически не даёт эффекта?

Я несколько лет жила в собственном аду, плохо спала, питалась кое-как, через силу ходила на работу. Сегодня всё было по-другому, казалось, что жить стало чуточку легче.

Мы вместе с Ратхором готовили обед, я помогала чистить картошку, нарезала овощи. Мастер сделал для салата нереально вкусный соус, при этом он улыбался и шутил.

Я удивлялась, что этот с виду властный человек может быть беспечным и весёлым. В то же время Ратхор проявлял заботу: стёр пальцами муку с моей щеки, когда мы вместе лепили роти. Бережно обработал и перевязал палец, когда я нечаянно уронила чашку и порезалась.

— Не переживай, это просто досадная случайность, которая может быть с каждым, — сказал Ратхор, едва я принялась извиняться. — Ты знаешь, сколько я в детстве посуды перебил? Мама называла меня маленьким неуклюжим слонёнком. Папа ворчал, что на одних кружках для чая разориться можно. Я до сих пор иногда что-то роняю, а Дивье приходится за мной убирать.

Такие слова добавили тепла и света на сердце. Я поняла, что не одна я могу быть неуклюжей, а даже такой человек, как Ратхор.

Потом мы сидели на улице, и мастер учил меня играть в нарды. Первые несколько партий я проиграла, но потом у меня получилось победить, и это было здорово.

После ужина Ратхор открыл ещё один секрет. Оказалось, у него в подвале есть собственный кинотеатр.

Я увидела стены, задрапированные плотной тканью, был натянут экран, на который с цифрового проектора транслировалось кино. Под ногами — толстый ковёр с мягким длинным ворсом. В комнате было не сыро, ещё и пол с подогревом. Валялись специальные подушки, можно было полежать или посидеть, прислонившись к стене.

— Что хочешь посмотреть? — спросил Ратхор.

— Я в последнее время сериалы смотрю.

— Сериал смотреть долго, но у меня есть парочка комедий в этом жанре. Я сам хотел посмотреть, но не было времени. Садись куда хочешь, можешь прилечь.

Я расположилась поудобнее, прислонившись спиной к подушке. На потолке была прикреплена светодиодная лента, но так, чтобы она светила вверх, таким образом, в комнате создавался полумрак. Ратхор включил фильм, а потом сел на ковёр на расстоянии вытянутой руки от меня.

Я уставилась в экран, стараясь не смотреть на мастера, но временами не выдерживала и украдкой подглядывала за ним. Ратхор смеялся искренне и так задорно, что невозможно было не подхватить этот смех. Я веселилась вместе с ним, иногда мне хотелось дотянуться до мастера и взять его руку в свою.

***

Когда я засыпала, думала об очередном дне, который провела в доме Ратхора. Раньше голоса в голове заставляло замолчать рисование, теперь не только оно. И всё же скоро придётся уехать отсюда и снова окунуться в одиночество своей квартиры. Да, есть Вася, которого сейчас подкармливает Юра, но всё же это не тепло человеческого общения.

Ночью мне приснился сон: я снова лежу в объятиях мужчины, но на этот раз образ чёткий, надо мной склонился Ратхор, а потом стал целовать. Я застонала ему в губы, но когда рука мастера коснулась моего тела, начала кричать: «Я не такая! Это неправильно! Это грязно!»

Я тяжело дышала и отбивалась во сне от Ратхора, потом вскрикнула и проснулась в холодном поту.

Неожиданно дверь распахнулась, и в спальню влетел Ратхор. Комната немного освещалась от уличного фонаря, и я смогла сразу понять, что это именно он. Хотя кто ещё, ведь мы в доме одни.

— Что случилось? Ты так громко кричала.

Мастер подошёл к кровати, и я выпучила глаза, разглядывая его и краснея до кончиков ушей.

— Вы голый, — шёпотом сказала я, прикрываясь одеялом до самого подбородка.

— Тебя это смущает? Прости, привык так спать. Услышал твои крики и не подумал одеться, — Ратхор сел на край кровати и прикрыл себя одеялом.

— Простите, я вас разбудила. Иногда кричу во сне, мне это ещё в детдоме говорили.

— Ничего страшного, если я рядом, то готов прийти на помощь в считаные секунды. Ты покраснела. Это так мило.

Ратхор протянул руку и погладил меня по щеке, потом взъерошил волосы. Я почувствовала приятные мурашки, которые пробежали по всему телу, и снова начала проклинать себя за то, что мне это нравится.

— Ты можешь рассказать мне, что тебе снилось, но это не обязательно, только если ты сама хочешь.

— Если у меня есть право выбора, то я не буду говорить, — насупилась я.

— Олеся, запомни раз и навсегда. Рядом со мной у тебя всегда есть право выбора. То, что я играю тут в крутого доминанта, вовсе не означает, что ты обязана выполнять все мои прихоти. В рамках сессии у тебя есть стоп-слово. А в обычной жизни ты имеешь возможность всегда сказать мне «нет», если тебе что-то не нравится. Отношения двоих строятся на доверии и взаимном понимании. Поэтому ты всегда можешь прийти ко мне со своими проблемами, рассказать, что тебя тревожит.

— Отношения? — я выпучила глаза от шока. — Какие у нас отношения, кроме мастер и его подопечная?

— А ты бы хотела, что бы было что-то большее?

— Зачем вы это спрашиваете?

— Позволь, я тоже воспользуюсь правом не отвечать на вопрос. Засыпай, — Ратхор улыбнулся и хотел встать, но я, сама не осознавая, что творю, схватила его за руку и остановила.

— Посидите со мной ещё немного, пожалуйста. Это прозвучит странно, но голоса в моей голове исчезают, когда вы рядом.

— Хорошо, я буду рядом.

Наши пальцы переплелись в замок, я поняла, что на душе становится чуточку спокойнее. Я прикрыла глаза и почувствовала, как под закрытыми веками скапливается влага. «А ты бы хотела, что бы было что-то большее?» — прозвучало в голове. Я знала, что запуталась. Мне начал нравиться этот человек, и в то же время мы из разных миров? Хочу ли я большего? Что в понимании Ратхора это большее? Последний вопрос хотелось задать вслух, но я не решилась.

— Всё хорошо, не надо плакать, — Ратхор нежно стёр слезинки с моих щёк. — Всем иногда снятся кошмары или такие сны, которые ими не являются, но мы так думаем. Все иногда сомневаются и не знают, что делать.

Я замерла: то, что сейчас делал Ратхор, не было похоже на обычное утешение. В пальцах мастера было столько нежности и теплоты, что не оставалось сомнения, тут что-то не так.

— Хочешь, я спою тебе колыбельную? Мне её мама в детстве пела.

— Хочу, — смущённо сказала я, не открывая глаз.

Ратхор начал петь, у него был чудесный бархатный тембр. Я почувствовала, как расслабляюсь, мама раньше тоже пела колыбельную на ломаном языке, здесь звучала индийская речь, и это странным образом приносило облегчение.

«Для меня поёт мужчина, это так странно, но в то же время…» — я не успела додумать, проваливаясь в глубокий сон.

Глава 34

среду я смогла вернуться домой. Васька бросился встречать, тёрся о ноги. Любимец соскучился по мне, было видно сразу.

Когда я зашла на кухню, из питьевого фонтанчика текла вода, а в миске лежали остатки сухого корма. У Юры были ключи от квартиры на всякий случай, и он, как преданный друг, заходил накормить Васю.

«Привет. Я дома. Спасибо, что присмотрел за Василием», — написала я в мессенджере.

«Сейчас приду», — ответил Юра.

Через пару минут друг уже примчался. Юре ещё год учиться в институте, но летом он подрабатывал курьером в доставке продуктов, ездил на своём велосипеде. Сегодня взял выходной.

Мы поздоровались, я позвала пить чай с индийскими конфетами, которые Ратхор получил посылкой от друга.

— Как провела время? — спросил Юра, когда мы расположились за столом.

Мастер разрешил рассказать о том, что не касалось сессии и личного, адрес тоже запретил называть. Я улыбнулась, отпила чаю из любимой кружки с изображением зайчика и только потом ответила.

— Ратхор живёт один в большом особняке. Вернее, не один, а со слугами, но они в гостевом домике. Это тоже индийцы, супружеская пара. Везде смешение нашего и индийского стилей, это так круто смотрится. У меня была комната с видом на бассейн.

— Хорошо, что он разрешил тебе остаться. Тут было столпотворение. Бочки с водой подъезжали, но её быстро разбирали. Люди ведь не только еду варили, нужно ещё умываться, в туалете смывать. Вика к родителям на время уехала, а мне никак вместе с ней, я своего кота оставить не мог, ещё и твоего кормил.

— Спасибо большое, Юра, — искренне поблагодарила я.

— Не за что. Я надеюсь, этот человек тебя не обидел, пока ты жила у него? Знаешь же, что я не привык доверять богатеньким. С Артёмом расстался, понял в какой-то момент, какая он гниль. Мне такие друзья не нужны, и помогать я ему больше не хочу. Это ещё раз укрепило меня в мысли, что не стоит доверять тем, у кого много бабла, — с волнением в голосе произнёс Юра.

— На самом деле я рада, что вы больше не друзья. Я не говорила, но в тот день Артём меня обидел, именно поэтому я уехала с вечеринки. Только не нужно идти ему мстить за меня, ты же потом ещё и виноватым будешь. Всё в прошлом, я уже забыла о том инциденте, — затараторила я.

— Хорошо, я не буду бить ему рожу, хотя очень хочется, если честно. Ты ушла от ответа, Олеся. Опять заявишь, что тебе запретили рассказывать?

Я замялась, не знала, как ответить на вопрос. Со мной не происходило ничего такого, что можно было назвать неправильным, и всё же в какой-то момент одна ситуация была, о которой я до сих пор вспоминала со смешанным чувством вины.

— С чего бы мастеру меня обижать? Он подарил мне одежду, которую заказал у друга в Индии. Я же говорю, ему пришла посылка. Эти конфеты он дал мне с собой и попросил угостить тебя. К сожалению, не могу похвастать новыми вещами, они остались в доме Ратхора для того, чтобы я носила их там. Мы проводили сессии, играли в нарды, я рисовала. Знаешь, впервые за много лет я нормально спала, — поведала я всё, что могла рассказать.

— Хорошо, что тебе становится лучше. Ратхор обещал, что постарается помочь тебе, но если честно, я ему не верил. Теперь знаю, что ему можно больше доверять. Конфеты вкусные, — улыбнулся Юра.

На столе пикнул телефон, я поспешила прочитать сообщение.

— Ну вот, Ратхор пишет, что ему срочно придётся вылетать на Алтай. Там стройка туристической базы возле какой-то глухой деревни, это почти в тайге. Связи там нет, но Ратхор сказал, что вернётся через два дня и сразу напишет, — с грустью сказала я.

— Ты расстроилась, что он уезжает по работе? — удивился Юра.

— Нет, но… У него тоже отпуск сейчас и вдруг командировка. Не бери в голову, Юр, улетает и улетает.

***

Прошёл день, второй, наступил третий. Я поняла, что всё больше скучаю по Ратхору и не просто скучаю. Пришло осознание, что я не могу без мастера, без его властного голоса во время сессии, без его нежности и поддержки вне её.

Я лежала на кровати и вспоминала, как мы готовили вместе, как нежно Ратхор стирал муку с моей щеки. После первого сеанса шибари я впервые уснула без тревоги в голове. В какой-то день мне приснился, как я думала, кошмар, и Ратхор пел мне колыбельную на хинди, чтобы успокоить.

Это было удивительно: богатый человек, который должен был пройти мимо меня с брезгливым выражением лица, принял в своём доме, заботился и даже пел эту колыбельную.

Я вспоминала, как в разное время Ратхор прикасался ко мне, чтобы утешить, чтобы дать напитаться своим теплом и силой. Тогда я думала, что это проявление заботы мастера к своей подопечной, но теперь понимала: в этом была особенная нежность.

Мне было непонятно, как ко мне, некрасивой и никчёмной девушке, можно относиться вот так. Возможно, Ратхор очень добрый и это действительно дружеская поддержка, но как же хотелось большего, поверить в то, что ко мне действительно можно относиться с нежностью. Да, мой мастер — очень богат, и от этого становилось тревожно. Вдруг он узнает о моих чувствах и отвергнет, обзовёт, выгонит из своей жизни? Что, если у него есть девушка из его круга или будет со временем?

К вечеру тоска по Ратхору усилилась, и я проклинала себя за это. Я не могла нормально спать, думала, всё ли хорошо у мастера. Неужели я действительно влюбилась? Осознание этого выжигало душу в пепел, ведь Ратхор мог прямо сказать, что ему не нужны отношения. Но зачем был его вопрос: «А ты хотела бы, что бы было что-то большее?»

Мастер тогда не ответил, что он имел в виду, я подозревала, что он прощупывал почву. Если подопечная испытывает чувства, надо её выгнать из своей жизни.

Прошёл четвёртый день отсутствия Ратхора, я осунулась из-за того, что спала урывками. Мастер должен был уже приехать, но не позвонил и не написал. Он сам сказал, чтобы я не тратила нервы на звонки: как только он будет дома, сразу выйдет на связь. Не вышел, даже СМС не написал.

«Здравствуйте, мастер, я…»

«Здравствуйте, господин Ратхор, вы так и не написали…»

Я набирала сообщения и тут же стирала их. Что я могла сказать? Как тосковала по мужчине? Как влюбилась, словно дурочка? Что мне надо в психушку со своими чувствами? Смею ли я навязываться? Не будет ли это расценено как грязная и ненужная прилипчивость?

Я так и не отправила ничего, не смела позвонить. На пятый день я поняла, что ни разу за эти дни не ходила в душ, но мне было лень вставать с кровати. На столе остались засохшие бутерброды, есть ничего не хотелось. В раковине — пара немытых тарелок, но силы вставать не осталось, кроме как в туалет и попить.

Ратхор так и не объявился, и я поняла, что меня тупо бросили, словно ненужную игрушку. Сначала было весело, а потом игрушка сломалась и уже не нужна.

Я вспомнила, как во вторник мы провели последнюю сессию. Снова было шибари, на этот раз Ратхор попросил раздеться до трусов. Было стыдно, но я подчинилась. Меня усадили

на пуфик, обвязали руки за спиной, потом торс. Дальше Ратхор сам помог встать на ноги и стал обвязывать в районе ягодиц. Потом его руки нежно касались возле паха, протягивая верёвки между ног, следом были бёдра.

Внезапно я почувствовала возбуждение, и это дало толчок панике. Мастер увидит, поймёт, какая я извращенка, начнёт ненавидеть.

— Красный! Красный! — заорала я во всю глотку.

Ратхор не стал меня развязывать, он, не жалея верёвок, быстро расстриг их ножницами, затем поднял меня на руки, усадил на диван, укрыл пледом, дал стакан воды.

— Что случилось?

— Можно я не буду об этом говорить? — промямлила я.

— На этот раз нельзя. Я должен знать, что произошло, чтобы в следующий раз не повторить своей ошибки. Тебе стало больно? — голос Ратхора был спокойный.

— Нет, ничего такого, — я виновато опустила голову и промямлила тихо. — Я начала возбуждаться, поэтому испугалась.

— В этом нет ничего страшного, такое тоже бывает. Иди сюда, — Ратхор притянул меня к себе и обнял. — Всё хорошо, я вовсе не сержусь, что сессия прервалась. Всё хорошо.

Теперь я понимала, что ничего не хорошо. Мастер просто сказал так в утешение, а сам потом бросил. Ему не нужна девушка, которая не может выдержать простых воздействий, которая кричит «красный» по пустяковому поводу. Конечно, для Ратхора это пустяк, а вот для меня…

«Он бросил меня. Я ему не нужна. Как же я буду без него? Я только поняла, что жить нормальной жизнью — это реально, как пришёл конец всему», — мысли в голове не давали покоя.

Юра в последнее время заходил сам, открывая дверь своим ключом. Я услышала шаги, но даже не обернулась, продолжила смотреть в одну точку на рисунке голубых обоев.

— Привет. Ты так и не вставала? Олеся, что происходит? — Юра сел на край кровати и тронул моё плечо.

— Он так и не позвонил. Он меня бросил, понимаешь? Я ему больше не нужна. Не нужна, Юра, — всхлипнула я.

— Ты говорила, что между вами ничего такого нет, — напомнил друг.

Я резко развернулась и выпучила глаза, глядя на Юру. Неужели он догадался о моих чувствах к Ратхору?

— Не говори ему ничего, пожалуйста. Ратхор ничего не знает. Я не хочу навязываться, это будет выглядеть жалко. Он такой сильный, волевой, а я тряпка! — неожиданно даже для себя выкрикнула я.

— Сестрёнка, я знаю тебя лучше, чем ты сама. Мы с самого детства дружим и побратались клятвой, что будем поддерживать друг друга всегда. Я понимаю, тебе сейчас тяжело, Ратхор не объявился, ты испытываешь к нему нечто большее. Я не виню тебя за это. Запомни, ты есть и будешь моей названой сестрой, что бы ни произошло в твоей жизни.

— Спасибо, Юра, ты лучший. Не надо говорить Ратхору об этом, пусть останется как есть. Если я ему надоела, пусть будет так.

— Я не скажу, не волнуйся. Пойду на кухню и поставлю чайник на плиту. Тебе нужно поесть, Олеся.

Друг ушёл, я вздохнула с облегчением. Юра принял меня такой, какая я есть, в очередной раз принял и не бросил.

Глава 35

Я прилетел в Горно-Алтайск, двадцать минут, и я уже сидел в вертолёте, рядом владелец базы, которую мы строили. Сразу пошли деловые разговоры, и по прилёте на место было много работы. Мы обходили стройку, смотрели качество материалов. Одна фирма подвела, поставила практически брак, из-за чего меня и вызвали, чтобы я своими глазами убедился.

— Хорошо, мы всё заменим, если нужно, разорвём с этим поставщиком контракт и купим у других, — заверил я.

Спали мы в деревне, которая была рядом. Все рабочие за небольшую плату арендовали у местных койку, а те были рады подзаработать.

Предполагалось, что на второй день я уже вылечу домой, обговорив все проблемы с заказчиком, но не получилось. Внезапно ухудшилась погода, два дня была гроза, ливень стоял стеной, из дома не выйти. Понятно, что в такую погоду вертолёт не прилетит, а дорогу сейчас размывало, и на транспорте ехать было опасно. Ещё и спутниковые телефоны не работали.

После грозы над местностью сгустился туман, кто-то из местных пытался прорваться на внедорожнике в город, но быстро вернулся.

— Там дорогу завалило, горы же рядом. Я кое-как смог сообщить об этом. Спутник плохо работает, густые облака сигнал перекрывают. Дорожная служба сказала, что выезжает на расчистку. Ещё день-два вам тут торчать, — сообщил Михалыч.

Я поблагодарил и пообещал ему заплатить и за кров, и за еду. Пришлось ждать, пока можно будет выбраться отсюда.

Сердце было не на месте. Как там Олеся? Если бы спутниковый телефон работал, я бы позвонил ей, сказал, что задерживаюсь, но в трубке были слышны только помехи.

Наконец, прилетел вертолёт. Повезло ещё и тем, что на вечерний рейс самолёта было место. Я улетел домой в тревоге за любимую, как будто что-то случилось, и не ошибся.

Когда вышел в зону прилёта и получил свой багаж, направился на платную стоянку, где оставил автомобиль. Только забравшись в салон, я вывел телефон из режима полёта.

«Здравствуйте, господин Ратхор. Я не мог до вас дозвониться. Олесе совсем плохо, она почти не ест и не спит, лежит в кровати и смотрит всё время в одну точку. Если можете, приезжайте», — пришло сообщение.

Не зря я попросил Юру приглядывать за Олесей, пока меня не будет, как чувствовал. Прав был Костя: я затеял опасную игру с девушкой. Стоило не появиться пять дней — вот результат. Возможно, это был синдром отмены: некоторые сабы проваливаются в жуткую депрессию, если их бросает постоянный доминант, которому они сильно доверились.

«Здравствуйте. Только прилетел. Выезжаю к вам», — коротко написал я и завёл мотор.

Глава 36

Вирадж

Я припарковал машину на свободное место у дома Олеси, забрал сумку из салона и пошёл к подъезду. Выходила какая-то бабушка, я придержал дверь, чтобы не захлопнулась, и написал Юре, что поднимаюсь.

Парень вышел на площадку, и мы поздоровались.

— Я ей не говорил, что вы едете, она была бы против. Олеся выглядит не лучшим образом и постеснялась бы показаться вам такой, — сказал Юра.

— Это в духе Олеси. Я не смог вовремя вернуться, непогода была жуткая, вертолёты и самолёты не летали. Ещё и спутниковая связь в горах пропала. Я разберусь тут сам. Спасибо за помощь, Юра, — ответил я.

— Хорошо, попрощаюсь с Олесей и уйду. Удачи вам.

— Олесю, скорее всего, нельзя будет оставлять одну. Я заберу её завтра вечером к себе, а сегодня останусь тут.

Юра кивнул и запустил меня в квартиру. Пока я снимал ботинки и ходил мыть руки, парень попрощался с Олесей.

— До свидания всем, — Юра надел туфли и вышел из квартиры.

Я закрыл дверь на замок и только потом направился в комнату. Мои худшие опасения оправдались: Олеся лежала лицом к стене и смотрела в одну точку. От неё не пахло чем-то неприятным, но было видно по сальным волосам, что она давно не мылась.

— Здравствуй, Олеся.

— Господин Ратхор? — Олеся повернулась и посмотрела так, будто не верила собственным глазам. — Здравствуйте. Юра позвал?

— Юра, но ты на него не обижайся, он всё сделал правильно, — я сел на край кровати. — Прости, я не мог объявиться раньше. Из-за непогоды вертолёт не вылетел к тому месту, где моя фирма строит туристическую базу. Там ещё горы, в грозу и туман спутниковые телефоны не работают. Как только сошёл с трапа самолёта, прочитал сообщение Юры и приехал к тебе.

— Вы с дороги, а из-за меня пришлось примчаться сюда, — с грустью сказала Олеся.

— Всё хорошо. Я же обещал помогать тебе и заботиться. Олеся, не пойми меня неправильно, но сейчас тебе нужно в душ. Приведи себя в порядок, пожалуйста. Это не потому, что от тебя плохо пахнет, а чтобы смыть тревоги. Иногда вода в этом помогает. Помочь тебе?

— Я справлюсь. Спасибо, что приехали.

Я встал, позволяя Олесе подняться. Девушка слегка покачнулась, но устояла на ногах.

— Дверь не закрывай, чтобы я слышал тебя. Я пока буду на кухне.

Олеся взяла чистую одежду в шкафу и направилась мыться. Я шёл следом, проследил, чтобы она оставила дверь открытой. На кухне я огляделся. Раковина была ещё мокрой, видимо, Юра мыл посуду. В холодильнике оказалось немного продуктов.

Олеся

Я мылась, тщательно проводя по телу мочалкой. Мне было стыдно, что Ратхор приехал и застал меня в таком жалком состоянии. Потом пришла радость, что обо мне не забыли и не бросили. Третья стадия появилась неизбежно: мозг снова начал паниковать. А вдруг он приехал только потому, что Юра написал? Вдруг в нём просто проснулась жалость, а так бы Ратхор и не вспомнил обо мне, поехал бы отдыхать домой.

Я попыталась успокоиться, смыла гель для душа и выключила воду. Пришлось быстро одеваться, ведь я и без того заставила мастера ждать.

Когда я зашла на кухню, то поняла, что мылась долго: Ратхор уже успел приготовить омлет и поесть, сейчас он допивал чай.

— Прости, я тут похозяйничал немного. Садись ужинать, тебе это сейчас нужно. Я схожу быстро в душ, если позволишь. У меня остался один комплект чистой домашней одежды в сумке, — произнёс Ратхор совершенно спокойно.

— Конечно, ванная в вашем распоряжении. Вместо мочалки могу дать чистую губку для посуды.

— Не нужно, потру себя руками, — улыбнулся мужчина, вставая из-за стола.

Я действительно села за стол и впервые за несколько дней ощутила сильный голод. Сейчас в голове был полный хаос: одна его половина кричала, что Ратхор приготовил еду, значит, действительно не бросил. Другая вопила, что всё ерунда, на самом деле я настолько жалкая, что Ратхор объявит о нашем расставании.

Быстро сполоснула тарелки, потом решила поменять постельное бельё на кровати, за этим занятием меня и застал Ратхор. Он зашёл в своей привычной индийской одежде бежевого цвета и улыбнулся.

— Это хорошо, что ты всё перестилаешь. Олеся, я не могу тебя оставить сегодня одну, но мне негде будет спать. Давай сделаем так: ты ляжешь под плед, а я поверх него, чтобы тебя не смущать. У тебя не односпальная кровать, мы должны поместиться.

Я даже икнула от таких слов. Спать на одной кровати?

— Если ты против, постели мне что-то на пол, старое одеяло, например, — добавил к своим словам Ратхор, будто всю жизнь спал на полу и привык.

Я замялась на минуту, но потом решила отодвинуть все страхи, ведь я не могу положить мастера спать на полу.

— Хорошо, если вы хотите остаться, я не против. Сейчас приготовлю всё, осталось наволочки сменить.

Ратхор даже помог мне, а потом попросил сесть в кресло. Я догадывалась, что разговор обязательно будет. Я подчинилась и уставилась на свои руки, лежащие на коленях.

— Расскажи мне, что случилось? От Юры я уже понял, что ты плохо спала и ничего не ела. Мне нужно знать, почему ты так поступила. Не бойся, никакого осуждения с моей стороны не будет, я просто хочу знать правду, — попросил Ратхор.

Я побоялась поднять голову и посмотреть на своего мастера, но поняла, что хочу выговориться. Стала доверять Ратхору, как никому другому, разве что Юре ещё.

— Вы сказали, что через два дня объявитесь сами, чтобы я ждала. Я ждала, честно, но вы не звонили, и я запаниковала. Мне казалось, что вы меня бросили, что я вам не нужна. Когда была последняя сессия, я напортачила и крикнула стоп-слово. Хотела написать или позвонить, но потом подумала, что навязываться нехорошо, раз вы меня уже не хотите как подопечную. Я скучала по нашим сессиям и… — я недоговорила и покраснела.

— Я понял, дальше можешь не продолжать, — Ратхор взял мои ладони в свои. — У тебя пальцы холодные. Перестань нервничать. Я рядом и никуда не уйду. Не собираюсь тебя бросать. Как уже говорил: непогода заставила задержаться, и связи не было. Я волновался за тебя и приехал бы в любом случае завтра. Так как Юра сообщил о проблеме, то не стал звонить тебе, а примчался. Олеся, запомни, я о тебе забочусь, поэтому выкинь все страшные мысли из головы. Ты правильно сделала, что сказала тогда стоп-слово, я уже объяснял почему. Завтра мне надо в офис с утра, уладить срочные дела, но вечером я за тобой приеду. Собери, пожалуйста, вещи, которые хочешь взять с собой. Я не намерен отпускать тебя, пока ты не восстановишься морально.

— Я не могу уезжать надолго. На кого я Васю оставлю? Опять Юру просить? Он ещё и уезжает на неделю, — я подняла голову и посмотрела на Ратхора.

— Вася едет с нами. Не забудь всё, что касается его.

— У вас мебель дорогая, а вдруг… — начала я.

— Никаких «вдруг». Вася едет с нами, так тебе будет спокойнее, — перебил Ратхор. — Будешь пререкаться, получишь ремня. Не смотри испуганно, я пошутил, — Ратхор неожиданно захохотал, а потом добавил: — Ложимся спать, я устал и хочу отдохнуть.

***

Это казалось невероятным, но рядом с мастером я быстро уснула, а когда рано утром открыла глаза, то поняла, что обнимаю Ратхора одной рукой. Мужчина спал на боку, а я прижалась к нему сзади.

«Как стыдно. Что он обо мне подумает?» — сразу же вспыхнуло в голове.

Я попыталась аккуратно убрать руку, но её перехватили пальцы мастера.

— Простите, я не хотела, я нечаянно.

— Прекрати извиняться, Олеся. Я не обижаюсь и не осуждаю. Мне было тепло, когда ты меня обнимала. Мне нужно на работу, но ты будь готова, я сразу из офиса заеду за тобой.

Ратхор отпустил мою руку, потом встал с кровати, я подскочила следом.

— Я приготовлю завтрак.

— Мне даже растворимый кофе и бутерброды с сыром подойдут, я видел, у тебя есть. Пойду умоюсь, — мастер взъерошил мне волосы и ушёл.

Через какое-то время он и вовсе покинул квартиру. Я села на кровати, позвала к себе на колени Васю и начала гладить.

— Вот видишь, Василий, нас не бросили. Мы едем жить в новый дом. Временно, разумеется, но тебе там будет хорошо, ты сможешь гулять не на балконе, а на улице. Там собака, но она в вольере.

Я внезапно вспомнила, что послезавтра у меня день рождения, исполняется двадцать три года. Я хотела пригласить Юру и Вику, но они на неделю едут отдыхать в Крым. Родители Вики забронировали им место в отеле ещё зимой. Я надеялась, что когда-то накоплю денег и тоже съезжу посмотреть море, а пока нужно собрать в сумку альбом, карандаши и несколько вещей из одежды. Ближе к вечеру я положу в пакеты всё, что нужно для кота.

***

Было четыре часа дня, когда в домофон позвонили. Я подумала, что Ратхор рано, и ринулась в коридор.

— Кто? — спросила я на всякий случай.

— Курьер, вам посылка, — раздался хриплый голос.

— Я ничего не заказывала, — удивилась я.

— Мне какая разница, заказывали или нет. На коробке ваш адрес стоит. Вы же Олеся Крайнова?

— Да, это я. Подождите, я спущусь к вам на первый этаж.

Я нажала на кнопку открытия двери и поспешила выйти из квартиры. Пускать незнакомца к себе домой было страшновато, я ведь ничего не заказывала, да и Ратхор предупредил бы о посылке.

Когда лифт открылся, я хотела выйти, но меня внезапно схватили и поволокли по лестнице на площадку между двумя этажами. Не могла кричать, так как рот зажали рукой. Парней было двое, оба рослые и сильные. Я совсем не умела драться, но брыкалась как могла.

— Хорош рыпаться, — сказал один из парней.

Меня кинули на лестницу и стали лупить какими-то палками и ногами.

— Давай её отмутузим как следует, чтобы знала, кого обижать можно, а кото нет, — весело произнёс другой парень.

Я кричала, чтобы помогли, но никто не выходил из квартир.

— Тебе просили привет передать, крыса поганая. Знай своё место, нищебродка, такие как ты, достойны богатым только пятки лизать, — зло сказал один из нападавших и больно ударил палкой по руке.

Внезапно руку прострелило дикой болью, и я завыла. Скорее всего, на втором этаже никого не было сейчас, потому что крик послышался сверху.

— Что там происходит?!

— Валим! — заорал один из нападавших.

Ко мне спустился Иван Леонидович, пенсионер, живущий на третьем этаже.

— Олеся, кто тебя избил? — мужичок начал суетиться вокруг меня. — Надо скорую помощь вызвать и полицию.

— Помогите, пожалуйста, до квартиры дойти, я позвоню другу. Я не видела нападавших, они в масках были.

Старичок помог подняться, привёл в квартиру и усадил на кухне. Попыталась дотянуться до телефона, но поняла, что правая рука почти не шевелится и жутко болит.

— Я сам позвоню, скажи, кому набрать.

— Олеся, почему у тебя двери открыты?! Вася чуть не убежал! Что случилось?! — на кухню ворвался Юра.

— Здравствуйте, Юрий, хорошо, что вы здесь. Олеся звала на помощь, я вышел и спугнул хулиганов. Кто-то её сильно избил. Позаботьтесь о ней, ей скорая помощь нужна. Полагаю, у неё одна рука сломана, я немного понимаю.

— Здравствуйте, Иван Леонидович. Спасибо, что помогли ей.

Старичок попрощался и ушёл. Юра сел на соседний стул, принялся расспрашивать, параллельно тыкая пальцами в свой смартфон. Я рассказала, что кто-то представился курьером, а когда я вышла на первый этаж, на меня напали два парня.

— Они в масках были. Я не смотрела этот фильм, но видела маски в интернете. «Крик» называется.

— Вот блин, получается, ты даже цвет их волос полиции сказать не сможешь. Я написал Ратхору, он ответил, что немедленно выезжает. Обязательно нужно в полицию заявить, Олеся, не стоит это так оставлять. С чего эти парни на тебя напали?

— Передали привет от какого-то богача. Артёма же отец лишил квартиры и карманных из-за меня. Может, он подослал? Всё тело болит, а рука особенно. Я сейчас свихнусь от этой боли, — сказала я и громко застонала.

Друг достал аптечку из ящика.

— Выпей обезбол, — он сунул мне в рот таблетку, потом начал поить водой из стакана. — На кровать тебя уложить?

— Не надо, я боюсь пошевелиться. Скорую помощь вызови, — сдавленно сказала я.

— Ратхор написал, чтобы мы не вызывали, если ты можешь терпеть. Он повезёт тебя в частную клинику, в которой сам лечится. Не ожидал, что он будет так о тебе заботиться.

Глава 37

Виражд

Пришло сообщение в мессенджере. Я, как всегда, увидел первую строчку, но такую, что немедленно открыл послание.

«Олесю избили. Возможно, у неё сломана рука. Она еле сидит. Что делать? Скорую вызвать или приедете?» — написал Юра, даже не поздоровавшись.

Тут было не до церемоний, я быстро напечатал в ответ, что если Олеся может терпеть, отвезу её в платную клинику. Уже выезжаю.

Повезло, всё, что я планировал, успел закончить, поэтому предупредил секретаря и заместителя, что меня больше не будет. Уже в машине дал волю злости. Я дурак, стоило отвезти Олесю в особняк ещё утром и только потом ехать в офис. Кто же знал, что это будет? Кто мог избить эту скромную девушку? За что?

Второй раз улыбнулась удача: пробок на дорогах не было, гнал машину на предельно разрешённой скорости. Поставив авто на свободное место у подъезда Олеси, я вышел из салона и постарался успокоиться. Впервые испытывал такие эмоции, хотелось крушить всё вокруг, найти обидчиков любимой и наказать самому.

Юра открыл дверь квартиры. Я поздоровался, не снимая ботинок, зашёл на кухню.

— Олеся сказала, что вы собрались её и Васю забрать к себе. Я приготовил всё, помыл его лоток, положил остатки корма и наполнителя в разные пакеты. Сумку Олеся собрала раньше, — доложил Юра.

— Спасибо. Как ты, Олеся? До машины дойдёшь?

— Голова немного кружится, когда меня толкнули, я ей о край ступеньки приложилась. Дойду, если поддерживать, — сдавленно ответила девушка.

— Я созвонился с клиникой, нас уже ждут, — отодвинул края разорванного платья. — Гематомы по телу пошли. Лицо руками защищала, да?

— Да, но, мне кажется, с правой рукой беда.

— Юра, где Вася?

— Он в переноске сидит. Я возьму пакеты, сумку и Васю. Донесу, не переживайте. Дверь сам закрою. Ведите Олесю к машине, — взволнованно сказал Юрий.

— Спасибо, друг. Я как только смогу, сразу тебе позвоню, — Олеся попыталась улыбнуться.

Вскоре мы с ней сидели в машине и ехали в больницу. Девушка рассказала, как на неё напали.

— О таких случаях в полицию сведения передают. Мы ещё побои зафиксируем, чтобы справку дали. Жаль, что у вас камер нет. Если нападавшие были в таких масках, как ты описываешь, то шанс их найти уменьшается. Дам своей службе безопасности задание искать преступников, я думаю, Артём их натравил на тебя.

— А вас не смущает, что вы сейчас мне помогаете, везёте к себе? Вдруг нападавшие наблюдали и видели, как вы меня из подъезда вывели, — спросила Олеся дрожащим голосом.

— Это всё глупости, моя хорошая. Ты человек небогатый, а ко мне побоятся сунуться. Даже если шантажировать начнут, у меня принцип: никому ничего не платить и разрешить службе безопасности самим всё разрулить. Тебе сейчас стоит подумать о скорейшем выздоровлении, остальное предоставь мне.

Олеся

Я не представляла, как сейчас думать о выздоровлении. Рука болела жутко, голова кружилась. Даже волосы слиплись, Юра говорил, что у меня кровь на затылке.

«Только бы не перелом. Как я буду одеваться и ухаживать за собой? Ещё и правая рука», — с грустью подумала я.

Мы приехали в частную клинику. Ратхор помог дойти до регистратуры, объяснил, кто его ждёт, достал паспорт, который Юра заранее сунул мне в карман. Девушка, увидев моё состояние, тут же сказала:

— Идите в десятый кабинет. Я пока всё оформлю. Будете оплачивать — верну документ.

Я с трудом дошла до кабинета, там принял пожилой седовласый мужчина в зелёном врачебном костюме. Он аккуратно осмотрел меня и вынес предварительный вердикт.

— Голову нужно обработать и зашить, там ничего серьёзного. Рука, похоже, сломана, сделаем снимок. Желательно девушку на томограф отправить, стоит исключить внутренние кровотечения.

— Я заплачу, Денис Валерьевич, делайте всё, что нужно, — ответил Ратхор.

Меня повели в другой кабинет на томограф, там женщина средних лет помогла лечь на специальную кушетку и ушла. Пришлось вытерпеть долгий треск и писк из штуки, под которой я проезжала. Голова и без того болела, а тут показалось, что она лопнет, словно воздушный шар.

Всё закончилось, но ведь это было только обследование. Денис Валерьевич посмотрел заключение и покачал головой.

— Хорошо, что только гематомы на теле. Кровотечения нет, но рука сломана, как я и предполагал. Предлагаю наложить специальную лангету, это лучше гипса, в ней можно мыться, но стоит дороже.

— Может, гипс тогда? — промямлила я.

— Не слушайте её, обрабатывайте, зашивайте, ставьте лангету. Вы хирург, вам виднее. Мы приедем домой, и ей нужно помыться, — спокойно произнёс Ратхор.

Медсестра стала заполнять справки и выписки. Доктор отвёл в процедурный кабинет, приступил к делу. В первую очередь вколол обезболивающее, а потом сделал остальное. Через какое-то время всё завершилось, я подумала, что прошла целая вечность.

— Таблетки пить днём при боли. На ночь, если будет сильно болеть, укол можно сделать. Мазью обрабатывайте синяки. Голову можно мыть, но осторожно, чтобы швы не разошлись, они потом сами рассосутся. Руку держите на перевязи, её в аптеке купите, — говорил врач, когда отдал рецепт.

— Хорошо, Денис Валерьевич. Уколы внутримышечно я делать умею. Спасибо вам за помощь.

Ратхор забрал всё, что отдала медсестра, мы попрощались и ушли. После укола я чувствовала себя лучше и шла бодрее.

— Тут рядом аптека. Посажу тебя в машину и куплю лекарства, — почти командным тоном сказал Ратхор.

— Я буду ждать. Куда денусь в таком состоянии. Телефон помогите в сумке достать, я позвоню Юре.

— Сейчас наберу с моего, включу громкую связь и положу на приборную панель.

Юра ответил почти мгновенно.

***

Мы приехали в дом Ратхора. Он первым делом выпустил Васю из переноски, а тот с важным видом пошёл обнюхивать комнаты, совершенно не пугаясь.

— Кот гораздо смелее тебя, наглый такой, — захохотал Ратхор, когда любимец почесал когтями стену.

— Вася, нельзя, — попыталась урезонить его я.

— Оставь, у меня же нет обоев, я их не люблю. А вот животных обожаю, просто кошку не заводил, мне собаки хватает.

Ратхор помог дойти до кухни, посадил на стул, потом он первым делом поставил миски с едой для Василия, для лотка нашлось место в холле. Я надеялась, что кот поймёт, в каком месте теперь его туалет, и не будет гадить где попало, хотя за ним такого никогда не наблюдалось.

— Сначала идём мыться, потом в кроватку, — заявил Ратхор, когда снова пришёл на кухню.

— Хорошо, доведите меня до ванной, — вздохнула я.

Я валялась на заплёванной подростками лестнице и жутко хотелось оттереть себя от грязи. Только сейчас я осознала, что предстала перед доктором в непотребном виде, с порванным платьем. Впрочем, в моём состоянии лучше переодеться один раз, чем несколько за пару часов. Ещё я расстраивалась из-за денег, которые мастер в очередной раз потратил на меня. Какая из меня саба, если я только и умею, что доставлять неприятности и тянуть с Ратхора деньги? Получалось не специально, но всё равно было стыдно.

Щёки залил румянец, Ратхор начал раздеваться при мне.

— Вы зачем?

— Ты не можешь мыться сама. Рука не работает, а ещё тебя шатает. Доктор сказал, завтра головокружение пройдёт, но всё равно я буду за тобой ухаживать.

— Я сама, как-то, — я здоровой рукой стала расстёгивать уцелевшие пуговицы на платье, но ничего не получалось.

Ратхор подошёл, взял за подбородок и поднял голову.

— Тут нечего стесняться, моя хорошая. Это просто помощь. Ты не сможешь сейчас за собой ухаживать. В туалет хочешь?

Я кивнула, и меня отвели. Мастер вышел, потом снова забрал меня в ванную и принялся раздевать. Сам он уже стоял в одних боксёрах. Я старалась не смотреть на его голое тело, но взгляд притягивало к нему как магнитом.

— Купил в аптеке мочалку-рукавицу, она мягкая, из микрофибры. Как раз тебе такая сейчас нужна. Идём, — мастер поволок меня в кабинку.

Я дала себя увести, хотя паника поднимала голову. Мы спокойно поместились в душевой, но между нами оставалось не так много места.

— Я сама, я смогу, честно. Вы можете идти, господин Ратхор, спасибо за помощь, — начала причитать я.

— Вирадж, — неожиданно сказал мастер.

Это как будто переключило мою панику, и я спросила удивлённо:

— Что?

— Я сказал, что меня зовут Вирадж. Давай без лишней церемонии и на «ты».

— А как же контракт? Там же…

— Контракт подписан, и в наших с тобой играх, как и на работе, ничего не меняется. Когда мы просто вдвоём, можешь звать по имени. Олеся, не нужно бояться, сейчас наша задача — максимально быстро помыться и лечь, потом я приготовлю ужин.

Я кивнула, не в силах ничего сказать. Ратхор полил на голову немного шампуня, стал аккуратно мыть, затем нежно прошёлся мыльной перчаткой по всему телу. Я зажмурилась сильнее, когда рука коснулась груди и живота. Хотелось исчезнуть, раствориться словно утренний туман: меня моет мужчина, и это приносило смешанные чувства — от бессилия и стыда до крошечных восторгов.

— Тебе плохо? — спросил мастер.

— Нет, но… Стыдно очень.

— Со временем пройдёт. Теперь я буду помогать, пока лангету не снимут. Не вздумай возражать, мне нетрудно. Помни всегда, что ты мне нужна, даже такая беспомощная, как сейчас. Смываем воду и идём вытираться. Я одену тебя в спальне.

Ратхор так и мылся в боксёрах, поэтому он отвернулся, стянул их с себя и надел халат, только потом принялся аккуратно вытирать полотенцем мои волосы и тело. Мы пошли в комнату, но я застыла на пороге.

— Это ваша спальня. Зачем мы тут? — удивилась я.

— Не хочу оставлять тебя ночью одну. Тебе может стать плохо, а из-за своей скромности ты не позовёшь на помощь. Не переживай, кровать большая, и мы будем спать под разными одеялами. Садись, я помогу тебе одеться. Сейчас всё принесу.

Ратхор усадил меня на край кровати и ушёл. Я ошарашенно смотрела на обстановку. Знала, что это комната мастера, но никогда тут не была.

Мы будем спать вместе, сейчас это казалось логичным. Вдруг действительно будет плохо и потребуется помощь? Я решила не отказываться от предложения, ведь его сделал мастер, а он никогда не причинял мне вреда.

Глава 38

Я проснулась одна, Ратхора уже не было в кровати. Время показывало девять утра. Я поднялась и, слегка пошатываясь, пошла в уборную. Встав рядом с унитазом, я развязала шнурок на штанах, и те спланировали на пол.

Плохо, что на них не было резинки. Вчера я легла спать не в пижаме из кашемира, а в той одежде, в которой должна была ходить днём. Ратхор ещё и трусы на меня не надел, заявив, что сейчас не нужно ничего, что будет натирать синяки на коже и приносить боль.

Сделав дела, я попыталась наклониться и поднять штаны, но голова закружилась, пришлось опереться ладонью о стену, чтобы не упасть. Мне стало стыдно, что придётся звать на помощь.

— Господин Ратхор! — крикнула я, но никто не пришёл, пришлось ещё раз позвать, но опять тишина. — Виражд!

Я решилась назвать его по имени, и мастер появился, будто ждал за дверью.

— Что случилось?

— Я не могу штаны надеть, — краснея, промямлила я. — Доброе утро.

— Доброе утро, моя хорошая. Я тебе помогу.

Мастер поднял домашние брюки, потом встал сзади почти вплотную и принялся завязывать. Я чувствовала тепло его груди спиной и как волосы на затылке шевелит дыхание.

— Сейчас пойдём умываться, потом завтракать. Прости, но я уже поел, не встаю так поздно, даже в выходной. Тебе можно спать сколько угодно, ты должна набираться сил.

— Вы… Эм… Ты ходил в душ? От тебя пахнет гелем, — спросила я.

— Я утром был на пробежке и вспотел, пришлось мыться. Тебе не обязательно каждый день это делать. Мне нравится аромат твоей кожи, — Ратхор зачем-то отодвинул мои волосы и понюхал за ухом.

По моему телу поползли мурашки, но я не сказала бы, что было неприятно, скорее непривычно.

Ратхор аккуратно взял меня под руку, которая не была сломана, потом повёл в ванную. Тут он сам выдавил зубную пасту на новенькую щётку и подал, затем налил стакан тёплой воды и поставил на раковину.

— Умывайся, я постою рядом, потом пойдём завтракать. Сегодня на завтрак блинчики с творогом, они магазинные, но вполне съедобные.

— А тебе на работу не нужно? — спросила я.

— Ты забыла, что я в отпуске? Четыре года полноценно не отдыхал, теперь решил немного расслабиться. У меня заместитель талантливый, он не подведёт.

— Хороший отдых — ухаживать за мной, — с грустью сказала я, когда уже почистила зубы и умылась одной рукой.

— Не думай, что ты для меня обуза, Олеся. Позволь, я сам тебя расчешу. Нужно очень аккуратно, чтобы швы не повредить.

Я кивнула, давая за собой ухаживать. Сейчас я чувствовала, что получаю тепло и заботу, которой была лишена когда-то. Имею ли я право на это? Почему этот красивый мужчина так нежен со мной? Почему у него нет девушки? Если бы была, то он не проводил бы столько времени рядом, а уходил бы на свидания или приводил даму на ночь.

— Ты кусаешь губы, что-то хочешь спросить?

— Только не сердись, Виражд. У тебя есть девушка? — решилась спросить я.

— У меня нет девушки. Идём завтракать, моя хорошая.

Пока мы шли до кухни, я размышляла над тем, может ли мужчина называть меня «моя хорошая»? Пришла мысль, что отец к дочери, безусловно, имеет право так обращаться, но мы с Вираджем даже не дальняя родня и не возлюбленные.

Тут было что-то не так, но из-за неопытности в отношениях я не могла уловить, что именно. Вирадж в прямом смысле ко мне не приставал, не требовал переспать с ним. Все эти касания, через которые я прошла, казались логичными. И всё же я к ним привыкла, научилась не бояться и не дрожать, наоборот, мне было приятно, когда Вирадж лёгким движением поправлял позу во время игры.

Вот и сейчас, после завтрака, он аккуратно смазывал мои синяки мазью. Пальцы мужчины были тёплые, а прикосновения лёгкие и нежные. Я сидела на краю кровати и чувствовала теплоту на душе. Я дура, если осмелилась влюбиться в Вираджа, ведь он может выгнать, как только узнает.

Я целый день валялась в постели, вставала только в туалет и на обед с ужином. Спасала игрушка в телефоне и дневной сон.

Мастер сказал, что он будет в библиотеке делать корабль. Я хотела бы посмотреть на это, но из-за лёгкого сотрясения мозга не могла долго сидеть.

Вечером разболелась рука. Вирадж приказал лечь на бок, потом оголил ягодицу и сделал обезболивающий укол.

— Вирадж, а ты чего-то не умеешь делать? — с улыбкой спросила я. — У меня такое впечатление, что ты можешь буквально всё, словно волшебник.

— Летать точно не умею, — захохотал мужчина. — Я помогу тебе пижаму надеть, так тебе будет комфортнее.

После того как мастер уложил меня, он выключил свет, оставив только ночник на прикроватной тумбе.

— Прости, но я ночью плохо спал. Мне не комфортно в одежде, — Ратхор отвернулся и стал снимать с себя всё.

Я пялилась круглыми глазами на идеальную спину, на красивые ягодицы. Почему-то во рту набралась слюна, будто я смотрю в витрину на кусок торта. Я шумно сглотнула.

— Я чувствую, как ты на меня смотришь, — констатировал факт Вирадж.

— Мне нельзя? — смутилась я.

— Тебе можно и чуточку больше, но не сейчас, — мастер сначала сел на кровать, потом прикрыл пах одеялом и начал ложиться.

«Интересно, какой у него… От чём ты думаешь, Олеся, ты даже не знаешь, какой он веры. Тебе не стыдно?!» — витали в голове мысли.

— А можно вопрос? Какой ты веры?

— Я последователь Рамананди.

— А это как? Я никогда о таком не слышала.

— В индуизме много богов: Шива, Вишну, Ганеша… А я из тех, кто только Раме поклоняется. Рамананди — это значит, преданный Рамы, — ответил Ратхор.

— А, то есть как бы индуист, но с конкретным богом?

— Да, типа того. У нас в индуизме каждый может выбрать, кто ему ближе. Некоторые почитают сразу всех богов. Ты сама в бога веришь?

— Не знаю, но я крещёная. Отец говорил, что мне ещё года не было, когда крестили, — вздохнула я. — Глаза слипаются. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

***

Ночью мне приснился страшный сон. Я снова в горящем доме, подбегаю к родителям и зову, а они не откликаются. Внезапно меня начали легонько тормошить, и я проснулась.

— Ты кричала во сне. Опять плохой сон?

— Я видела, как родители лежат мёртвые, а вокруг всё горит, — дрожащим голосом сказала я.

Вирадж вытер мои слёзы со щёк.

— Иди ко мне, моя хорошая, рядом со мной тебе будет не страшно.

Мастер немного откинул своё одеяло, я поколебалась и всё же придвинулась ближе. Я могла лечь на бок, что и сделала. Вирадж уложил мою голову на свою грудь и обнял одной рукой. Я почему-то вздрогнула.

— Не бойся, я не кусаюсь. Спи спокойно.

Прикрыла глаза и подумала о том, как у этого человека получается прогнать мой хаос в голове. Я чувствовала себя гораздо лучше с Вираджем и спала спокойно. Иногда бывают кошмары, а у кого их нет?

Глава 39

Олеся

Я проснулась потому, что захотелось в туалет. Осторожно выбралась из кровати и пошла в уборную. Внезапно из одной комнаты, куда мне было запрещено заходить, послышался голос Вираджа.

— Шри Рам, Джай Рам, Джай, Джай Рам… — тихо повторял он.

Я невольно заслушалась. В его голосе было что-то успокаивающее, почти гипнотическое. Но вскоре всё стихло, и я продолжила путь.

Хорошо, что пижамные штаны были на резинке, не пришлось возиться и поднимать их с пола одной рукой. Я поняла, что мастер молился или проводил какой-то ритуал, и даже обрадовалась, что не стала ему мешать.

Спать уже не хотелось, поэтому я решила умыться. Никогда бы не подумала, что делать привычные вещи одной рукой настолько неудобно и долго.

Когда я уже умывала лицо, в ванной появился Ратхор.

— Подождала бы меня, я бы помог, — сказал он с улыбкой. — Доброе утро.

— Доброе утро. Я услышала, что ты молишься, и решила не отвлекать. Уже почистила зубы и умылась.

— Я сегодня недолго, потому что оставлять тебя одну пока не стоит. У тебя ещё кружится голова, но через несколько дней всё окончательно пройдёт. Если ты действительно умылась, пошли мазать твои синяки.

Я повернулась к Ратхору, посмотрела на него и ничего не сказала. Сегодня был мой день рождения, но выпрашивать поздравления не собиралась. Подарки мне всё равно были не нужны.

Самым лучшим подарком в моей жизни стало появление Ратхора. Он убрал лишний шум и постоянную панику из моей головы. Это работало не всегда, но жить стало намного легче, я хотя бы снова начала нормально спать по ночам.

Вернувшись в спальню, села на край кровати, а Вирадж принялся осторожно водить по моей коже тёплыми, влажными от геля пальцами.

Вирадж

Это было невыносимо, прикасаться к Олесе вот так и не иметь возможности позволить себе нечто большее. Мне хотелось коснуться её губ сначала осторожно, почти невесомо, чтобы не спугнуть, а потом показать всю страсть, на которую я был способен.

Я видел, как постепенно она привыкала к моим прикосновениям. Уже не смущалась по вечерам, спокойно позволяла переодевать себя ко сну и даже засыпала у меня на плече после кошмаров.

Олеся медленно, но верно, начинала понимать: мои руки могут дарить тепло и ласку, а не причинять боль. Нужно было лишь немного подождать, пока её сознание и тело окончательно придут в норму, пока нервные окончания снова начнут правильно откликаться на прикосновения.

Я замечал, как она закусывала губу, когда мои пальцы задерживались на коже слишком долго. В такие моменты я уже почти не размазывал гель — скорее ласкал её. Олеся не понимала, что это было чуточку большим, чем простая помощь больной.

А я прекрасно осознавал, что делаю, и начинал возбуждаться. После долгого воздержания рядом со мной находилось настолько желанное, обнажённое тело. Как я вообще должен был реагировать?

Олеся сидела, прикрыв пах ладонью. Её скромность поражала. В двадцать три года она всё ещё пыталась спрятаться даже от меня.

— Я тебя одену, и мы пойдём завтракать, — сказал я, отстраняясь и стараясь взять себя в руки.

Я вытер пальцы влажной салфеткой, осторожно надел на неё рубаху, затем быстро натянул штаны и завязал пояс.

— Мне нужно в туалет. Подожди здесь, хорошо?

Она кивнула, а я поспешно вышел из комнаты, надеясь, что бугор под тканью штанов остался незамеченным.

В итоге пришлось удовлетворить себя руками, как в юности. Я давно такого не делал, но сейчас не хотел даже думать о другой женщине. Мне нужна была только Олеся, и я был готов подождать ещё немного.

Когда я вернулся в спальню, она сидела с телефоном и улыбалась, читая сообщения.

— Юра пишет? — спросил спокойно.

— Он прислал голосовое. Спрашивает, как мои дела. Я уже ответила.

И тут её взгляд стал грустным. Я сразу понял, о чём она подумала. Наверное, решила, что Юра вспомнил про её день рождения, а я забыл, но это совсем не так. Подарок я приготовил давно, а торт доставили ещё вчера вечером, пока Олеся спала и ничего не видела.

Олеся

Я зашла на кухню, опираясь на Вираджа, и сразу замерла. На столе стоял торт, не магазинный, это было видно с первого взгляда. Аккуратный, красивый, явно сделанный вручную. Посередине торчали две свечи в виде цифр.

Вирадж осторожно усадил меня за стол, потом зажёг свечи. А уже через секунду обнял сзади так бережно, словно боялся причинить боль.

— С днём рождения, моя хорошая, — тихо произнёс он мне на ухо. — Загадывай желание и задувай.

Я пожелала только одно, чтобы мы с мастером не расстались. Даже если между нами ничего не будет и мне придётся любить его молча, всё равно хотелось остаться рядом. Я уже понимала, что не смогу без поддержки Вираджа, без наших игр и даже без шибари.

Когда свечи погасли, он чуть отстранился.

— А теперь мой подарок. Раньше я хотел красиво всё упаковать, но ты пока можешь пользоваться только одной рукой, поэтому решил не усложнять.

Вирадж передвинул торт на середину стола, а через пару секунд поставил передо мной красивую, большую шкатулку, сделанную в виде комода.

— Тут каждый ящик открывается. Это подарочный набор. Посмотри.

Я осторожно выдвинула верхние ящики. В одном лежали линеры разных цветов, в другом — профессиональные карандаши с серым и чёрным грифелем. Ниже оказались фломастеры и цветные карандаши для художников, а в самом нижнем большом ящике — несколько настоящих скетчбуков.

— Это же подарочный набор художника! Ты вообще понимаешь, сколько он стоит?! — вырвалось у меня.

Я посмотрела на логотип линеров и сразу узнала фирму. Германская. Я видела такие наборы на специальных сайтах — самый дешёвый стоил около шестидесяти тысяч.

— Разумеется, понимаю. Я ведь его покупал, — рассмеялся Вирадж и осторожно взъерошил мне волосы. — Не думай о деньгах, милая. Считай это вкладом в твою терапию. Я же вижу, что тебе становится легче, когда ты рисуешь.

— Спасибо, Вирадж. Ты не представляешь, как я счастлива. А когда у тебя день рождения? Я бы тоже придумала подарок.

— Пятого октября. Надеюсь, к тому моменту у тебя окончательно восстановится рука. Хочу, чтобы ты нарисовала для меня какой-нибудь пейзаж. Я повешу его на стену в спальне. Потом куплю тебе холст и краски.

— Хорошо. Если ты хочешь такой подарок, я сделаю. Знаешь, иногда я жалею, что не пошла по настоянию учителя в институт искусств. Хотя мне и на своей работе хорошо. Люблю чинить компьютеры и искать баги в программах, — сказала я с лёгкой грустью, но тут же улыбнулась. — Хочу торт.

— Сейчас будем пить чай. Нужно только воду подогреть.

Вирадж включил газ под чайником и начал нарезать торт. А я смотрела на него и снова понимала, что любуюсь.

Когда рука заживёт, я обязательно нарисую его карандашами из этого набора. Раньше мне всегда было жалко денег даже на простые материалы для художников, поэтому я рисовала детскими фломастерами и дешёвыми красками.

В этот момент на кухню притопал кот и начал тереться о ноги Вираджа.

— Вася, проголодался? Сейчас положу тебе паштет, — улыбнулся он.

Даже кот в этом доме был окружён заботой: ел дорогой корм, спал в кресле в гостиной, гулял во дворе. Мебель при этом не драл, точил когти только о свою когтеточку. Я вдруг ясно поняла, что Вирадж действительно любит животных.

— Собаку я уже покормил и собирался пойти гулять. Пойдёшь со мной? — спросил он, когда мы закончили есть.

— Конечно. Посидим в беседке. Вирадж, а мы можем потом посмотреть кино?

— Разумеется. Сегодня твой день, и я готов выполнить любое желание. В пределах разумного, конечно, — усмехнулся он. — Сейчас ещё закажу еду из ресторана на обед и ужин. Мне надоело готовить. Подожди немного, я быстро сполосну посуду. Не люблю хаос на кухне. Завтра придут из клининга. Не самому же мне полы мыть?

— А Кедар и Дивья? Когда они вернутся?

Только после вопроса я приняла таблетки, которые он протянул.

— Они звонили вчера. У Кедара дедушка совсем плох. Врачи уже больше месяца не дают. Никаких надежд на улучшение нет. Я разрешил им остаться и приехать после похорон, выслал деньги.

Я поднялась со стула, Вирадж подошёл ближе, обнял меня.

— Нам ведь хорошо вдвоём, правда? — тихо спросил он, нежно поглаживая мою щёку.

— Я… — смутилась и не знала, как реагировать на эту ласку. — Я соскучилась по нашим играм.

— Пока нельзя. Когда пройдут синяки и головокружение, даже со сломанной рукой что-нибудь придумаем. Ты сегодня такая красивая… У тебя глаза светятся от счастья. Я рад, что смог угадать с подарком.

— А это правильно, что ты меня сейчас обнимаешь? — неожиданно даже для самой себя спросила я и тут же зажмурилась от стыда.

— Посмотри на меня, Олеся, пожалуйста, — мягко попросил Вирадж, и я подчинилась. — То, что делаю я, для меня правильно. А как для тебя, ты должна решить сама. Подумай над этим.

После этих слов он отстранился и пошёл мыть посуду, а я так и осталась стоять посреди кухни, ошеломлённая. Он сказал, что для него правильно, вот так обнимать меня. Что это вообще значит?

Почему меня так тянет к нему? Почему рядом с Вираджем становится спокойно и страшно одновременно? Почему мне снились сны, в которых он прикасался ко мне совсем не так, как мастер к ученице? И самое страшное, мне это нравилось.

Глава 40

Уже шесть дней живу в особняке Ратхора. За это время мы смотрели вместе кино, гуляли на улице. Я сидела в беседке или на шезлонге, пока мастер бегал или плавал. Мне удалось даже немного позагорать, потому что здесь было не так стыдно снять с себя одежду и остаться только в купальнике.

Ратхор не касался меня больше, чем необходимо для помощи, только ночью мог перевернуться набок и осторожно обнять. Я второй раз мылась вместе с ним и уже не стеснялась, как в первый.

Мы готовились ко сну, пошли в душ вместе в третий раз. Мастер, как и всегда, помог раздеться, но в кабинку я зашла сама, голова уже не кружилась, и синяки стали исчезать.

— Нечестно, я голая, а ты всё время моешься в плавках, — ляпнула я и только потом поняла, что сказала.

— Я сниму плавки, но с одним условием: ты позволишь мне сегодня помыть тебя голыми руками.

Решение давалось с трудом. С одной стороны, было неловко, а с другой — я уже привыкла к прикосновениям мастера и хотела их. В голове стали роиться мысли. Подсознание кричало, что так нельзя, это уже не помощь больной.

«Мастер не сделает ничего, что мне не понравится. Он, как всегда, не станет принуждать», — я осадила разбушевавшиеся нервы и кивнула.

Вирадж снял плавки, кинул на пол, потом зашёл в кабинку. Я несколько секунд пялилась на его бритый пах, а потом смутилась. Сама никогда ничего не брила, и теперь казалось, что выгляжу неряшливо.

— А это обязательно сбривать там волосы? — спросила я.

— Только если ты сама хочешь. В следующий раз можем намазать кремом для депиляции, это безболезненно удаляет волосы, — совершенно спокойно ответил Ратхор.

— Хочу, чтобы так же, как у тебя. Ты очень красивый. Ой, я не должна была этого говорить, — я зажала рот ладонью.

— Со мной ты можешь не думать о запретах. Помнишь, после подписания контракта я сказал, что у тебя не должно быть от меня секретов. Ты можешь мне рассказать всё, что у тебя на душе. Я рад, что моё тело кажется тебе красивым. Ты тоже красивая, Олеся, — Ратхор погладил мою щеку.

— Это неправда, я уродина, — насупилась я.

— Эй, когда я тебе врал? — Вирадж щёлкнул меня по носу и потянулся к полочке, чтобы взять шампунь.

Я прикрыла глаза, когда мои волосы стали аккуратно мыть. Прикосновения были настолько нежными, что я почувствовала, как впервые балдею от этого.

Ратхор переместился и теперь стоял за моей спиной, я распахнула веки в изумлении. Зачем мастер спрятался за моей спиной? В следующую секунду все мысли вылетели из головы: он начал мыльными руками гладить кожу на шее, а потом и груди.

Я не понимала, что происходит, казалось, что мастер вовсе не пытается помыть, а ласкает. Ладони несколько раз прошлись по соскам, вызывая новые ощущения, которые я никогда не испытывала.

— Я… Мне очень приятно, я не понимаю, что происходит? — решилась спросить, не в силах повернуться и глянуть на мужчину, который стоял сзади.

— Твой мозг впервые учится жить без паники. Сейчас нервные окончания посылают к нему сигналы возбуждения, — Вирадж покрутил мои соски скользкими пальцами, потом спустился к животу.

— Зачем вы это со мной делаете? — я нервно сглотнула. — Неужели я могу кому-то нравиться?

— Можешь, — Вирадж притянул меня ближе, я почувствовала в районе поясницы его увеличившийся член.

— Теперь понимаешь, как я тебя хочу. Я уже говорил, Олеся, для меня правильно всё, что я делаю. Правильно ли это для тебя, ты должна решить сама. Если ты скажешь, чтобы я остановился, я никогда больше не прикоснусь с вожделением. Это будет тяжело, но мы останемся только как мастер и его подопечная, — Ратхор продолжил гладить мою грудь и живот.

— А если я соглашусь на… Ой, возбуждаюсь… Я не хотела…

— Тише, не паникуй, всё хорошо. Я люблю тебя, моя хорошая. Если ты позволишь мне помочь тебе, буду счастлив. Только знай, потом мы перейдём на другой уровень наших отношений. Настоящего секса не будет, пока ты сама не захочешь, можно пока ограничиться ласками.

Ратхор говорил нежно, при этом принялся целовать мои голые плечи. Поняла, что возбуждаюсь ещё сильнее, и тихо простонала, не веря, что это именно я сейчас млею в руках мужчины, как в своих снах. Теперь это не страшно, ведь меня ласкают руки мастера, которому я научилась доверять.

— Согласна на помощь, — почувствовала, что краснею.

Вирадж развернул меня к себе, потом снова обнял и спросил:

— Ты разрешишь мне тебя поцеловать?

— Я никогда не целовалась. Я ещё девственница, — заявила я и зажмурилась сильнее.

— Пора потихоньку это исправлять.

Я почувствовала, как нежно моих губ касаются другие, поцелуй был почти невесомый, но через пару секунд стал настойчивее. Я раскрыла рот, позволяя больше, не знала, правильно ли делаю, но решила расслабиться и довериться опытному человеку.

Здоровая рука сама потянулась к Вираджу и обняла. Пальцы впились в кожу на его спине. Я и не предполагала, что со мной это произойдёт, но отстраняться не хотелось.

Вирадж полил на руку гель и снова полез целоваться. Потом его рука скользнула между моих ног, и он начал ласкать. Я почувствовала, что по телу лавиной течёт возбуждение, вытесняя из головы ненужные мысли.

— Ты не представляешь, как я тебя люблю. Спасибо, что доверилась мне. Я долго этого ждал, моя хорошая, — проворковал Вирадж. — Ты для меня особенная, та, с кем хочется остаться навсегда.

Эти слова добавили уверенности, что я тоже кому-то нужна на этом свете. Гель смылся водой, но Вирадж не переслал ласкать меня. Внезапно мир вокруг расплылся цветными пятнами, меня затрясло, и я протяжно застонала, кончая.

— Олеся, какая же ты сладкая, — почти пропел мастер.

— Я никому не смогу доверять как тебе, ты для меня тоже особенный, Вирадж. Спасибо, что появился в моей жизни, — решилась на откровения, ткнувшись лицом в грудь Ратхора.

— Я счастлив, моя хорошая. Теперь давай закончим мыться и в кроватку, — улыбнулся мастер.

Глава 41

Виражд

Я, как всегда, встал раньше Олеси. Уже успел помолиться, сходить на пробежку, а теперь готовил завтрак. Субботу и воскресенье мы провели с Олесей не дома, ездили в дом отдыха у озера, где были уютные домики. Туда приезжали рыбаки, влюблённые парочки или семьи с детьми.

На нас не обращали внимания, потому что принимали за очередных влюблённых. Олеся в первые часы нервничала, но потом привыкла. Мы взяли удочки в аренду, я наловил немного рыбы, делая вид, что мы просто приехали на рыбалку. В другое время гуляли по лесу, собрали немного грибов. Даже нашли несколько кустов черники, на которых остались никем не тронутые ягоды.

Я сказал, что это сессия. Олеся должна выполнять команды. Всё было просто: указание не нервничать, посидеть на веранде дома, пройтись по берегу озера на виду у всех. Девушка заново училась жить среди людей и не бояться чужих взглядов. Она и раньше потихоньку начинала привыкать к прогулкам или походу в кафе, а тут я попросил её быть на виду практически целый день. Когда в воскресенье вечером мы отправились домой, Олеся даже уезжать не хотела.

Начинался жаркий день, я надел шорты и стоял у плиты без рубашки. Олеся подошла, обняла меня одной рукой и поздоровалась.

— Доброе утро, моя хорошая, — я наклонился и полез целоваться.

— Я долго спала, — сказала Олеся, когда я отстранился, чтобы перевернуть оладьи.

— Ничего подобного, просто я привык вставать в одно время, даже когда в отпуске. Мы вчера до часу ночи занимались любовью, поэтому ты только проснулась. А ещё у тебя за два дня было больше впечатлений, чем за последние несколько лет, мозг перетрудился и решил отдохнуть.

— Спасибо тебе за эти два дня. Я как будто учусь жить заново. С твоей поддержкой у меня всё получилось. Хотелось бы приехать туда и действительно порыбачить, ведь только ты это смог, — Олеся села за стол.

— Мы съездим, когда у тебя рука заживёт. В следующем году поедем в Таиланд.

— Ты уже на год вперёд планируешь? — удивилась Олеся.

— Почему бы и нет. Я не собираюсь с тобой расставаться, но есть одно условие, — я выключил плиту, поставил тарелку на обеденный стол и подошёл к Олесе.

— Какое условие? — нервно спросила Олеся.

— Ты переедешь жить ко мне и уволишься из моей фирмы.

— Как это уволишься? Я же не могу без работы, мне Васю кормить надо. И что ты мне предлагаешь, сидеть на твоей шее?

Я сел перед девушкой на корточки и погладил её ноги.

— Олеся, пойми, мы не можем работать вместе. Рано или поздно проколемся, и наша связь станет очевидна. Помнишь, я вчера разговаривал по телефону с Костей Ногинским, своим другом?

— Да, я помню.

— У Кости помимо оптовой торговли и клуба есть доля в одной студии разработки игр. Несколько ребят в прошлом году обратились к нему как потенциальному инвестору, и он согласился вложиться. За год студия набрала обороты. Их первая онлайн-игра вышла в топ. Костя вчера пожаловался, что парни сейчас ищут хорошего художника, у них есть, но его переманили работой за границей.

— Я умею работать в программах для художников. Хорошо обращаюсь с графическим планшетом. Мне учитель рисования подарила тайком на мой выпускной дешёвый планшет, но он в прошлом году сдох, — на последнем слове Олеся вздохнула.

— Давай покушаем, потом я тебя переодену. Надеюсь, ты умылась?

— Да, я умылась.

Я налил нам по кружке кофе и сел напротив.

— Они сейчас заканчивают работать над очередной игрой, ещё полтора месяца будут дорабатывать её. К этому времени твоя рука заживёт, и ты сможешь потихоньку её разрабатывать. В это время можно делать посильные задачи левой рукой.

— Так, они меня и взяли, ага, — насупилась Олеся.

— Прости, но я вчера вечером тайком сфотографировал твои рисунки и выслал Косте.

— Я готова попробовать, Вирадж, но мне всё же страшно, — откровенно сказала Олеся.

— Я понимаю, милая. Новые люди, новые знакомства. Тебе первое время будет тяжело, но ты быстро привыкнешь. Мы с тобой продвинулись далеко в плане твоей коммуникации с внешним миром. Ребята там работают молодые, самому старшему двадцать пять сейчас. Я уверен, вы сможете подружиться.

— Давай попробуем. Я бы хотела совмещать работу на компьютере и художку. Никогда не думала, что можно устроиться в студию разработки игр, у меня специального художественного образования нет.

— Погоди, звонят.

Я поговорил со следователем, и тут же позвонил Костя.

— Мы приедем, в два часа. У нас в двенадцать опознание. Хорошо, Костя, жди нас, — я отключился и добавил: — Вау, Олеся, сегодня ты прямо популярна.

Олеся смотрела на меня с тревогой.

— С чего я вдруг популярна?

— Ты только не волнуйся, но нам нужно на опознание. Парни, которых видели у твоего подъезда, сознались в твоём избиении. Они на днях вышли из ломки, когда увидели то, что заснял на видео свидетель, признались.

— Стоп. Они знали, что это я. Выманили меня в подъезд, кто-то им дал наводку, — возразила Олеся. — И кого я могу опознать? Я же их лиц не видела.

— Опознание будет по голосу. У следователя узнаем подробности дела, потом поедем в студию — ребята и Костя хотят с тобой познакомиться. Просили привезти все рисунки, которые у тебя есть. Придётся к тебе домой заехать.

— Альбомов у меня полно, — махнула рукой Олеся и продолжила есть.

Олеся

Мы приехали в полицию. Сначала беседовали со следователем. Валентину Игоревичу Фролову было сорок лет, и он выглядел уставшим.

— Парни говорят, что были под кайфом, искали деньги. Им предложил тебя избить какой-то парень. Фоторобот они составили я покажу. Вы должны попытаться опознать их по голосу, — сказал Фролов.

— Я попробую, — сказала я тихо.

— Ввиду вашего заболевания мы решили дать вам послушать аудио, а не приглашать преступников. Господин Ратхор, сядьте, пожалуйста, на стул в том углу и ни на что не реагируйте, это очень важно. Сейчас придут понятые и начнём.

Я осталась сидеть у стола, старалась успокоиться, чтобы всё прошло хорошо. Присутствие Вираджа очень помогало. Пришли понятые, следователь дал послушать три записи, потом ещё три. Я с уверенностью назвала голоса тех, кто меня избивал, казалось, я запомнила их на всю жизнь. Потом я знала на фотороботе Артёма и началась процедура оформления протокола.

— Прочитайте, Олеся Сергеевна. Если всё верно, подпишите, — попросил Фролов.

Я подписала, потом свои автографы, поставили понятые и ушли.

— Спасибо за сотрудничество со следствием, вы тоже можете идти.

— А я правильно угадала? — спросила, вставая со стула.

— До суда я не имею права вам об этом говорить.

Мы попрощались с Фроловым и ушли. Я вздохнула с облегчением, теперь осталось дождаться суда. Я верила, что мои обидчики будут наказаны.

Через какое-то время я уже знакомилась с ребятами в студии и Константином Михайловичем. Со всеми познакомились. Ребята оказались добродушные, улыбались, сказали, что общаются по-простому, так как команда.

Удивительно, но студия была в небольшом кирпичном складе, расположенном в черте города. Помещение было единым и поделено на условные зоны. В середине стояли столы с мониторами. В одном из углов — зона отдыха, в другом — стол и стулья вокруг, там принимались важные решения. Имелись двери в туалет и даже душевую комнату. У стен — несколько удобных диванов, на которых при желании можно было спать.

Все расположились в зоне приёма решений, я положила стопку своих блокнотов на стол. Ребята взяли по одному, стали листать.

— Вас всего пятеро тут работает? — спросила я.

— Да, но Денис доделал свою часть работы и через неделю уезжает. Если что, он поможет нам удалённо, но думаю, накладок не будет. Нам остались последние штрихи, а потом прогнать игру на последние баги, — ответил парень, который до этого представился Валерием.

Среди парней была девушка с ярко-рыжими дредами, по имени Жанна, она неожиданно воскликнула:

— Смотрите, ребята, это же монстр, которого мы искали для новой задумки. Олеся, ты нарисуешь его на графическом планшете? Умеешь им пользоваться?

— Нарисую, я знаю все программы для цифрового художника, работала с дешёвеньким планшетом. У вас тут вся техника дорогая, но изучить интерфейс недолго, я же ещё айти-специалист, чиню баги и прочее. Могу несложные программы делать, потому что монументальное не доводилось ещё. У меня образование по компьютерам и программам, а художник — это хобби.

— Ничего себе хобби! Трёхмерный рисунок Ратхора. Он же тут будто на чёрно-белом фото.

Ребята начали быстро обсуждать, потом смеялись. Я начала думать, что ржут надо мной, но Валера, который был лидером группы, сказал весело:

— Общим решением принято: брать тебя в команду. Константин Михайлович, что скажете?

— Решили и славно. Простите, но я в этом не смыслю, сами знаете. Моё дело — финансировать ваши идеи и получать с них дивиденды. Прибыль распространяется так: пятьдесят процентов — мне, остальное парни делят поровну. Это справедливо, потому что я отремонтировал свой склад и дал им крышу над головой.

— Поправляйся скорей, Олеся, ты нам нужна, правда. Кого попало мы брать боялись, но тебя наш инвестор рекомендует, значит, ты девушка ответственная, — Валера подошёл и хлопнул меня по плечу.

— Я постараюсь оправдать доверие, — улыбнулась я.

— А я заказал много пиццы. Посидите, пообщайтесь. У нас с Константином Михайловичем свои дела. Тут недалеко есть кафе, посидим там. Олеся, всё будет хорошо, не переживай, я скоро тебя заберу.

Я кивнула: было немного страшно оставаться одной с малознакомыми людьми, но уже не до такой степени, как раньше.

— Он же явно твой любовник. Не родственник же, — хохотнул Захар и хлопнул меня по плечу.

Я выпучила глаза, не зная, что сказать, паника подняла голову. Я хотела вскочить и бежать за Ратхором, но меня будто к стулу приклеили.

— Ратхор так на тебя смотрел иногда, что трудно не понять. Мы с Жанкой тоже пара, недавно решили жить вместе, скоро поженимся, — Захар обнял Жанну, которая сидела рядом.

— Я бы не хотела это обсуждать, но… — замялась я.

— Не говори, если не хочешь. Не вздумай сбегать, нам твой монстр нужен. Нарисуешь других персонажей в этом стиле? — перехватил инициативу в разговоре Валера.

— Сделаю, если будет техническое задание, что именно нужно, — я с облегчением выдохнула.

— Пиццу привезли, — заорала Жанна и ринулась к двери, где стоял курьер. — Тут ещё сока полно. Круто, давайте отметим принятие нового члена коллектива в нашу компанию.

— Тебе не кажется, что слово «член» звучит как-то пошло? — заметил Захар.

Все дружно засмеялись. Я удивилась, что подхватила этот смех. Неужели у меня появятся новые друзья, новые интересы и будет совсем другая жизнь?

Глава 42

Олеся

В гостиной пахло воском и тонким ароматом натуральных благовоний. За плотными портьерами, скрывающими окна, угасал вечер, но здесь, в этом убежище, царил особый мир Вираджа.

Да, именно в убежище, потому что я привыкла считать дом таковым за тот месяц, который я тут жила с того момента, когда меня избили. Рука зажила, неделю назад сняли лонгету и разрешили потихоньку разрабатывать. Сегодня Ратхор решил сделать шибари. Мы практиковали лёгкие игры из-за сломанной руки, но я ждала именно этого, когда буду связана.

Я сделала последний глубокий вдох, чувствуя, как прохладный паркет холодит босые ступни. Я была полностью обнажена. Кожа покрылась мурашками, но это был не холод и не страх, а предвкушение блаженства. Отошла на середину комнаты, туда, где на полу лежал мягкий коврик с длинным ворсом, встала на него и замерла.

Руки скользнули за спину, запястье в запястье. Плечи расправились, но голова слегка наклонилась вперёд, открывая загривок. Взгляд упал на пляшущие огоньки свечей, расставленных на полу. Расслабляющая музыка тихо лилась из колонок, обволакивая сознание.

Теперь я научилась ценить момент перед сессией, когда душа наполняется чем-то особенным и мозг уже не кричит в панике, что нужно бежать. Сзади послышались лёгкие шаги, Вирадж ходил почти бесшумно, но я научилась узнавать присутствие любимого. Я не подняла головы, но дыхание на мгновение сбилось, тут же выровняла его, возвращаясь в состояние покорной неподвижности. Мастер встал вплотную за моей спиной.

— Хорошо, — тихо произнёс Вирадж, — Поза идеальная.

Он протянул руку и медленно, едва касаясь, провёл кончиками пальцев вдоль моего позвоночника от основания шеи до копчика. Моё тело едва заметно вздрогнуло, выдох стал чуть глубже.

— Сделай три шага вперёд и сядь на пуфик лицом ко мне, — голос был ровным, но не терпящим возражений. — Руки держи сзади.

Я повиновалась, опустилась на обитый бархатом пуфик. Мягкий свет падал на лицо Вираджа, вырезая резкие тени на его скулах, делая его похожим на древнее индийское божество, отстранённое, могущественное и бесконечно прекрасное. Тёмные глаза мастера были спокойны как омут.

— Ты готов? — спросил Вирадж.

— Да, мастер.

— Напомни мне, что ты должна сделать?

— Немедленно сказать «красный», если будет больно или начнёт неметь тело под верёвками.

— Хорошо, тогда приступим.

Вирадж наклонился вперёд, и я ощутила прикосновение верёвки к своей груди. Первые витки легли вокруг моего торса, прямо под грудью. Вирадж работал уверенно, но без спешки. Каждое движение было выверено.

— Вдох, — скомандовал Вирадж, затягивая узел на спине. Я послушно набрала полную грудь воздуха, чувствуя, как верёвка фиксирует его, как она оплетает меня, создавая внешний каркас.

Джут скользнул по ключицам, лёг крест-накрест на грудине.

Мастер продолжил связывать меня с методичностью паука. Вскоре я почувствовала себя заключённой в кокон, плотный и надёжный. Верёвка не причиняла боли, каждое прикосновение Вираджа, каждый узел, который он делал, напоминал мне, что я в безопасности, под кон-

тролем самого лучшего мужчины в мире. Я моргнула, чувствуя, как глаза защипало от внезапной влаги. Это было сродни чувству возвращения домой, где наконец тишина и нега, где можно снова почерпнуть силу на неделю вперёд.

Вирадж отстранился, окидывая взглядом свою работу. Я сидела на пуфике с идеально прямой спиной. Узоры верёвок на моей светлой коже были великолепны. Мне захотелось увидеть, как выглядит всё со стороны, поэтому мужчина сделал несколько снимков на свой телефон, потом положил его обратно на журнальный столик.

— Закрой глаза, — приказал Вирадж. — Теперь ты будешь просто сидеть. Слушай музыку и постепенно погружайся в себя, как я учил. Почувствуй, как из головы уходят все мысли, дыши ровно. Когда я решу, что время пришло, я тебя развяжу.

Я закрыла глаза. Сначала внутри была темнота и суета мыслей: «Удобно ли я сижу? Не затекает ли рука? Правильно ли я дышу?» Постепенно темнота начала переливаться цветами. Золотистые искры от свечей пробивались сквозь веки.

Я слышала прекрасную музыку, которая погрузила меня в другую реальность, где не было тревоги и боли, где я не страдала от постоянного осознания, что я никчёмная и никому не нужная девушка. Чувствовала каждый виток джута, обнимающий моё тело, верёвки не давили, они напоминали о моих границах. Странное, парадоксальное чувство свободы внутри жёсткой клетки.

Мысли растворились, осталось только тепло, верёвка и Вирадж. Мастер сейчас был в центре моего мира, но этот мир был надёжен и прекрасен.

Вирадж

Я сидел на диване, откинувшись на спинку, наблюдал за любимой, видел, как расслабляются её плечи, как уходит напряжение с лица, как приоткрываются губы в спокойном, умиротворённом полувздохе. Девушка ушла глубоко внутрь себя, и это было самым ценным.

Я чувствовал странное, щемящее чувство благоговения. Любимая доверяла мне настолько, что позволяла увести себя в глубины сознания. Я держал в своих руках не просто тело, а чужую душу. Это была огромная ответственность и невероятная близость.

Проверил время. Пятнадцать минут. Для медитации этого достаточно. Встал, стараясь двигаться плавно, чтобы не спугнуть атмосферу резким движением.

— Я здесь, — прошептал, подходя к Олесе сзади, положил ладони ей на плечи, чувствуя, как расслаблены мышцы. — Возвращайся. Медленно. Почувствуй моё тепло. Начинаю развязывать.

Олеся моргнула, фокус вернулся к реальности. Она ощутила тепло моих ладоней на своих плечах и лёгкое, освобождающее натяжение, когда я потянул за конец верёвки на спине. Путы ослабли, её дыхание стало ещё свободнее.

Развязывал её бережно, но уверенно, массируя кончиками пальцев покрасневшие от верёвок места. Олеся просто сидела, позволяя мне заботиться о ней. Когда последняя верёвка упала на пол, я помог ей встать. Её ноги слегка подкашивались, Олеся на мгновение прижалась спиной к моей груди. Обнял её со спины, уткнувшись носом в макушку.

— Ты молодец, — выдохнул я ей в волосы. — Ты была прекрасна.

Я развернул её к себе, потом подхватил под ягодицы и приподнял. Олеся обвила мою шею руками. Так, мы дошли до дивана, девушка оказалась у меня на коленях и прижалась щекой к груди, вдыхая аромат моей кожи.

— Как ты себя чувствуешь, милая? — спросил я, укрывая её пледом.

— Хорошо. Спасибо за сессию.

Олеся обхватила руками мою талию, а я перебирал пальцами её волосы.

— Расскажи, как это было? — попросил я.

Это была наша традиция — обсуждать сессию после её завершения.

— Сначала я волновалась. Думала, всё ли правильно делаю. А потом, когда ты пришёл и провёл рукой по спине, я успокоилась. Как будто выключатель щёлкнул, — Олеся потёрлась щекой о мягкую ткань моей домашней рубашки. — А когда ты меня связал, я перестала думать. Совсем. Был только ты и это чувство защищённости.

Я кивнул, продолжая гладить её по голове.

— Я видел, ты ушла глубоко. У тебя даже лицо изменилось, стало совсем безмятежным.

— А что чувствовал ты? — Олеся чуть приподняла голову, заглядывая в моё лицо снизу вверх.

В её взгляде было искреннее любопытство и нежность. Я задумался, подбирая слова.

— Спокойствие и ответственность. Когда я смотрел на тебя, чувствовал себя скульптором. Даже в шибари нужно найти идеальный баланс, сегодня он был. Спасибо за доверие, моя хорошая.

Олеся улыбнулась. Вчера была суббота, я помог ей собрать необходимые вещи и переехать ко мне. Олеся решила сдавать свою квартиру, а ещё она уволилась из моей компании и весь этот месяц ездила в студию, выполняла посильную работу.

Мы с Олесей занимались любовью почти каждый вечер, но сегодня она решилась на откровенный разговор. Я знал, что она не боится, но всё равно было заметно, что ей немного неловко.

— Вирадж, а можно человека обездвижить верёвками и заняться любовью? — прошептала Олеся, чувствуя, что краснеет.

— Теоретически да, но это всё равно опасно. Шибари только кажется искусством, но на самом деле нужен пристальный контроль. Человек может серьёзно пострадать, если начнутся неприятные ощущения в руке или ноге, а он будет терпеть и не скажет. Я уже говорил об этом, когда в первый раз проводил инструктаж, — ответил я, целуя её в макушку.

— Жаль, а я хотела бы попробовать что-то новое.

— Для такой игры существует специальный бандаж с наручами и поножами. Это безопасное приспособление, которое используется в том числе и для секса. Если хочешь, мы можем попробовать, я куплю качественный бандаж, — ласково ответил я. Меня удивило, что у Олеси появилась такая сексуальная фантазия, но я был рад её желанию экспериментировать.

— Хочу, — Олеся чуть приподнялась и теперь сидела лицом ко мне, она наклонилась к моему лицу и прошептала смущённо. — Хочу попробовать кое-что новое, покупай бандаж.

— Костя торгует качественными девайсами в своём клубе, долго ждать не придётся. Спасибо, моя хорошая, что решила мне настолько довериться. Я постараюсь сделать так, что тебе понравится.

Я приник к её губам, Олеся ответила на поцелуй.

Эпилог

Олеся

Я лежала на спине, на запястьях наручи, соединённые с поножами ремнями. Сейчас я была максимально открыта перед Вираджем, который скользил по моему телу тёплыми и скользкими руками. Масло для массажа пахло приятно и возбуждало ещё больше, потому что было предназначено именно для интима.

Вирадж наклонился, стал целовать и тереться об меня своим телом. Я протяжно застонала. Мы уже год вместе, и за это время не так часто практиковали эту игру. Я решила, что она будет лишь пару раз в месяц, когда очень хочется. В остальное время мы просто занимались любовью.

— Ты моя, — прошептал Вирадж, и я почувствовала, как его пальцы скользят по моему телу, даря невероятное наслаждение.

Он накрыл мой рот поцелуем, страстным и требовательным. Я отвечала с той же жадностью, чувствуя, как внутри разгорается пожар. Я зажмурилась от удовольствия, но тут же распахнула глаза и посмотрела на Вираджа. Какой же он был красивый, особенно когда его лицо искажалось от страсти. Вирадж не жалел, сминал мои губы до лёгкой боли, будто заявляя свои права. Я была не против и отвечала с такой же страстью.

Через несколько минут он сидел на коленях в моих ногах и ласкал меня. Я удивлялась, как Вирадж умудряется сделать так, что я всё время на грани, но не могу кончить.

— Пожалуйста, дай мне кончить, — заскулила я, не в силах больше терпеть эту сладкую пытку.

Вирадж усмехнулся, но сжалился. Его движения стали увереннее, и я почувствовала, как нарастающее удовольствие вот-вот накроет меня с головой.

— Я хочу тебя. Возьми меня сейчас, — прошептала я.

Начала стонать и извиваться в руках любовника. В наш первый раз было немного больно, а потом так сладко, что я поняла: мне нравится дарить себя Вираджу. За год ничего не изменилось, за исключением того, что теперь близость не приносила дискомфорта, наоборот, я жаждала этого.

Любовник всегда был нежным и внимательным, и в этот раз также. Когда он вошёл в меня, я почувствовала приятную заполненность внутри, стала двигаться в такт его движениям. Как же я его любила, до безумия, до звёзд в глазах. Вот и сейчас они замелькали передо мной, и меня затрясло от невероятного оргазма.

— Олеся, — простонал Вирадж, падая на меня.

Несколько минут мы лежали так, потом он вышел из меня и начал освобождать от пут.

— Мне нравится, когда ты вот так подчиняешься мне, — улыбнулся Вирадж и чмокнул меня в губы.

— А мне нравится, что ты властвуешь надо мной. Это особое чувство, когда ты скована и не можешь ничего сделать, — я вытерла своё тело салфетками.

Год вместе. За это время многое произошло. По совокупности преступлений парням, которые меня избили, дали по два года тюрьмы. Константин Михайлович не стал отмазывать сына. Артём получил условный срок, так как не был судим. Он решил остепениться, ходил к психологу, нашёл себе недавно девушку, которую полюбил.

Я подружилась с ребятами из студии и ходила на работу с удовольствием. Игра, которую мы создали, залетела недавно в чарты на третье место. Мою квартиру снимает молодая семейная пара с ребёнком, а я так и осталась жить в особняке. Юра женился, они с Викой ждут малыша.

Вирадж

Я лёг рядом с любимой и обнял. Олеся за год сильно изменилась. Её паника никуда не делась, но она стала редко проявлять себя. Девушка научилась находиться среди людей, завела себе новых друзей. Я боялся, что настанет день, когда она уйдёт от меня. У нас была немаленькая разница в возрасте. Однажды об этом зашёл разговор, но любимая заверила, что не собирается меня бросать.

— Помнишь, ты однажды сказал, что я от тебя уйду? — спросила Олеся, будто прочитала мои мысли.

— Да, такое было.

— Я прожила с тобой долго и уверена, что не смогла бы довериться сверстнику или парню чуть старше. Мне нравится, что ты опытнее меня.

— Спасибо, моя хорошая. Ты не представляешь, как я счастлив с тобой. Завтра будет год, как мы вместе, Дивья обещала испечь нам торт, — я улыбнулся, обрадовался её словам.

— У тебя хорошие слуги. Я слышала, что они хотят ребёнка усыновить, — с лёгкой грустью сказала Олеся.

— Они получили гражданство и прошли школу опекунов. Теперь им дали разрешение. Почему ты грустишь из-за этого?

— На самом деле я рада за них, но... Вирадж, только не злись, я хочу ребёнка от тебя. Вика скоро родит, и я чувствую, что тоже готова стать мамой.

— Тогда выходи за меня замуж, милая. Ребёнок должен родиться в полной семье. Прости, так предложение руки и сердца не делают, но раз ты заговорила об этом, я решил прояснить ситуацию, — ответил со всей серьёзностью.

— Я согласна. Вирадж, ты же знаешь, как я люблю тебя.

Олеся перекатилась на меня и сама полезла целоваться, я с удовольствием ответил. Не планировал заводить семью в России, но со временем понял, что уже не смогу без Олеси. Если у нас появится малыш, я буду только рад.

Я всячески помогал слугам, чтобы им дали разрешение на опеку, я знал, как они мечтали о ребёнке. Теперь у них будет приёмный малыш, и это было замечательно. Гостевой домик был достаточно просторным, чтобы там поселился маленький человечек, а у нас с Олесей со временем будет свой малыш.